

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X
ISSN 1817-7115

Издается с 2001 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Опарина О. И.** Способы представления знаний (Опыт ученых XIX века) 361
- Дегальцева А. В.** Особенности реализации модальности в высказываниях с адвербиальными компликаторами 366
- Литвинова Н. В.** Семантический потенциал широкозначного глагола «делать» в языках различных групп 371
- Жуков О. Р.** Контрастивный анализ термина *метонимия* в сфере фиксации (на материале русского и немецкого языков) 375
- Демчук Е. Ю.** Особенности употребления собственно грамматических видовых омонимов *ОБЛЕТАТЬ*^{НСВ} – *ОБЛЕТАТЬ*^{СВ} 380
- Бурунский В. М.** Употребительные цветочные прилагательные в современной французской и российской прессе 388
- Голубева Т. М.** Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассата в британском политическом дискурсе 392
- Майборода С. В.** Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) 396
- Зотеева Т. С., Фенина В. В.** Вежливость vs. невежливость при ответных реакциях на просьбу 402

Литературоведение

- Мокина Н. В.** Тургенев и символисты: к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 1: Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева «Дым» 407
- Хрусталева А. В.** О противоречиях термина «метод диалектического материализма» в истории литературной критики 413
- Федерякин А. Ю.** Жанрово-стилистические особенности цикла И. Г. Эренбурга «Шесть повестей о легких концах» 416
- Минц Б. А.** Стихи о щегле и их место во «Второй воронежской тетради» Мандельштама. Статья вторая 421
- Суворов А. А.** Анатомия «советского» в литературном процессе конца XX – XXI веков: А. И. Солженицын и В. П. Аксёнов (Часть I) 428
- Богданова О. В.** Виктор Пелевин и «московский концептуализм» 438
- Бобылева А. Л.** Манипулятивные технологии масс-медиа как предмет литературной рефлексии в прозе В. Пелевина 2010-х годов 443
- Прохорова Т. Г.** Система хронотопов в романе Михаила Шишкина «Письмовник»: к проблеме художественной целостности 447

Журналистика

- Данкова Н. С.** Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ: стратегия активации 452
- Навасартян Л. Г.** «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ 459
- Васильева Л. А., Гаврилов А. Д.** Особенности интеграции теле- и радиоканалов Чувашской Республики с социальными сетями 464
- Титлова А. С.** Исследование особенностей понимания текстов микроблога (на материале текста-комментария) 469

Дата

- К столетию гуманитарного образования в Саратовском университете**
- Прозоров В. В.** Письмо Ю. М. Лотмана Е. И. Покусаеву 473

Приложения

- Представляем книгу** 475

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56153 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 26.11.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 175-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–16 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- внешнюю по отношению к автору рецензию, заверенную печатью организации, в которой работает рецензент.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Linguistics**

- Oparina O. I.** Ways of Presenting Knowledge (the Experience of the XIXth Century Scientists) 361
- Degaltseva A. V.** The Peculiarities of Modality Realization in Utterances with Adverbial Complicators 366
- Litvinova N. V.** The Semantic Potential of the Verb with a Broad Meaning 'Do' in Languages of Different Groups 371
- Zhukov O. R.** Contrastive Analysis of the Term *Metonymy* in the Sphere of Fixation (on the Material of the Russian and German Languages) 375
- Demchuk E. Yu.** Peculiarities of Using Grammatical Homonyms Proper ОБЛЕТАТЬ (Fall) – Imperfective Aspect – and ОБЛЕТАТЬ (Fly Over) – Perfective Aspect 380
- Burunsky V. M.** Frequently Used Color Adjectives in Modern French and Russian Printed Media 388
- Golubeva T. M.** Linguistic Parameters of the Strategy of Legitimizing the European Union and Delegitimizing B. al-Assad in the British Political Discourse 392
- Mayboroda S. V.** Accessory Strategies in Professional Speech Communication of a Doctor and a Patient (To the Issue of the Classification Borders) 396
- Zoteyeva T. S., Fenina V. V.** Politeness vs. Impoliteness in the Responses to the Requests 402

Literary Criticism

- Mokina N. V.** Turgenev and Symbolists: to the Issue of the Artistic Experience Impact of Turgenev as a Novelist. Article 1: the Plot and Overplot in Turgenev's Novel *Smoke* 407
- Khrustaleva A. V.** On the Contradictions of the Term 'Method of Dialectic Materialism' in the History of Literary Criticism 413
- Federyakin A. Yu.** Genre and Style Peculiarities of I. G. Ehrenburg's Cycle *Six Novels with Easy Endings* 416
- Mintz B. A.** Poems of Goldfinch and Their Place in Mandelstam's *Second Voronezh Notebook*. Article two 421
- Suvorov A. A.** The Anatomy of the 'Soviet' in the Literary Process of the Turn of the XX–XXIst Century: A. I. Solzhenitsyn and V. P. Aksyonov (Part I) 428
- Bogdanova O. V.** Victor Pelevin and 'Moscow Conceptualism' 438
- Bobyleva A. L.** Mass Media Manipulation Techniques as a Subject of Literary Reflection in V. Pelevin's Prose of 2010s 443
- Prokhorova T. G.** A System of Chronotopes in Mikhail Shishkin's Novel *Pismovnik* (Letter Book): on the Issue of Artistic Unity 447

Journalism

- Dankova N. S.** Representing Judicial Power in the Russian and English Printed Media Discourse: Activation Strategy 452
- Navasartyan L. G.** 'Labeling' as a Technique of Information Manipulation in Mass Media 459
- Vasilyeva L. A., Gavrilov A. D.** The Features of TV and Radio Channels' Integration with Social Networks in Chuvash Republic 464
- Titlova A. S.** The Study of Special Aspects of Microblog Text Comprehension (on the Material of the Text Comment) 469

Date**To the Centenary of the Education in Humanities at Saratov University**

- Prozorov V. V.** Yu. M. Lotman's Letter to E. I. Pokusayev 473

Appendices

- Presentation of the Book** 475

- Information about the Authors** 479

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

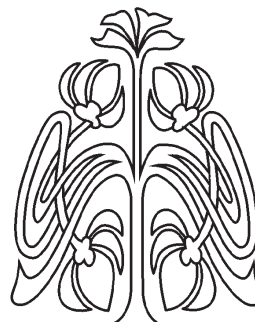
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

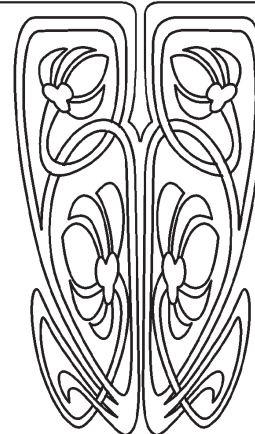
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Лённгрен Тамара Павловна, Ph.D, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Раева Александра Васильевна, кандидат филол. наук (Саратов, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D, профессор (Вена, Австрия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)

Шраер Максим Давидович, Ph.D, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ivanyushina I. Yu. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

BorISOV Yu. N. (Saratov, Russia)

Goroshko E. I. (Kharkov, Ukraine)

Dolinin A. A. (Madison, Wisconsin, USA)

Egorov B. F. (St. Petersburg, Russia)

Yelina E. G. (Saratov, Russia)

Kabanova I. V. (Saratov, Russia)

Krysin L. P. (Moscow, Russia)

Lönngren T. (Tromsø, Norway)

Maslova V. A. (Vitebsk, Belarus)

Nikitina S. Ye. (Moscow, Russia)

Norman B. Yu. (Minsk, Belarus)

Rayeva A. V. (Saratov, Russia)

Rathmayr R. (Vienna, Austria)

Sirotnina O. B. (Saratov, Russia)

Huan May (Beijing, People's Republic of China)

Shrayer M. D. (Brookline, Massachusetts, USA)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ (ОПЫТ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА)

О. И. Опарина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: oloparina@rambler.ru

В статье сопоставляются индивидуально авторские особенности текстов научного дискурса значимых ученых XIX в. Ч. Дарвина и Г. Спенсера с точки зрения прагматики и способов представления знаний. Основными аспектами сопоставления являются организация текста, ментальные презентации и стиль изложения.

Ключевые слова: знания, Дарвин, Спенсер, жанр, стратификация, картина мира, авторская стратегия.

Ways of Presenting Knowledge (the Experience of the XIXth Century Scientists)

O. I. Oparina

The author compares signature peculiarities of the scientific discourse texts of the prominent XIXth century scientists Ch. Darwin and H. Spenser from the perspective of pragmatics and ways of knowledge presentation. The main aspects of comparison are text organization, mental presentations and the style of narration.

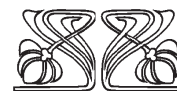
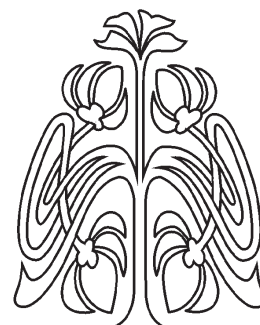
Key words: knowledge, Darwin, Spenser, genre, stratification, world picture, author's strategy.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-361-365

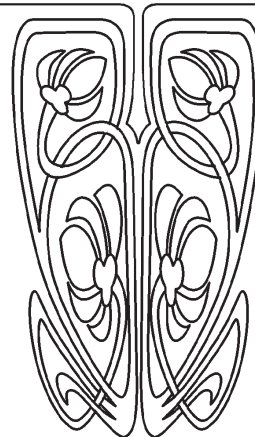
Знания как феномен вызывают огромное количество толкований. Все стремления дать строгое и однозначное определение имеют следующие цели: изучить способы приобретения знаний, передачу вторичных знаний, понимание представляемой информации, эффективное усвоение и оперирование ими.

Если обратиться к популярному толкованию, то знания – «форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека»¹. Познавательную деятельность любой индивидуум осуществляет двумя основными способами: посредством своей деятельности, опыта, навыков, что приводит к некоторым умозаключениям и выводам как теоретическим, так и практическим, направленным на усовершенствование схожих операций в дальнейшем. Второй путь ассоциируется с образованием, с интенциональным изучением какого-то предмета, области ради познания нового, освоения уже накопленной информации и сведений по теме, структурированных в определенную систему. Подобные объемы знаний вторичны при всей адекватности и логичности в структурировании, они субъективны, так как представлены посредством познавательной деятельности конкретного человека или группы людей.

Главным хранилищем знаний и способом их передачи являются естественные языки. В рамках когнитивных исследований понятие *знание* изучается с разных сторон и понимается как «семантическое содержание ментальных репрезентаций <...> Знания – это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему»². Соответственно, внутри языка существуют регулярные структуры, посредством которых знания представляются и хранятся. Рассмотрение таких структур и анализ их функционирования помогают выявить лучший способ представления материала с прагматических позиций.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Необходимо упомянуть еще один существенный для данной статьи момент. Некоторые ученые считают, что современное представление о *знаниях* началось с третьей научной революцией, т. е. с середины XIX в.,³ что обусловило выбор авторов и текстов для рассмотрения.

Несомненным является также тот факт, что Ч. Дарвин и Г. Спенсер стали ключевыми фигурами периода пересмотра многих ценностей и изменения всей картины мира в XIX в. Оба ученых были современниками (публикация первых работ относится к 1850-м гг.), взгляды каждого из них оказали огромное влияние друг на друга. В работах Ч. Дарвина неоднократно встречаются ссылки на Г. Спенсера, а теория социальных отношений последнего известна как «социальный дарвинизм». Наконец, третьим фактором, объединяющим этих мыслителей, выступает особый интерес к способам изложения информации, чтобы сделать ее доступной, понятной, легко запоминающейся, а также убедить адресата в достоверности и аргументированности точки зрения, превратив читателя в своего единомышленника. Ч. Дарвин упоминает об этом в «Автобиографии»⁴, а Г. Спенсер посвящает этой проблеме эссе «Философия стиля»⁵.

Приведенные аргументы и обусловили выбор произведений именно этих авторов/ученых для рассмотрения способов представления *знаний* с целью наиболее эффективного донесения их до читателя. Данный вопрос весьма актуален в настоящее время, как, впрочем, и в прошлом. Общество, в котором, с одной стороны, основной ценностью стала информация, а с другой, объемы материала благодаря Интернету превышают возможности восприятия и освоения их человеком, нуждается в наличии простых и понятных методов представления новых сведений. Изучение работ Ч. Дарвина позволяет рассмотреть его стиль изложения, который способствовал распространению теоретических постулатов, относящихся к чистой науке. Его идеи и теория стали известны и популярны среди разных слоев образованного населения, выйдя за рамки узких научных кругов, а онтологические принципы сформировали новое мировоззрение, повлиявшее на методику и подходы к исследованию во многих областях науки.

Ч. Р. Дарвин. В качестве объекта изучения целесообразно выбрать первое серьезное произведение – «Происхождение видов», опубликованное в 1859 г., условно составляющее первую часть его теории, продолженной в дальнейшем в других монографиях. В качестве основных положений следует остановиться на организации текста, типах ментальных репрезентаций, прагматическом аспекте.

Организация текста подразумевает выбор жанра представления материала и стратификацию текста.

Если говорить о жанре, то Ч. Дарвин следует традиционной форме представления материала – трактату. Трактат как жанр научной литературы весьма многогранен. Если обратиться к его

определению, то он происходит от латинского *tractātus* ‘обсуждение, рассмотрение’ < *tractare* ‘to handle’ (рассматривать, обрабатывать). Согласно Оксфордскому словарю, трактат / *treatise* – *a written composition, esp. one treating a subject formally or systematically, a formal and systematic exposition writing of the principles of a subject, generally longer and more detailed than an essay*⁶. Смысловая суть трактата: предоставление информации и рассуждений, подтверждаемое доказательствами с опорой на общие, коллективные знания; выводы имеют форму умозаключений, базирующихся на теоретических постулатах и эмпирических данных, полученных в результате наблюдений. Структурная текстообразующая основа – строгая систематичность и логичность. Реализация текста подчинена внутреннему движению от одного теоретического положения к другому, опровергаемому или подтверждаемому доказательствами. Вступление является отправной точкой, оно поднимает проблему, дает обзор различных мнений, плавно переходя к собственно изложению хода исследования по определенному плану, целью которого становится подведение читателя к соответствующим умозаключениям/выводам. Работа Ч. Дарвина построена именно по такому принципу: введение, разделение на главы, которые, в свою очередь, завершаются выводами, обобщение. Трактат дает возможность ученому преподнести революционный, по сути, материал в строгой научной форме. При этом трактат подразумевает и возможность рассуждений, представляющих своего рода «мысли вслух», где мнение отдельного человека благодаря фактическим данным оформляется в логичную теорию. Контраст между научной строгостью формы и свободой смысла, выраженной в размышлениях, свидетелем и участником которых становится читатель, способствует привлечению внимания адресата.

Второй момент – стратификация текста. Каждая глава соответствует определенной идее. Например, Глава I озаглавлена *VARIATION UNDER DOMESTICATION*, где подробно рассматриваются все аспекты и история вопроса. Помимо этого, тексту предшествуют основные положения, требующие детального изложения и составляющие тезисное наполнение раздела (*Causes of Variability – Effects of Habit – Correlation of Growth – Inheritance – Character of Domestic Varieties – Difficulty of distinguishing between Varieties and Species – Origin of Domestic Varieties from one or more Species – Domestic Pigeons, their Differences and Origin – Principle of Selection anciently followed, its Effects – Methodical and Unconscious Selection – Unknown Origin of our Domestic Productions – Circumstances favourable to Man's power of Selection*)⁷. Читатель имеет своеобразный план, представляющий ключевые моменты, необходимые для изучения данного понятия, до непосредственного обращения к тексту. При чтении адресат получает возможность соотнести обозначенные тезисы с фрагментами

текста, где они подробно рассматриваются. Такая подача информации структурирует сведения с самого начала, они воспринимаются системно, как единые элементы информации, составляющие блоки системы знаний.

Важнейшим элементом стратификации текста является его сбалансированность. Все главы в целом равны по объему, и каждый абзац имеет объем, как правило, в среднем 1500–1700 знаков. Причем абзацы меньшего объема присутствуют в тексте, в то время как большего – нет. Безусловно, при разделении на абзацы ученый руководствуется положениями концепции, которые выступают как текстообразующие элементы. Однако не следует забывать и о прагматике текста: чем короче абзац, тем легче воспринимается текст визуально, следовательно, исчезает ощущение сложности при взгляде на него, что подталкивает к прочтению, а не отталкивает. Равные страты удерживают внимание, не давая устать и потерять нить изложения, следовательно, устанавливается контакт между адресантом и адресатом, где один дает сведения, пропорционально разделенные, второй воспринимает и усваивает их.

Ментальная презентация. В настоящей статье хотелось бы остановиться на используемых автором ассоциативных и логических связях, соединяющих две картины мира: научную и бытовую. Например, *I have now explained how, I believe, the wonderful fact of two distinctly defined castes of sterile workers existing in the same nest, both widely different from each other and from their parents, has originated. We can see how useful their production may have been to a social community of ants, on the same principle that the division of labour is useful to civilised man. Ants, however, work by inherited instincts and by inherited organs or tools, while man works by acquired knowledge and manufactured instruments*⁸. В данном фрагменте сравнивается поведение муравьев и производственные отношения между людьми. Пояснение положений теории фактами, которые читатель мог наблюдать в обыденной жизни, и перенос этой модели, созданной по аналогии, на общество, наглядно демонстрирует и подтверждает теоретические вопросы.

Ассоциации касаются не только объединения понятий и их проекции из одной сферы в другую. При иллюстрации некоторых положений Дарвин вызывает визуальные ассоциации, которые ранее читатель мог наблюдать. Порой они не имеют прямого отношения к доказательствам, а лишь делают текст красочным и стилистически разнообразным, что облегчает его восприятие. *It is interesting to contemplate an entangled bank, clothed with many plants of many kinds, with birds singing on the bushes, with various insects flitting about, and with worms crawling through the damp earth, and to reflect that these elaborately constructed forms, so different from each other, and dependent on each other in so complex a manner, have all been produced by laws acting around us*⁹. Если взять данный отрывок вне контекста, особенно начало, то он соответствует стилистически жанру художественной литературы

и демонстрирует поэтическое описание природы. В конце романтическая картинка переходит в научную лаконичность, с указанием на системность (слово *laws*). Подобное представление знаний делает их понятными; описательность, красочность воздействуют на эмоции человека, вызывая положительную оценку: «Это интересно!». Этот метод подачи информации также переключает внимание адресата, создавая «минутку отдыха».

Стиль изложения. Говоря о стиле изложения, имеется в виду не стилистика текста, а прагматика, функциональная стилистика, в частности функция воздействия. В 1970-е гг. широко обсуждалась проблема коммуникативности научного текста¹⁰. Научная работа рассматривалась как диалог автор/читатель. Особая роль отводилась роли автора и выбранной им стратегии взаимодействия с адресатом. Среди наиболее распространенных стратегий в научном дискурсе – это назидательная (первая), с дистанцией между участниками предполагаемого диалога, иерархией, и «общение на равных» (вторая), или *chatty style*, которая создает атмосферу беседы, взаимодействия, делает читателя участником размышлений, подробно демонстрируя ход рассуждений, что подталкивает к определенным умозаключениям. Таким образом, адресат становится соучастником выводов. Именно такую стратегию и выбрал Ч. Дарвин, что обусловлено чертами его характера как человека и в чем проявляется его языковая личность.

В тексте постоянно присутствуют прямые обращения к читателю: *Let us now consider..., Naturalists, as we have seen, try to arrange..., I request the reader to turn to the diagram illustrating the action..., I must now say a few words on..., it seems to me..., We will now turn to climbing plants.* Дарвин не просто излагает постулаты, доказывая их, а видит перед собой воображаемого адресата, привлекая его внимание, приглашая к сотрудничеству. При этом ученый разговаривает с ним как с равным. Его мнение может быть подвергнуто сомнению, его цель – убедить, сделать выводы однозначными, что и обусловило выбранную стратегию. Для этого реконструируется весь ход рассуждений, в частности конструкциями с «If»: *If its average numbers are to increase in its new home, we should have to modify it in a different way to what we should have had to do in its native country; for we should have to give it some advantage over a different set of competitors or enemies*¹¹.

Еще одним способом создания непринужденной атмосферы становится обращение к личному опыту, рассказы о собственных наблюдениях. *I then put into the hive, instead of a thick, rectangular piece of wax, a thin and narrow, knife-edged ridge, coloured with vermilion.* Далее следуют описание эксперимента и теоретические умозаключения.

Одним из приемов установления диалога становятся вопросно-ответные комплексы, представляющие прямое обращение к читателю. *How the struggle for existence, briefly will be discussed in the last chapter; act in regard to variation? Can the principle of*

selection, which we have seen is so potent in the hands of man, apply under nature? Приведенные примеры выполняют функцию постановки проблемы, на что следует обратить внимание. Однако в тексте встречаются и дефокусирующие внимание вопросы, дающие возможность отвлечься, отдохнуть: *...we must admit that many domestic breeds must have originated in Europe; for whence otherwise could they have been derived? So it is in India.* Дефокусирование становится фактором переключателя, который выполняет прямо противоположную функцию – делает материал запоминающимся.

Г. Спенсер. Свое понимание «хорошего стиля» ученый изложил в работе «The Philosophy of Style». Эссе «Философия стиля» Г. Спенсера – это попытка создать тип «стиля», вводящий единообразие как в сугубо научной сфере, так и в художественном творчестве с ориентацией на адресата. Суть этой работы – предложить наиболее эффективный способ представления знаний, которому ученый старался следовать при написании собственных работ. Особая роль отводится создателю текста, именно на него возлагается ответственность в правильной интерпретации его адресатом и воздействии произведения в целом.

Организация текста. Прежде всего, необходимо обратить внимание на жанр произведения, так как выбор жанра задает ментальный сценарий, соответствующий определенным ожиданиям читателя. Сам автор называет свою работу – *essay* (эссе). Эссе предполагает небольшое по объему сочинение в прозаической форме, «выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу и вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета»¹². Автор выбирает жанр своего произведения, и жанр *эссе* рассматривается им в качестве способа изложить свои взгляды, не претендуя на абсолютную объективность. Иными словами, ученый делится с читателем в относительно свободной форме своими идеями по проблеме, изначально предлагая ему выбор: согласиться с мнением или нет. Жанр эссе задает своеобразную атмосферу общения, диалога, характерной чертой которого является сокращение дистанции между создателем текста и тем, кому он адресован.

Работа разбита на две части, которые состоят из нескольких озаглавленных небольших по объему разделов. Каждый раздел соответствует положению его теории и представляет тезисный план: часть I – CAUSES OF FORCE IN LANGUAGE WHICH DEPEND UPON ECONOMY OF THE MENTAL ENERGIES включает *The Principle of Economy, Economy in the Use of Words, The Principle of Economy applied to Sentences, The Principle of Economy applied to Figures, Suggestion as a Means of Economy, The Effect of Poetry explained*¹³. Просмотр названий отражает концептуальные принципы теории, что облегчает восприятие. Далее текст дается в виде маркированных параграфов, объединенных идеями. Эта идея подтверждается

примерами. Объем каждого параграфа варьируется, но не превышает 1700 знаков, так как небольшие фрагменты текста легче воспринимаются, не осложняя понимания и не утомляя.

Ментальные презентации. Г. Спенсер так же, как и Ч. Дарвин, старается объединить, связать ассоциациями и по аналогии научную картину мира и бытовую. Информация должна поступать в легкой и доступной форме, адресату следует прикладывать минимум усилий для ее понимания и освоения. Идея Г. Спенсера состоит в использовании простых слов англо-саксонского происхождения и структуры предложений, характерной для разговорного регистра, что устанавливает ассоциативную связь с повседневным опытом и проецируется на собственное знакомство с языком. Например, Г. Спенсер пишет: *he does not reflect, he thinks; he does not beg for amusement, but for play; he calls things nice or nasty, not pleasant or disagreeable.* Следует отметить, что сам ученый не всегда следовал предлагаемым методам. Его стиль лаконичен, предложения, как правило, построены исходя из прямого порядка слов, т. е. подлежащее – сказуемое – дополнение и т. д.

Особая роль отводится метафорам и сравнениям, которые, по мнению автора, экономят «ментальные усилия» читателя и ускоряют понимание. Спенсер специально останавливается на этих приемах в эссе и использует их для донесения своих идей до адресата. Например: *While conversely, as for a boy, the only possible mode of transferring a hundred-weight, is that of taking it in portions; so, for a weak mind, the only possible mode of forming a compound conception may be that of building it up by carrying separately its several parts.* Используемое сравнение отсылает к бытовому опыту, картинке, которую каждый видел в повседневной жизни. Модель переносится в абстрактную сферу, и сложные принципы упрощаются, они оказываются близкими и понятными.

Основная цель при отборе ментальных моделей – упростить восприятие, излагать сложные абстрактные вещи лаконично и просто, адаптируя научный материал к бытовой картине мира, давая своеобразные ключи к постижению сложных смыслов.

Стиль изложения. Предлагаемые Г. Спенсером положения лишь частично отражены в его собственном стиле. По крайней мере, он последовательно пользуется двумя. Первое – текст должен быть легким и логичным при визуальном восприятии, что отразилось в его организации и структурировании. Традиционное деление на вступление, основную часть и выводы в произведении отсутствует. Вступление обозначено параграфом (следует отметить, что нумерация параграфов сквозная, а не по частям), то же касается и выводов. Принцип «обо всем главное и немного» выдержан им. По мнению автора, работу следует воспринимать как единое целое, она должна быть прочтена на «едином дыхании». Автор (идеальный по Спенсеру) создает произведение

не в результате долгой умственной работы, а «по зову души»: ... *we shall find that the ideal form for a poem, essay, or fiction, is that which the ideal writer would evolve spontaneously...* Для восприятия произведения в целом необходимо создать стиль изложения, способствующий этому. Г. Спенсер вводит понятие *вариативности*, которое касается всех уровней языка. Правильные, с точки зрения порядка слов, предложения перемежаются с инверсией и эмфатическими конструкциями.

Вариативность присутствует и в чередовании регистров речи. Например, § 59 наглядно демонстрирует это: 1) *This generalization, with which we are all familiar in our bodily experiences, and which our daily language recognizes as true of the mind as a whole, is equally true of each mental power, from the simplest of the senses to the most complex of the sentiments.* // 2) *If we hold a flower to the nose for long, we become insensible to its scent. We say of a very brilliant flash of lightning that it blinds us;* // 3) *which means that our eyes have for a time lost their ability to appreciate light.* // 4) *After eating a quantity of honey, we are apt to think our tea is without sugar.* // 5) *The phrase «a deafening roar», implies that men find a very loud sound temporarily incapacitates them for hearing faint ones.* // 6) *To a hand which has for some time carried a heavy body, small bodies afterwards lifted seem to have lost their weight.* // 7) *Now, the truth at once recognized in these, its extreme manifestations, may be traced throughout.* Первая часть относится к собственно научному дискурсу, вторая – ассоциативно связана с художественным, третья – опять возвращает к научному, четвертая и шестая части относятся к бытовой картине мира, пятая – связана с учебной литературой, и последний отрезок – снова научный стиль.

Рассмотрев произведения двух выдающихся ученых XIX в., можно заметить, что, несмотря на различные индивидуальные стили, целью их работ было донести знания до читателя в понятной и доступной форме. Дарвин более традиционен, он действует в рамках научного дискурса, видоизменяя и адаптируя его с прагматическими целями. Ученый присутствует в повествовании, он внутри произведения. За сложными понятиями и логическими построениями стоит его «Я», которое помогает, комментирует, поясняет. Стратегия, выбранная Ч. Дарвиным, состоит в создании непринужденной атмосферы взаимодействия и диалога на равных.

Г. Спенсер выбирает другую стратегию: сделать материал простым, эффективным в восприятии и понимании посредством ресурсов языка. Идеальный автор тот, кто интуитивно способен изложить факты и идеи так, чтобы они не вызвали трудностей в понимании и запоминании. Смысловая составляющая основана на проецировании бытовой картины мира и личного опыта на научную картину мира по аналогии, порой

обращаясь к визуальным ассоциациям, «смешивая стили». Спенсер обозначает «смешение стилей» как *вариативность*.

Подобный прием присутствует и у Дарвина, однако у него это выполняет имплицитную функцию, в то время как у Спенсера служит прагматическим целям. Объединяет ученых и выбор жанров произведений (трактат и эссе), которые подразумевают свободу структуры и изложения в виде размышлений.

Оба способа донесения материала до адресата могут служить моделью, которую каждый создатель текста выбирает для себя сам. Однако цель всегда остается одна – процесс донесения информации и ее преобразование в знания должен быть быстрым и легким.

Примечания

- 1 Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/929994> (дата обращения: 21.01.2016).
- 2 Кубрякова Е., Демьянков В., Панкрац Ю., Лузина Л. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 28–29.
- 3 Там же. С. 29.
- 4 См.: *Darwin Ch.* Authorbiography. URL: <http://darwin-online.org.uk/> (дата обращения: 20.12.2015).
- 5 См.: *Spencer H.* The Philosophy of Style. Project Gutenberg Ebook produced 2009. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5849/5849-h/5849-h.htm> (дата обращения: 20.12.2015).
- 6 The Oxford English Dictionary. Oxford : University Press, 1933.
- 7 См.: *Darwin Ch.* The Origin of Species by Means of Natural Selection, definitive 6th London edition, 1859. 342 pp. URL: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/> (дата обращения: 23.12.2015).
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 См.: *Кожина М.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
- 11 *Darwin Ch.* The Origin of Species by Means of Natural Selection, definitive 6th London edition, 1859. 342 p. URL: <http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/> (дата обращения: 23.12.2015). Далее цитаты Ч. Дарвина в тексте приводятся по этому источнику.
- 12 Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 516.
- 13 *Spencer H.* The Philosophy of Style. Project Gutenberg Ebook produced 2009. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5849/5849-h/5849-h.htm> (дата обращения: 20.12.2015). Далее цитаты Г. Спенсера приводятся в тексте по этому источнику.

Образец для цитирования:

Опарина О. И. Способы представления знаний (Опыт ученых XIX века) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 361–365. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-361-365.

УДК 811.161.1'367.7

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОСТИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С АДВЕРБИАЛЬНЫМИ КОМПЛИКАТОРАМИ

А. В. Дегальцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: deganna@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей реализации модальности в высказываниях с адвербиальными компликаторами. Автор рассматривает разные типы модальности, анализирует случаи полимодальности.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, диктум, модус, модальность.

The Peculiarities of Modality Realization in Utterances with Adverbial Complicators

A. V. Degaltseva

The article is dedicated to the examination of the peculiarities of modality realization in utterances with adverbial complicators. The author considers different types of modality, analyzes the instances of polymodality.

Key words: semantic complication of a simple sentence, adverbialization, dictum, modus, modality.

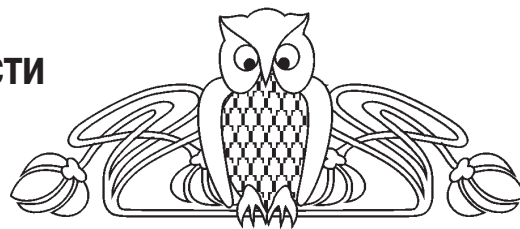
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-366-371

Изучение средств усложнения семантики простого предложения – одна из актуальных проблем современной лингвистики. Механизмы создания полипропозитивности являются различные семантико-синтаксические процессы, к которым относится и адвербиализация, находящаяся в сфере нашего интереса¹.

Усложнители семантики монопропозитивных предложений, или компликаторы², не имеют собственных механизмов актуализации и реализуют модальность, темпоральность и персональность только в составе предложения посредством взаимодействия с его предикативным ядром³. Это справедливо и для изучаемых адвербиальных компликаторов (далее – АК).

Потенциальная способность пропозиции, заключенной в АК, к реализации темпоральности уже была рассмотрена нами⁴. В данной работе мы обращаемся к особенностям реализации модальности в высказываниях с АК.

Исследование проводится на материале высказываний, извлеченных из текстов разных сфер и, соответственно, функциональных стилей: художественной прозы (ХС), газетной публицистики (ПС), научных исследований (НС), официально-деловых документов и деловой переписки (ОДС), записей разговорной речи,

хранящихся на кафедре русского языка и речевой коммуникации, а также представленных на сайте <http://www.ruscopora.ru/> (ОБС). Общий объем проанализированных предикативных единиц составляет около 250 000.

Среди лингвистов до сих пор нет единого понимания категории модальности, общего взгляда на соотношение понятий «модус и модальность», «модальность и наклонение»⁵. «Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково»⁶. Различается и количество значений, относимых к модальным, в работах разных ученых⁷. Однако, несмотря на некоторую разницу в исследовательских подходах, большинство ученых единодушно признают, что основным содержанием категории модальности является отношение факта речи к действительности. Так, в трудах В. В. Виноградова модальность понимается как оформляющая предикативность синтаксическая категория, обладающая общим грамматическим значением отнесенности основного содержания предложения к действительности⁸. Авторы академической «Русской грамматики» понимают под модальностью явления, которые интонационно, лексически или грамматически выражают отношение говорящего к сообщаемому факту или отношению сообщаемого факта к действительности⁹. А. В. Бондарко, рассматривая модальность с позиции функциональной грамматики, анализирует ее как совокупность функционально-семантических полей (ФСП)¹⁰. Это «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности/ирреальности»¹¹. ФСП модальности, согласно взглядам исследователя, представлено значениями актуальности/потенциальности, оценки достоверности, коммуникативной установки высказывания, утверждения/отрицания, засвидетельствованности (категорией, впервые предложенной Р. О. Якобсоном¹²).

В работе «Очерк функционального синтаксиса русского языка» Г. А. Золотова, анализируя основные подходы к рассмотрению категории модальности, предлагает разграничить 3 типа, 3 возможных аспекта ее изучения¹³. Во-первых, модальность может пониматься как отношение содержания высказывания к действительности. Способ выражения такой модальности – мор-

фолого-синтаксический, осуществляемый посредством категории наклонения. Во-вторых, модальность может рассматриваться как отношение говорящего к содержанию высказывания (это так называемая субъективная модальность). В-третьих, модальность может рассматриваться как способ отношений между действием (предикативным признаком) и его субъектом. Средствами выражения такой модальности служат ее лексические показатели – модальные слова¹⁴. К ним в лингвистической литературе обычно относят глаголы, краткие прилагательные, предикативы, частицы и под., своими лексическими значениями выражающие возможность, желание, готовность, долженствование, необходимость и т. д.¹⁵. Предложения с такими модальными словами сообщают о реальных фактах, они формально и семантически соотносятся с формами предложений, которые синтаксически выражают подобные объективно-модальные значения¹⁶. Как отмечает Г. А. Золотова, такого рода отношения между субъектом и его действием следует считать внутрисинтаксическими модальными отношениями, в противоположность внешнесинтаксическим модальным отношениям первого и второго типов¹⁷. Лексические средства выражения модальности способны реализовывать свое значение только в рамках предложения, поэтому являются объектом изучения не только с лексических, но и с синтаксических позиций¹⁸. В данной работе мы будем придерживаться подхода Г. А. Золотовой, разграничивающей внутрисинтаксические и внешнесинтаксические явления в области модальности.

Если анализировать модальность с позиций объективного и субъективного планов содержания предложения (диктума и модуса¹⁹), то необходимо отметить следующее. Во-первых, модальность в качестве одной из предикативных категорий следует относить к актуализационным категориям модуса; во-вторых, модальность как проявление отношения говорящего к содержанию высказывания необходимо рассматривать в рамках комплекса квалификативных модусных категорий. Наконец, если говорить о модальных значениях желания, возможности, необходимости и под. как о показателях отношения субъекта к его действию, следует рассматривать их лишь как модификаторы основного значения (диктумного содержания) предложения. Функции таких модальных слов определены в лингвистической науке неоднозначно. Так, Г. А. Золотова полагает, что они сближаются с функциями средств выражения субъективной модальности: *Должно потеплеть. По-видимому, потеплеет. Ночь может быть морозной. Ночь, наверное, будет морозной*²⁰. По мнению же А. В. Бондарко, «индикативное выражение необходимости, возможности, желания» входит в сферу реальной модальности²¹. Как замечает исследователь, в предложениях типа *Я могу/хочу/мог бы это*

сделать присутствует и некоторая доля ирреальности, однако в таких высказываниях «речь идет о “реальной возможности”, действительном желании...»²²

Пропозиции, содержащиеся в свернутом виде в АК, потенциально способны к реализации внешнесинтаксических и внутрисинтаксических модальных значений. АК, однако, являются лишь лексическими средствами выражения модальности, поскольку не имеют специальных грамматических показателей отношения называемого действия к действительности. АК передают данные значения посредством лексической семантики как самостоятельно, так и в соотношении с семантикой предиката базовой пропозиции.

Рассмотрим реализацию АК внешнесинтаксических модальных значений. Обратимся сначала к такому аспекту, как отношение содержания высказывания к действительности.

Объективно-модальные значения включают в себя комплекс значений реальной и ирреальной модальностей²³. Большинство ситуаций, заключенных в АК, связаны с реальной модальностью и выражают объективное положение дел в действительности, которое находит отражение в формах изъявительного наклонения. Это объясняется тем, что индикатив является грамматически немаркированной, наиболее употребительной формой из всех глагольных форм наклонения²⁴. Именно в индикативных высказываниях существует временная определенность: события относятся к настоящему, прошедшему или будущему времени²⁵. Реальность и ирреальность противопоставлены друг другу «как “то, что осуществляется в настоящем, прошедшем или будущем” (синтаксический индикатив) и “то, что осуществляется в неопределенном временном плане”»²⁶.

Можно говорить о том, что в полипропозитивных высказываниях с АК преобладает мономодальность. При этом в подавляющем большинстве случаев и главная, и побочная пропозиции называют факты, относящиеся к сфере реальности (в широком понимании – с включением в нее значений будущего времени). Ситуации, заключенные в АК, могут относиться к настоящему времени – актуальному и неактуальному, употребляемому в прямом и переносном значениях: *Словно всегда начеку. Даже когда что-нибудь увлеченно рассказывает (ХС); «Фараониха», – вслед ей весело думает Андерсон (ХС); Мы внимательно следим за ведущимся в рамках КМСЕ обсуждением перспектив создания Европейского форума цыган и кочевников (ОДС); прошедшему: С гордостью показал роскошные наряды из последней коллекции, представленной на Российской неделе моды (ПС); То, что мы здесь обобщенно представили, – лишь немногие моменты в массиве «белых пятен» проблемы взаимоотношения музыки и нравственности (НС) и будущему времени: Небольшие освященные*

пояски **будут бесплатно выдавать** всем верующим в храме Христа Спасителя в Москве (ПС).

Совпадение модальных планов главной и побочной, выраженной АК, пропозиций не всегда связано с совпадением временных планов и их значений. Приведем некоторые примеры. *Да // Время ушло безвозвратно //* (ОБС): время ушло и никогда не вернется. *Как всегда гостеприимно встретят покупателей продавцы продуктов питания и сувениров* (ПС); *Там и пирог будет // Завтра как обычно всё вкусно приготовит бабуля //* (ОБС). В двух последних примерах речь идет о предстоящих событиях (выставке и посещении бабушки), но наряду с этим при АК употребляются лексические средства *как обычно, как всегда*, указывающие на абстрактный, постоянный характер названных качеств.

Мономодальность наблюдается также в том случае, когда и в главной, и в побочной пропозициях высказывания с АК присутствует ирреальное наклонение. Примерами могут служить случаи употребления сослагательного и побудительного наклонений: *А теперь осторожно потяни за ручку* (ОБС): потяни за ручку и соблюдай осторожность. *Ты бы так и стоял/ молчаливо тут//* (ОБС): ты бы стоял тут и молчал бы. Ср. под.: <...> образованный человек должен был бы **удивленно вскинуть брови**: «Вы, мол, имеете в виду знаменитого Сильвестра Второго?» (НС).

Нам встретились некоторые случаи полимодальности. Они связаны с тем, что в главной пропозиции присутствует реальная модальность, тогда как в побочной – ирреальная, связанная с целевым значением. Высказывания с такими АК можно переделать в сложноподчиненные предложения с придаточным цели или в простые полипропозитивные предложения с целевым инфинитивом. Модальность, выражаемую подобной пропозицией, содержащейся в АК, вслед за П. А. Лекантом, назовем модальностью намерения или целенаправленности²⁷. В ситуациях, заключенных в подобных АК, объединены значения стимула и потенциального результата²⁸.

К АК, передающим целевое значение, относятся наречия двух групп. Во-первых, те, что образованы от лексем, производящая база которой, в свою очередь, образована от слов с перформативными смыслами (т. е. таких, употребление которых является одновременно и совершением действия, ими называемого²⁹): *Он приветственно замахал обеими руками* (ХС). В данном высказывании действие, выраженное предикатом, реально, предшествует моменту речи, а действие, заключенное в АК, относится к ирреальному миру: он замахал, чтобы поприветствовать идущую женщину. Ср. под.: *И поскольку Захар остановился в дверях, Босота, с блестящими в свете настольной лампы глазами, опять **пригласительно** махнул рукой* (ХС). Среди таких АК много наречий, образованных

от действительных причастий настоящего времени, семантика которых связана с передачей целевого значения: *На стадионах Ланчхути или Батуми, где «Сокол» выступал в 1977 году, **ценившая артистизм публики ободряюще** кричала ему: «Лисий, давай!»* (ПС); *Игорь Васильевич не терял контакта с залом и после какой-то запальчивой реплики оборонявшегося докладчика **предостерегающе** поднял указательный палец левой руки* (ХС); *Выключил его, всмотрелся в сделанное, удовлетворился и только тогда, **вытерев** руки чистой фланелькой, **приглашающе** указал гостю на скамейку* (ХС). Во-вторых, к подобным АК относятся наречия, образованные от прилагательных, целевое значение которых обусловлено семантикой их производящих баз, обычно содержащих семы «служащий», «содержащий», «содержащий в себе». Приведем примеры. *Александр Исаевич <...> что-то **наставительно** вдалбливал Андрею Дмитриевичу* (НС): Александр Исаевич что-то вдалбливал Андрею Дмитриевичу, чтобы дать ему наставление. Согласно данным толкового словаря, наставительный – *содержащий наставление; поучающий*³⁰. Ср. под.: *Остроумно, **неназидательно** решает тему Пишгодский, изображая кран в виде огромной ноги слона, **приготовившейся наступить на муравья-человечка*** (НС).

Итак, модальность как одна из категорий предикативности является неотъемлемым свойством любого предложения. В большинстве случаев при объективно-модальных значениях, как показал анализ, наблюдается совпадение модальных планов главной и побочной пропозиций, поскольку АК не имеет собственных средств выражения модальности и синтаксически подчинен глаголу-предикату. Модальный план ситуации, называемой в АК, при трансформации соотносится с модальным планом ситуации, выраженным предикатом главной пропозиции. Это можно доказать на примере ряда конструкций, различающихся только модальными значениями главной пропозиции: модальность побочной пропозиции в них будет меняться вместе с изменением модального значения главной. *Я не буду подписывать эти бумаги **без договоренности** = **если не будет договоренности об этом**. Я не стал подписывать эти бумаги **без договоренности** = **так как не было договоренности об этом**. Я не стал бы подписывать эти бумаги **без договоренности** = **если бы не было договоренности об этом**.*

Другим аспектом категории модальности, как уже было сказано, является отношение говорящего к содержанию высказывания. Это отношение выражается посредством комплекса субъективно-модальных значений, передаваемых АК. В данной работе мы будем придерживаться взглядов авторов «Русской грамматики», которые относят к подобным значениям субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения:

уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит; согласие или несогласие, оценку событий и т. д.³¹

Согласно проанализированным данным, АК могут выражать такие субъективно-модальные значения, как оценочность и персуазивность.

Лексическими средствами выражения персуазивности являются некоторые предложно-падежные словоформы, выступающие в качестве адвербиальных компликативов: *Суверенностью можно сказать, что в Ростовском округе существовали немецкие колонии только евангелистов-лютеран* (НС); *С долей уверенности можно утверждать, что в зависимости от исторической эпохи виды делопроизводственных документов востребовались более или менее интензивно* (НС).

Посредством лексической семантики АК могут также оценочно характеризовать действия или состояния, выраженные в главной пропозиции. К таким субъективно-модальным оценкам относятся согласие или несогласие, принятие или непринятие; положительная или отрицательная оценка и под.³² Приведем примеры. *Вовлечение праздника в поле философской проблематики должно привлечь внимание и к вопросу культуры празднования, которая в нашем обществе недопустимо низка* (НС). В данном случае АК помогает пишущей выразить субъективную оценку диктумного содержания: то, что культура празднования в современном обществе низка, по ее мнению, недопустимо. Ср. под.: *Она тогда некрасиво ушла / не предупредила //* (ОБС); *Деньг на лечение онкобольных в нашей стране тратится позорно мало: 4–4,5 евро на душу населения, что в 2,5 раза ниже, чем в Восточной Европе, и в 10–12 раз ниже, чем в США* (ПС).

Третьим аспектом понимания категории модальности, как уже было сказано, является комплекс модальных значений долженствования, возможности, желания, необходимости и т. д. Средствами выражения подобных значений являются лексемы, к которым относятся и некоторые АК.

АК грамматически зависит от глагола-предиката. В связи с этим, когда в главной пропозиции присутствует модальная модификация, при разворачивании пропозиции, заключенной в АК, следует также использовать данный показатель модального значения (если АК разворачивается в диктумное содержание высказывания). Приведем примеры. *В Европе хорошие больницы, а на пособия можно безбедно жить* (ПС). В данном контексте АК следует трансформировать в предикативную единицу «можно ни в чем не нуждаться». *Органы исполнительной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации и граждане обязаны бесплатно предоставлять по запросам страховщиков и их профессиональ-*

ного объединения информацию (ОДС). В рамках данного высказывания АК трансформируется в структуру «органы исполнительной власти <...>, организации и граждане обязаны не взимать плату за имеющуюся у них информацию».

Если же АК содержит в себе субъективную оценку диктумного содержания (модусный компонент), то при трансформации побочной пропозиции уже не будет использоваться модальный модификатор, употребляющийся при предикате главной пропозиции: *Идрису пришлось позорно бежать* (ОБС). Идрису пришлось бежать, что, по мнению говорящего, было позорно.

АК посредством своей семантики может и самостоятельно вносить оттенок модального значения в высказывание. В частности, в проанализированном материале встретились те АК, которые могут выражать значение желания совершения действия. Это такие АК, как *охотно, с готовностью, с удовольствием и с радостью*. При этом две последних лексемы содержат эмоционально-волевую реакцию на действие, тогда как *охотно* и *с готовностью* связаны с задачей только волевого отношения к ситуации³³. Словоформы *охотно, с охотой, с радостью и с удовольствием*, согласно данным «Словаря-тезауруса синонимов русской речи», являются синонимами³⁴. Все эти лексемы выражают стремление или желание субъекта. Приведем словарные толкования. Охотно: «с охотой, с большим желанием»³⁵; охота: «желание, стремление, склонность к чему-нибудь»³⁶; с готовностью: «с согласием, желанием делать что-то»³⁷; с радостью: «очень охотно, с полной готовностью»³⁸; с удовольствием: «с чувством радости, довольства»³⁹. К данной группе относится и предложно-падежная форма *с желанием*, имеющая при себе различные зависимые определения, конкретизирующие характер этого желания. Лексема «желание» в данном случае имеет значение «внутренне стремление к осуществлению чего-либо»⁴⁰. Рассмотрим конкретные примеры. *Тогда русское государство переживало тяжелые годы смуты и с готовностью шло на мирное решение пограничных проблем на своих восточных и юго-восточных границах* (НС) = государство шло на мирное решение проблем, и оно было готово к такому шагу; *Он с удовольствием бежал бы от этой истории, но не может – некуда* (ПС) = он бежал бы от этой истории, и он хотел бы этого. Ср.: *Так приезжай, пока он жив, а я с радостью послужу вам переводчиком...* (ХС); *С большим желанием и весьма деятельно сотрудничали в «Сатириконе» и те писатели, которые ранее почти не принимали участия в юмористической журналистике <...>* (НР); *Она хорошо уживается с человеком, охотно гнездится вблизи его жилищ <...>* (НР).

Выбор модального значения АК при разворачивании его в самостоятельную пропозицию зависит от модального значения главной пропо-

зиции, выраженного лексически и грамматически: *В Москве, как и в других городах России, молодые люди уже не испытывают страха перед армией и охотно примеряют вместе с обмундированием новую роль в жизни* (ПС) = молодые люди примеряют на себя новую роль в жизни (реальная модальность); *Я охотно бы выпил кофе* (ОБС) = я хотел бы выпить кофе (ирреальная модальность).

Как правило, ситуации выражения желания субъекта, отраженные в вышеперечисленных АК, присутствуют в высказываниях с ирреальной модальностью или будущим временем индикатива, что указывает на потенциальный, нереализованный характер волеизъявления, поскольку лексема *желание* передает лишь некое внутреннее стремление⁴¹.

Подводя итоги, отметим, что особенности реализации модальности АК заключаются в следующем. АК, не обладая собственными грамматическими показателями модальности, потенциально способны передавать модальные значения лишь через взаимодействие с модально-временным планом главной пропозиции. При трансформации в самостоятельную предикативную единицу АК могут выражать модальные смыслы посредством своего лексического значения.

Указанные компликатеры реализуют два типа модальных значений: внутрисинтаксические и внешнесинтаксические. В первом случае они выступают в роли модальных модификаторов значения предиката главной пропозиции, во втором – способны (посредством взаимодействия с механизмом актуализации информации главной пропозиции) передавать объективно-модальные и субъективно-модальные (персуазивность, оценочность) значения.

В подавляющем большинстве случаев характер модального значения, потенциально содержащегося в АК, полностью определяется характером модального значения глагола-предиката. Случаи полимодальности в изучаемых высказываниях связаны с употреблением в них АК с целевым значением.

Примечания

- 1 См.: Дегальцева А. Адвербиализация как способ усложнения семантики предложения : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.
- 2 См.: Золотова Г. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982 ; Кормилицына М. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 3-е изд. М., 2011.
- 3 См.: Долженко Н. Русское предложение с девербативным оборотом : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006.
- 4 См.: Дегальцева А. Особенности реализации темпоральности адвербиальными компликаторами // Язык в пространстве речевых культур : К 80-летию В. Е. Гольдина / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М. ; Саратов, 2015. С. 111–117.
- 5 См.: Золотова Г. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973 ; Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность / отв. ред. А. Бондарко. Л., 1990.
- 6 Бирюлин Л., Корди Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность. С. 67.
- 7 См.: Золотова Г. Очерк функционального синтаксиса русского языка ; Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980 : в 2 т. Т. 2 ; Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность.
- 8 См.: Виноградов В. Избранные труды : Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- 9 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 10 См.: Бондарко А. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность. С. 59–67.
- 11 Там же. С. 59.
- 12 См.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя : сб. / сост. О. Г. Ревзина. М., 1972. С. 95–113.
- 13 См.: Золотова Г. Очерк функционального синтаксиса русского языка.
- 14 Там же.
- 15 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955 ; Арутюнова Н. Предложение и его смысл. М., 1976 ; Шмелева Т. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
- 20 Золотова Г. Очерк функционального синтаксиса русского языка. С. 150.
- 21 Бондарко А. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Модальность. Темпоральность. С. 73.
- 22 Там же.
- 23 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 24 См.: Зеленищikov А. Пропозиция и модальность. 2-е изд., доп. М., 2010.
- 25 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 26 Там же. С. 99.
- 27 См.: Лекант П. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- 28 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 29 См.: Арутюнова Н. Указ. соч. ; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- 30 Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2002. С. 600.
- 31 См.: Русская грамматика. Т. 2.
- 32 Там же.
- 33 См.: Пеньковский А. Очерки по русской семантике.

- М., 2004 ; Дегальцева А. Особенности лексико-семантической сочетаемости наречий в составе адвербиализованных конструкций // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 171–177.
- ³⁴ См.: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. С. 74.
- ³⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С. 769.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 223.
- ³⁸ Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов) / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 787.
- ³⁹ Большой толковый словарь русского языка. С. 1375.
- ⁴⁰ Там же. С. 301.
- ⁴¹ Там же.

Образец для цитирования:

Дегальцева А. В. Особенности реализации модальности в высказываниях с адвербиальными компликаторами // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 366–371. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-366-371.

УДК 81'367.625'37

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ШИРОКОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА «ДЕЛАТЬ» В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Н. В. Литвинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ievlevanv@mail.ru

В статье на основе сопоставительного подхода уточняется семантический объем фундаментальных глаголов действия в английском, немецком, французском и итальянском языках, устанавливается степень их широкозначности.

Ключевые слова: семантика, широкозначность, сопоставление, «делать», английский, немецкий, французский, итальянский языки.

The Semantic Potential of the Verb with a Broad Meaning 'Do' in Languages of Different Groups

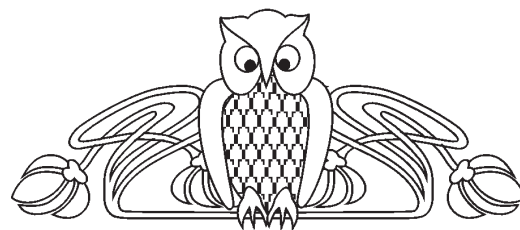
N. V. Litvinova

The article specifies the semantic amount of the fundamental action verbs in the English, German, French, and Italian languages on the basis of the comparative approach ; the degree of their eurysemy is established.

Key words: semantics, eurysemy, comparison, 'do', English, German, French, Italian languages.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-371-375

Произошедшая в лингвистике за последние десятилетия смена парадигмы охарактеризовалась переносом центра тяжести семантической теории с синонимии, бывшей в 1960–1970-е гг. базовой категорией семантики, на полисемию. В свою очередь, разработка современной теории полисемии привела исследователей к изучению феномена широкозначности. В этом направлении выполнены работы лингвистов Н. Н. Амосовой, В. Г. Гака, В. К. Колобаева, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросул, А. Л. Ленца и др.

Впервые на существование в языке двух схожих между собой, но принципиально различных лексических явлений – полисемии и широкозначности – обратила внимание Н. Н. Амосова, а затем данный вопрос затронул В. Г. Гак, который отмечал, что многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий, в то время как слово широкой семантики всегда обозначает одно понятие, которое является настолько абстрактным, что охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами. Термин «эврисемия» был предложен позднее В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом.

В настоящее время существование широкозначности (эврисемии) как особой лексико-семантической категории признано многими лингвистами. Исследователи решают вопросы о границах лексического и грамматического содержания широкозначных единиц языка, их семантической структуре, системе значений и сочетаемости, когнитивных структурах, лежащих в их основе¹. Обращение к решению данных вопросов определяет ведущее место феномена широкозначности в развитии современной теории семасеологии.

Как нами отмечалось выше, термин «широкозначность» был предложен Н. Н. Амосовой. Под широким значением исследователь понимала «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи»². Эта точка зрения получила развитие и в ряде других работ³.

В работах В. К. Колобаева была предпринята попытка выделить признаки, присущие всем

широкозначным словам. К таковым исследователи относят синкретизм, полиденотативность, синсемантизм, десемантизацию, полифункциональность⁴. Под синкретизмом слова понимается расплывчатость, размытость его содержания. Поскольку в основе широкозначной лексической единицы лежит признак, указывающий на категорию предметов и явлений, то все, что может быть отнесено к этой категории, оказывается семантически совместимым со значением такого слова. Количество денотатов у широкозначного слова неограниченно, и поэтому вторым его признаком является полиденотативность. Вследствие специфики своего семантического содержания широкозначные единицы языка, как правило, не могут самостоятельно указывать на конкретный денотат, отсюда следует необходимость опоры на непосредственный или опосредованный контекст. Данный признак В. К. Колобаев назвал синсемантизмом. Четвертая особенность широкозначных слов определяется их способностью к десемантизации, она может быть полной и частичной. Под полифункциональностью понимается возможность использования исследуемых единиц в двух основных микрополях – лексическом и грамматическом.

Из всех выделяемых В. К. Колобаевым признаков широкозначности лишь десемантизация ставится под сомнение. В частности, В. Я. Плоткин и Л. Я. Гросул отмечают: «Вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической полноточности, когда широкозначные слова выступают в служебных функциях, в частности, как связочные и вспомогательные глаголы. На этом основании широкозначность иногда трактуется как лексическое опустошение, десемантизация. Однако служебные слова не лишены значения. По характеру своей семантики они, конечно, существенно отличаются от лексических единиц с конкретным значением, поскольку повышение уровня абстрагирования при расширении значения до уровня служебных слов есть качественное изменение семантического типа. Но изменение характера семантики не означает ее утраты»⁵. На этом основании исследователи не относят десемантизацию к признакам широкозначности.

А. Н. Степанова и Л. Ф. Кистанова утверждают, что широкозначные слова не подвергаются семантическому опустошению в служебных функциях, а лишь качественно изменяют семантический тип, сохраняя общий семантический инвариант⁶.

К специфическим признакам широкозначности относят также наличие гиперо-гипонимических отношений между широкозначными словами и остальными словами единой лексико-семантической группы, высокую частотность употребления широкозначных лексем⁷.

Определение лингвистического статуса широкозначности предполагает решение проблемы ее соотношения с многозначностью (полисемией).

В связи с проблемой разграничения полисемии и широкозначности А. Л. Ленца показывает, что в значении широкозначных глаголов функциональный фактор преобладает над предметно-логическим. Из чего следует, что употребление данных глаголов целесообразно связать с семантической вариативностью, со смысловыми вариантами широкого значения. Таким образом, в процессе функционирования словесной единицы количество семантических признаков может колебаться в известных пределах: нижний предел, граничащий с десемантизацией, характеризуется минимальным числом сем, верхний (в семантической позиции данной единицы) предполагает включение новых сем, иногда даже несвойственных соответствующей единице, и совмещает его с инвариантным значением⁸. Смысловые варианты оказываются связанными только с обобщенным, инвариантным значением широкозначного глагола. Причем семантический инвариант сохраняется в различных употреблениях последнего, при реализации самых разнообразных функций. Содержание полисемичного слова складывается в результате семантической деривации. Оно образует организованную структуру, состоящую из первичного и нескольких производных значений⁹. Первичное значение также определяется как «исходное», «основное», «прототипическое»¹⁰. При развитии многозначности за счет метафорической и метонимической деривации первичное значение может распадаться на отдельные семантические сегменты, которые не сводимы к единому инварианту. В случае нарушения семантической связи между сегментами может произойти выпадение того или иного значения (не исключено, что и первичного) и появление семантических омонимов¹¹.

Тем не менее, широкозначность не исключает многозначности, а является одним из необходимых условий ее развития. В этой связи М. В. Никитин утверждает, что не следует чрезмерно преувеличивать немоделированный характер эврисемии – немотивированности семантических сдвигов относительно исходного значения слова. Фактор исходного значения слова прототипически сдерживает размах семантической вариативности слова в некоторых рамках. Исследователь поясняет, что применительно к мотивированности деривационно-семантических связей семантическая структура слов-эврисемизмов составлена тремя уровнями значений, причем последний распадается надвое. Первый, отправной базисный уровень структуры составляет исходное прямое номинативное значение, оно наиболее конкретно, частотно, номинативно самодостаточно и служит производящей базой для производно моделированных значений второго уровня. При этом возможна деривация значений в несколько шагов, т. е. образование производных значений от производных же значений низшей ступени. Третий уровень – это уровень распада полисемии и собственно уровень эврисемии, уровень идиома-

тизированных значений с остаточной или слабой ассоциативностью с исходным прототипическим ядром слова. Две группы, на которые распадаются значения слова на третьем уровне – это, во-первых, значения с неясной мотивировкой и поэтому не возводимые к базисному прототипическому образу по известным моделям семантической деривации, а во-вторых, словозначения вне всякой деривационной связи с прототипическим образом слова¹².

Таким образом, под широкозначностью следует понимать иное, гораздо более свободное качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова), обеспечивающее нестесненную широту семантического варьирования. Широкозначные слова – это слова с экзотрическим качеством семантики, иными словами, они обретают реальное значение из сочетания с другими словами, так как являются семантически «неуверенными», содержательно им нечего предложить контексту, они сами питаются из него. Более того, на шкале единиц, семантизация которых требует контекста, эврисемия занимает крайнее положение¹³.

Статусом широкозначных обладают и исследуемые нами фундаментальные глаголы действия¹⁴, которые еще Ш. Балли предложил считать, наряду с БЫТЬ и ИМЕТЬ, словами-идентификаторами соответствующих классов глаголов¹⁵. В рамках нашей статьи мы предпринимая попытку провести сопоставительный анализ семантической структуры фундаментальных глаголов действия в английском, немецком, французском и итальянском языках. Основным материалом исследования послужили лексикографические источники, грамматики и специальные исследования.

Мы не станем подробно описывать специфику лексического значения интересующих нас глаголов (подробнее¹⁶), а представим семантические признаки, которые нам удалось выделить на основе сопоставления глаголов *to do*, *to make*, *tun*, *machen*, *faire* и *fare*. Одни семантические признаки оказались общими для всех исследуемых глаголов, другие характеризуют только некоторые из них. Итак,

- все рассматриваемые нами глаголы обозначают «действие» как таковое;
- они не указывают на «характер действия» в силу абстрактности их лексического значения;
- им свойственна «направленность на результат действия», за исключением немецкого *tun*, который описывает действие как процесс;
- английский *to make* и немецкий *machen* содержат указание на «способ действия» (а именно «собственными руками или самому»), которое сохранилось от прокорня *makon*;
- глаголы *to make*, *machen*, *faire*, *fare* в определенных синтаксических условиях (перед инфинитивом другого глагола) могут выражать сему «побуждение».

Перечисленные семантические признаки представлены в таблице.

**Семантические признаки глаголов действия
в английском, немецком, французском
и итальянском языках**

Семантический признак	t o d o	t o m a k e	t u n	m a c h e n	f a i r e	f a r e
Действие	+	+	+	+	+	+
Характер действия	–	–	–	–	–	–
Направленность на результат действия	+	+	–	+	+	+
Способ действия	–	+	–	+	–	–
Побуждение	[–]	[+]	[–]	[+]	[+]	[+]

Условные обозначения: знак «+» – наличие признака; знак «–» – отсутствие признака; знак [+] – наличие потенциального признака; знак [–] – отсутствие потенциального признака.

Исследуемые нами глаголы оказываются способными к реализации ряда грамматических значений, однако степень их грамматикализованности в сопоставляемых языках различна.

Так, во всех интересующих нас языках глагол «делать» входит в состав устойчивых глагольно-именных сочетаний, семантика которых передает идею совершения некоторого действия. Семантическим центром таких сочетаний выступает имя существительное, в то время как глагол, десемантизируясь, реализует так называемую глаголообразующую функцию или функцию вербализатора. Как правило, данные конструкции имеют в языке однословные эквиваленты, в частности:

(нем.) *einen Blick aus dem Fenster tun* «выглянуть из окна», *einen Sprung tun* «подпрыгнуть», *einen Schritt tun* «шагнуть».

По замечанию Т. И. Резниковой, отсутствие однословной альтернативы для конструкции с глаголом «делать» свидетельствует о том, что грамматикализация последней находится на более продвинутой стадии, чем при ее наличии¹⁷. Так, например, замена французского выражения *faire scandale* «устроить скандал» простым глаголом вообще невозможна.

Английский *to make*, немецкий *machen*, французский *faire* и итальянский *fare* используются для образования каузатива (или фактитивного залога). По мнению Т. И. Резниковой, развитие каузативной семантики у глагола со значением «делать» легко поддается объяснению. «Каузативная ситуация S_k отличается от обычной ситуации S наличием каузатирующего субъекта X_k , который выполняет некоторое действие A , побуждающее к осуществлению S . Для выражения каузативного значения язык должен, помимо введения в

структуру предложения каузирующего субъекта X_k , каким-то образом обозначить это неопределенное действие А. Для этой цели многие языки естественным образом используют глагол, в самом общем виде передающий идею действия – глагол *делать*»¹⁸.

Каузативное значение реализуется глаголом «делать» в сочетании с инфинитивом:

(фр.) *Je les ai fait venir* «Я заставил их приехать».

В английском и немецком языках выбор одного из двух существующих глаголов со значением «делать» для маркера каузатива произволен. Важно, что в результате неопределенного каузирующего действия, обозначаемого глаголом «делать», возникает новая ситуация. Как следствие, в языках мира наблюдается тенденция развития каузативного значения у тех глаголов, которые способны описывать действие, в результате которого возникает новый объект. В современном английском языке такой способностью обладает глагол *to make*, который на этом основании противопоставляется глаголу *to do*: *They made us write it out again ten times* «Они заставили нас переписать это еще десять раз»; *Marcia made the poor girl cry* «Марсия довела несчастную девочку до слез».

Любопытным в этой связи представляется сравнение Дж. Гринбергом орудия труда и речи. Простейшее орудие, палка, позволяет манипулировать предметом, который не удается достать с помощью самой руки. Аналогично посредством речи можно побудить другого человека сделать что-нибудь для себя¹⁹. А ведь именно глагол *to make* (как и нем. *machen*) возник для обозначения действия, совершаемого рукой, т. е. манипулирования орудиями. Подобная градация между физическим и абстрактным движением, с одной стороны, и между объективным и субъективным толкованием воспринимаемой ситуации, с другой стороны, имеет существенное значение для анализа языковых явлений²⁰.

Отметим, что английский *to do*, немецкий *tun* и итальянский *fare* являются источником эмфазы в языке, т. е. средством выделения глагольного действия, его противопоставления другому действию:

(нем.) *singen tut sie gerne* «поет-то она охотно».

Реализации грамматического, морфологического значения глагола *to do* связаны, как известно, с образованием вопросительных и отрицательных форм настоящего или прошедшего времени: *do you speak English? – Yes, I do* «вы говорите по-английски? – Да»; *does he know it? – No, he doesn't* «он знает это? – Нет». Интересующий нас глагол не является при этом единственным показателем вопроса или отрицания. В вопросительном предложении наряду со вспомогательным глаголом к средствам выражения относится интонация или вопросительное местоимение. Отрицание глагол *do* образует в сочетании с отрицательной частицей *not*. Глагол служит также для образования отрицательной формы повелительного наклонения: *don't*

do it! «не делай этого!»; *do not speak!* «не говори! молчи!»; *don't be afraid!* «не бойся!»; *don't be silly!* «не глупи!».

Интересно, что частотность употребления глагола *to do* в разговорной речи приблизительно в три раза выше по сравнению с письменной речью именно благодаря его использованию при образовании вопросительных и отрицательных конструкций²¹.

Кроме того, английский глагол *to do* может грамматикализироваться в таксисном значении.

Во французском и итальянском языках исследуемый глагол используется для образования так называемых рестриктивных конструкций. Например: (фр.) *Il ne fait que manger*; (ит.) *Non fa che mangiare, Non fa altro che mangiare, Non fa altro se non mangiare* «Он только и делает, что ест» («Он все время ест»). Глагол *faire/fare* в личной форме выступает в качестве предикативного центра рассматриваемых конструкций, в то время как действие, находящееся в поле рестрикции, выражено инфинитивом. Отметим, что рестриктивная конструкция реализуется лишь при агентивном субъекте.

Примечательно, что во французском языке инфинитивная конструкция *ne faire que de* выражает недавно прошедшее действие: *Il ne fait que d'arriver* «Он только что приехал».

С итальянским *fare* образуются также плеонастические построения, т. е. построения с избыточным глаголом *fare*, которые являются весьма характерными для итальянского языка и реализуются в вопросительных предложениях: *Lo fai volentieri, a studiare la matematica?* «Ты охотно занимаешься математикой?»; *Come fai a dire queste cose?* «Как ты можешь говорить такое?»; *Come faccio ad andare a Rimini?* «Как мне доехать до Римини?».

Опираясь на способность к грамматикализации и выявленные семантические признаки фундаментальных глаголов действия, нам удалось определить их степень широкозначности: на первом месте оказался английский *to do*, затем следует итальянский *fare*, французский *faire*, английский *to make*, немецкий *machen* и, наконец, немецкий *tun*.

В заключение отметим, что универсальность фундаментальных глаголов действия не исключает того, что их семантический потенциал может значительно различаться как в родственных, так и неродственных языках.

Примечания

- 1 См.: Семухина Е. Лингвосемиотика в исследовании концептуальных структур // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 205–212.
- 2 Амосова Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963. С. 114.
- 3 См.: Димова С. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного *way*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

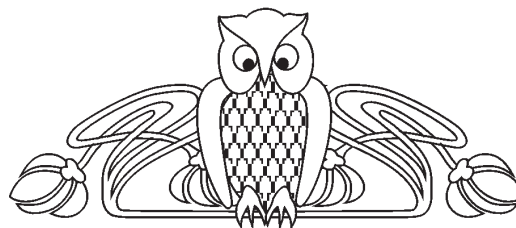
- 4 См.: Колобаев В. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) // Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 4–5.
- 5 Плоткин В., Гросул Л. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях / редкол. : В. Н. Ярцева (отв. ред.) и др. Кишинев, 1982. С. 83.
- 6 См.: Степанова А., Кистанова Л. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) // Романские языки : семантика, прагматика, социоллингвистика. Л., 1990. Вып. 5. С. 56.
- 7 См.: Дружина Н. Широкозначные глаголы бытия и обладания в языках и речи / под ред. В. Т. Клокова. Саратов, 2005.
- 8 См.: Ленца А. Широкозначность глагола и контекст. Кишинев, 1987. С. 24.
- 9 См.: Ленца А. Семантическая деривация и семантическая вариантность : их отношение к многозначности и широкозначности // Лексическая и грамматическая семантика романских и германских языков : романо-германская филология : межвуз. сб. Кишинев, 1989. С. 68, 71.
- 10 Селиверстова О. Труды по семантике. М., 2004. С. 300.
- 11 См.: Степанова А., Кистанова Л. Указ. соч. С. 56.
- 12 См.: Никитин М. Полисемия на пределе (широкозначность) // Концептуальное пространство языка : сб. науч. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 108–109.
- 13 Там же. С. 103.
- 14 См.: Степанова А., Кистанова Л. Указ. соч. ; Плотникова А. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 24–31.
- 15 См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 283.
- 16 См.: Иевлева Н. Фундаментальный глагол действия в языках различных групп : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.
- 17 См.: Резникова Т. Грамматикализация конструкций с глаголом «делать» : типология и семантика : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 42.
- 18 Там же. С. 53.
- 19 См.: Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс. М., 2009. С. 9–10.
- 20 См.: Langacker R. Concept, Image, and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar. N.G., 1991. P. 11.
- 21 См.: Dictionary of Contemporary English. Longman, 2005. P. 399.

Образец для цитирования:

Литвинова Н. В. Семантический потенциал широкозначного глагола «делать» в языках различных групп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 371–375. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-371-375.

УДК 811.161.1'373.46+811.112.2'373.46

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ ФИКСАЦИИ (на материале русского и немецкого языков)

О. Р. Жуков

Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
E-mail: zhukovoleg411@rambler.ru

В статье на материале немецкого и русского языков рассматриваются дефиниции термина *метонимия*, входящего в терминосистему *средства художественной выразительности*. В настоящем исследовании обращается внимание на необходимость использования лингвистических методов описания этого раздела риторики. В работе предлагается описание термина данного раздела риторики как единицы логоса. В качестве способа описания выбран метод лексико-понятийных групп.

Ключевые слова: риторика, средства художественной выразительности, терминология, русский язык, немецкий язык.

Contrastive Analysis of the Term *Metonymy* in the Sphere of Fixation (on the Material of the Russian and German Languages)

O. R. Zhukov

The article considers definitions of the term *metonymy* as a part of the term system of *means of stylistic expressiveness* on the material

of the German and Russian languages. The present research focuses on the necessity of using linguistic methods of describing this section of rhetoric. The author suggests describing the term of this section of rhetoric as a unit of logos. The method of lexical and notional groups is chosen as a way of description.

Key words: rhetoric, means of stylistic expressiveness, terminology, the Russian language, the German language.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-375-380

Малая терминосистема *средства художественной выразительности* терминологии риторики и стилистики сравнительно недавно попала в поле зрения терминоведов¹. На неупорядоченность данного раздела филологии долгое время указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи². Х. Лаусберг высказался по этому поводу таким образом: «Die Terminologie gibt weder eine Erkenntnis vom Wesen einer Sache noch einen mikroskopischen Beurteilungs-Maßstab für deren konkrete Aktualisierungen... So kann auch Terminologie der Rhetorik nur ordnende Klassifizierung, nicht

Wesens-Erkenntnis oder funktionale Deutung bieten»³. Й. Кнапе и А. Зиббер придерживаются того же мнения: «Die Vielzahl der Figurentermini und die oftmals verwirrende Uneinheitlichkeit ihres Gebrauchs stellen den Benutzer freilich immer wieder vor Schwierigkeiten. Versuch einer Systematisierung gibt es beinahe so viele, wie es Rhetorikbücher gibt»⁴.

Отечественные исследователи неоднократно указывали на неупорядоченность терминов риторики и стилистики. В. А. Никонов характеризует таксономию риторики и стилистики следующим образом: «Классическая стилистика предлагала обширные перечни синтаксических фигур; многочисленные классификации сводились к внешней их сортировке. Различались С.ф. добавления, сокращения, созвучия, противоположения, изменения... В такой группировке грубо нарушен принцип единства деления, группы разбиты в разных планах, так что “повторения” одновременно и “созвучия”... Многие стилистические фигуры и в античности вызывали сомнение – относить ли их к фигурам или к тропам»⁵. Г. Г. Хазагеров высказывается об этой проблеме следующим образом: «Классификация фигур уже в древние времена ощущалась как проблема. Тогда же выработалось (как один из вариантов) и скептическое отношение к этой проблеме, т. е. отказ от классификации по тем причинам, что единой классификации нет и вопрос представляется вообще неразрешимым... Главной трудностью в изучении Ф. была не только запутанная терминология, но и отсутствие связи этого материала с речевой практикой на русском языке... “Риторический бум”, о котором принято говорить в связи с 80-ми и 90-ми годами XX в., существенного положения дел не изменил...»⁶. К. М. Ушакова высказывается о состоянии упорядоченности терминологии средств художественной выразительности так: «Теория словесного выражения мыслей становится одним из основных разделов риторики XVIII–XIX вв. Детальная разработка теории стиля ведёт за собой возникновение огромного количества терминов, называющих основные качества слога и стиля (его *ясность, темнота, изящество* и пр.), виды стиля, выделяемые по жанровой и функционально-стилевой принадлежности (*слог учёный, слог пиитический, слог письменный*). Практически во всех трудах содержится большое количество терминов, называющих украшения речи, традиционно разделяемых на *тропы, фигуры предложений (речений), фигуры мыслей*. Терминология этого раздела представляется не только наиболее богатой, но и наименее единообразной в теориях различных авторов, здесь зафиксировано наибольшее число фактов синонимии и полисемии научных терминов»⁷.

В нашей статье предложен лингвистический подход для описания терминосистемы *средства художественной выразительности*. Способом описания выступает метод лексико-понятийных групп. Лексико-понятийные группы включают в

себя словесные компоненты определяющего. По содержанию все дефиниции распадаются на две ЛПГ: ЛПГ 1 включают в себя термины филологии, ЛПГ 2 состоят из общенаучной лексики. Объектом исследования являются дефиниции термина *метонимия* в ряде русских и немецких литературоведческих словарей. Контрастивный подход к изучению терминологии обусловлен нуждами нормализации и стандартизации терминологии. Данный подход позволяет сопоставить интенционалы терминов в двух языках и выявить общие и различительные признаки термина в русской и немецкой терминосистеме средств художественной выразительности, чтобы избежать разногласий в определении понятий.

О важности процессов стандартизации в терминологии высказываются как отечественные, так и зарубежные специалисты. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская и Н. В. Васильева считают процесс нормализации и стандартизации необходимыми составляющими терминоведческой деятельности: «Специфика строя каждого языка даёт множество несовпадений в значениях созвучных терминов и накладывает ограничения на их включение в текст (согласование, управление, употребление предлогов, сочетаемость). Следовательно, недостаточно облечь понятие в языковые одежды и построить систему терминов. Необходимо, чтобы все заинтересованные однозначно пользовались ими. С этой целью с терминами проводится специальная работа, получившая название стандартизация и нормализация. Это особого рода упорядочение понятий и обозначающих их терминов, приводящее к единому употреблению и пониманию в пределах соответствующей отрасли. Нормализация и стандартизация могут осуществляться в рамках одного языка, группы родственных языков, группы языков, сосуществующих на определённой территории, и, наконец, во всемирном масштабе»⁸. На необходимость стандартизации терминологии указывает в своих работах и Т. М. Кабре: «There is a general agreement that special communication demands a higher level of precision than that required in general communication. Communication without ambiguity would require each designation to correspond to a single term concept and each concept could only be designated by a single term... Organized terminological diversity is a way to combat the diversity of names and thus ensure communicative precision among specialists»⁹.

В качестве источников были выбраны следующие риторические и литературоведческие словари: *Словарь древней и новой поэзии* Н. Ф. Остолопова (1821), *Поэтический словарь* А. П. Квятковского (1966), *Литературная энциклопедия* (2001) и *Риторический словарь* Г. Г. Хазагерова (2009), *Sachwörterbuch der Literatur* von G. von Wilpert (1989), *Metzler Literaturlexikon* (1990), *Der Literatur Brockhaus: in 8 bd* (1995), *Rhetorik-Vokabular* von J. Knape und A. Sieber (1999).

Н. Ф. Остолопов определяет термин следующим образом: «В риторике троп речений. Состоит в том, когда вещей, имеющих между собою некоторое соотношение, имена взаимно переносятся или, как другие определяют, *Метонимия* есть троп, в котором слово вместо понятия, заключающегося в собственном его значении, выражает другое, имеющее с первым некоторое соотношение»¹⁰.

В ЛППГ 1 данной дефиниции входят следующие термины: *риторика, троп речений, троп, слово, значение, имя*.

ЛППГ 2 состоит из следующих терминов: *вещь, соотношение*.

А. П. Квятковский даёт следующее определение термину *метонимия*: «Распространённый поэтический троп, замена слова или понятия другим словом, имеющим причинную связь с первым»¹¹.

ЛППГ 1 состоит из следующих терминов: *поэтический троп, слово*.

ЛППГ 2 включает в себя следующие компоненты: *замена, понятие, причинная связь*.

Л. М. Крупчанов определяет термин как «вид тропа, в котором сближаются слова по смежности обозначаемых ими более или менее реальных понятий или связей»¹².

ЛППГ 1 состоит из следующих терминов: *вид тропа, слово*.

ЛППГ 2 включает в себя такие компоненты, как *смежность, понятие, связь*.

М. Л. Гаспаров дефинирует термин так: «Вид тропа: обозначение предмета или явления по одному из его признаков, когда прямое значение сочетается с переносным»¹³.

ЛППГ 1 состоит из терминов: *вид тропа, прямое значение, переносное значение*.

ЛППГ 2 включает в себя такие компоненты, как *обозначение, предмет, явление, признак*.

Г. Г. Хазагеров даёт термину следующую дефиницию: «Троп смежности, основанный на замене наименования на основе пространственной, временной и логической смежности»¹⁴.

ЛППГ 1 дефиниции включает в себя такие компоненты, как *троп смежности, наименование*.

ЛППГ 2 включает в себя следующие компоненты: *замена, пространственная смежность, временная смежность, логическая смежность*.

Г. фон Вильперт определяет термин следующим образом: «*Rhetorische Figur (Tropе) zwischen Metapher und Synekdoche uneigentliche Redeweise. Ersetzung des eigentlichen Wortes durch ein anderes, das zu ihm in realer Beziehung steht, also in einem zeitlichen, räumlichen, ursächlichen, logischen oder erfahrungsgemäßen Zusammenhang im Gegensatz zum bloßen Vergleich bei der Metapher*»¹⁵.

ЛППГ 1: *rhetorische Figur, Trope, Metapher, Synekdoche, uneigentliche Redeweise, eigentliches Wort, Vergleich*.

ЛППГ 2: *Ersetzung, reale Beziehung, zeitlicher Zusammenhang, räumlicher Zusammenhang, ursächlicher Zusammenhang, logischer Zusammenhang, erfahrungsgemäßer Zusammenhang*.

Э. Дешлер определяет термин таким образом: «*Mittel der uneigentlichen Ausdrucksweise (Tropus). Ersetzung des eigentlich gemeinten Wortes (verbum proprium) durch ein anderes, das in realer geistigen oder sachlichen Beziehung zu ihm steht, im Unterschied zur Synekdoche, die innerhalb des desselben Begriffsfeldes bleibt (Dach für Haus) und zur Metapher, die in eine andere Begriffssphäre springt*»¹⁶.

ЛППГ 1: *uneigentliche Ausdrucksweise, Tropus, Synekdoche, eigentlich gemeintes Wort/ verbum proprium*.

ЛППГ 2: *Ersetzung, reale geistige Beziehung, reale sachliche Beziehung, Begriffsfeld, Begriffssphäre*.

В словаре *Der Literatur Brockhaus* дано такое определение термину: «*Tropos, bei dem ein Begriff durch ein anderes ersetzt wird, der in unmittelbarer räumlicher, zeitlicher oder ursächlicher Verbindung mit diesem steht, z. B. lat. Mars = Krieg, dt. Eisen = Schwert*»¹⁷.

ЛППГ 1: *Tropos*

ЛППГ 2: *räumliche Verbindung, zeitliche Verbindung, ursächliche Verbindung, Begriff*.

Й. Кнапе и А. Зибер дефинируют термин следующим образом: «*Figur. Ersetzung eines Ausdrucks durch einen anderen, dessen Bedeutung im sachlichen Zusammenhang mit dem ersetzten Ausdruck steht*»¹⁸.

ЛППГ 1: *Figur, Ausdruck, Bedeutung*.

ЛППГ 2: *Ersetzung, sachlicher Zusammenhang*.

В ЛППГ 1 русских дефиниций наиболее часто встречается однокомпонентный термин *троп*, а также многокомпонентные термины, в которых одним из составляющих является термин *троп*: *вид тропа, троп речений, поэтический троп, троп смежности*. Данный термин и терминокомпонент образуют идентификаторы дефиниций. Наравне с термином и терминокомпонентом *троп* часто встречается термин *слово*. Реже встречается термин *значение*, а также его производные: *прямое значение и переносное значение*, а также термины *имя/наименование и риторика*. Конкретизаторы дефиниций образуются терминами *слово, значение* и его вариантами, а также терминами *имя/наименование и риторика*.

В ЛППГ 2 русских дефиниций зафиксированы следующие компоненты: *вещь, соотношение, замена, понятие, причинная связь, смежность, связь, обозначение, предмет, явление, признак, смежность, пространственная смежность, временная смежность, логическая смежность*. Термины ЛППГ 2 входят в состав конкретизаторов определяющих. У компонентов ЛППГ 2 в контексте дефиниций наблюдаются сходные сигнификаты, так что их можно сгруппировать по синонимическим парам и цепочкам: 1) *вещь, предмет*; 2) *соотношение, связь* (а также производный термин *причинная связь*), *смежность* (а также его производные *пространственная смежность, временная смежность, логическая смежность*). Термины *явление, понятие, признак* и *обозначение* не входят в отношения синонимии. Вместе

с тем компоненты *явление* и *понятие* наряду с компонентами *вещь* и *предмет* в конкретизаторах определений выступают в качестве непосредственного объекта художественного воздействия тропа *метонимия*.

В ЛППГ 1 немецких дефиниций наиболее частотным термином является *Tropus*, его графические варианты *Trope*, *Tropos*, а также термины *Figur* (с вариантом *rhetorische Figur*), *Metapher* и *Synekdоче*. Помимо этого, в ЛППГ 1 встречаются такие термины: *uneigentliche Redeweise*, *eigentliches Wort*, *Vergleich*, *uneigentliche Ausdrucksweise*, *eigentlich gemeintes Wort/ verbum proprium*, *Ausdruck*, *Bedeutung*. Почти все термины в контексте дефиниций образуют синонимические пары: 1) *eigentliches Wort*, *eigentlich gemeintes Wort*; 2) *uneigentliche Redeweise*, *uneigentliche Ausdrucksweise*. Термины *Ausdruck*, *Vergleich* и *Bedeutung* не входят в синонимические пары.

В ЛППГ 2 немецких дефиниций чаще всего встречается компонент *Ersetzung*. В дефинициях часто используются такие компоненты, как: *Mittel*, *reale Beziehung*, *reale sachliche Beziehung*, *reale geistige Beziehung*, *räumliche Verbindung*, *ursächliche Verbindung*, *zeitliche Verbindung*, *erfahrungsgemäßer Zusammenhang*, *logischer Zusammenhang*, *sachlicher Zusammenhang*, *ursächlicher Zusammenhang*, *zeitlicher Zusammenhang*. Ядерными компонентами понятий являются существенительные *Beziehung*, *Verbindung*, *Zusammenhang*, значения которых в контексте дефиниций приобретают сходное значение. В немецких дефинициях зафиксированы также компоненты *Mittel*, *Begriff*, последний из которых служит мотивирующей основой для таких производных, как *Begriffssphäre* и *Begriffsfeld*.

ЛППГ 1 русских и немецких дефиниций имеют ряд общих признаков: 1) как в русских, так и в немецких часто используется термин *троп* и его немецкий эквивалент *Tropus*; 2) используется термин *слово* и его немецкий эквивалент *Wort*. ЛППГ 2 русских дефиниций имеют ряд понятий, эквиваленты которых зафиксированы в ЛППГ 2 немецких дефиниций. К ним относятся *соотношение* – *Beziehung*, *связь* – *Verbindung*, *смежность* – *Zusammenhang*. Важным в терминологическом отношении являются термины *прямое значение* и *переносное значение*, эквивалентами которых в немецких дефинициях выступают: *eigentliches Wort*, *eigentlich gemeintes Wort/ verbum proprium*.

Вместе с тем как в ЛППГ 1, так и в ЛППГ 2 зафиксировано больше отличий, чем сходных черт.

В ЛППГ 1 русских дефиниций термин *троп* задействован и как терминокомпонент. Он выступает в роли стержневого элемента в таких многословных терминах, как: *вид тропа*, *троп речений*, *троп смежности*, *поэтический троп*. Его немецкий эквивалент употребляется в контексте дефиниций также разнородно, но это не семантические различия, а формальные. Немецкий эквивалент зафиксирован в контексте

дефиниций в трёх вариантах: латинском – *Tropus*, греческом – *Tropos* и немецком – *Trope*. Термин *слово* не имеет ни производных терминов, ни формальных вариантов, в то время как в немецких дефинициях немецкий эквивалент термина *слово Wort* выступает в форме таких производных терминов, как *eigentlich gemeintes Wort/ verbum proprium*, *eigentliches Wort*, которые являются терминологическими соответствиями русским терминам *прямое значение* и *переносное значение*. У немецкого эквивалента есть синонимические термины *uneigentliche Ausdrucksweise* и *uneigentliche Redeweise*, хотя по своему значению термины *Ausdruck* и *Redeweise* означают языковые единицы более высокого яруса. При этом в конкретизаторах немецких дефиниций они замещают понятие *Wort*. Следует отметить, что в одной из немецких дефиниций использован латинский эквивалент понятия *eigentlich gemeintes Wort – verbum proprium*. В контексте рассмотренных русских дефиниций использование греко-латинских эквивалентов не отмечено. Одновременно следует указать на то, что в конкретизаторах русских дефиниций термин *слово* парадигматически может замещаться такими терминами, как *явление*, *предмет* и *понятие*. ЛППГ 1 немецких дефиниций выглядят разнообразнее, чем ЛППГ 1 русских. В ЛППГ 1 зафиксированы термины, относящиеся к терминосистеме средств художественной выразительности: *Metapher*, *Synekdоче*, *Vergleich*. Принципиальным отличием ЛППГ 1 русских дефиниций от ЛППГ 1 немецких является то, что в ряде немецких определений термин *Metonymie* определяется как *Figur* или его производным *rhetorische Figur*. В ЛППГ 1 русских дефиниций одним из наиболее употребительных является термин *значение* с его производными *прямое значение* и *переносное значение*. В ЛППГ 1 немецких определений эквивалентом служат термины *eigentliches Wort* и *eigentlich gemeintes Wort*. Термин *Bedeutung*, соответствующий русскому термину *значение*, отмечен только в одной из дефиниций. Производных терминов у данного понятия нет.

В ЛППГ 2 русских дефиниций и ЛППГ 2 немецких дефиниций общим признаком является употребление компонента *замена* и его немецкого эквивалента *Ersetzung*. Данные понятия характеризуют термины функционально.

В ЛППГ 2 русских дефиниций количество компонентов больше, чем в ЛППГ 2 немецких. В русских дефинициях зафиксированы такие компоненты, как *вещь*, *явление*, *признак*, эквиваленты которых в ЛППГ 2 немецких дефиниций не засвидетельствованы. Помимо этого, наблюдается неоднородность в количестве производных терминов у немецких эквивалентов русских компонентов. У слова *соотношение* производные термины отсутствуют, в то время как его эквивалент *Beziehung* представлен в определяющих только производными терминами: *reale Beziehung*, *reale geistige*

Beziehung, reale sachliche Beziehung. У компонента *связь* в дефинициях есть только вариант *причинная связь*, немецкий эквивалент выступает только в форме производных терминов: *räumliche Verbindung, ursächliche Verbindung, geistige Verbindung*. В контексте русских дефиниций наряду с компонентом *соотношение* употребляются его производные компоненты: *временная смежность, логическая смежность и пространственная смежность*. В немецких дефинициях употребляются только производные эквиваленты: *erfahrungsgemäßer Zusammenhang, logischer Zusammenhang, sachlicher Zusammenhang, ursächlicher Zusammenhang, zeitlicher Zusammenhang*. Следует отметить, что компонент *смежность* в контексте русских и немецких дефиниций обладает разными сочетаемостными возможностями. В русских дефинициях данное понятие выступает не только самостоятельно, но и в качестве стержневого компонента словосочетаний, а также в качестве элемента в двухкомпонентном термине *троп смежности*. В немецких дефинициях подобный эквивалент *Trope des Zusammenhangs* отсутствует. Русский компонент *понятие* в контексте дефиниций не имеет однокоренных компонентов, в то время как его немецкий эквивалент *Begriff* обладает двумя компонентами-дериватами: *Begriffsfeld* и *Begriffssphäre*.

Таким образом, русские и немецкие определения термина *Metonymie* имеют сходства и различия как на логико-понятийном, так и на языковом уровнях. Сходства зафиксированы по большей части на логико-понятийном уровне. К ним относится наличие эквивалентных терминов, являющихся идентификаторами: *троп* и *Tropus*. Общим является наличие термина *слово* и эквивалента *Wort*, компонентов *понятие* и *Begriff*, а также других производных компонентов. Важным общим признаком выступает наличие терминологического соответствия у русских терминов *прямое значение* и *переносное значение*, эквивалентами которых являются термины *eigentliches Wort* и *eigentlich gemeintes Wort/verbum proprium*. Вместе с тем в качестве идентификаторов немецких дефиниций выступают, помимо терминов *Tropus* и его производных, *Figur, rhetorische Figur*, а также *Mittel*. В немецких дефинициях термин *троп* чаще используется в форме своих производных терминов *Trope* и *Tropos*. Большое количество различий наблюдается и в ЛППГ 2. Важным отличием в логико-понятийной сфере является также то, что в русских дефинициях число компонентов ЛППГ 1 больше, чем число компонентов ЛППГ 2.

С языковой точки зрения следует отметить как отличия на собственно языковом уровне, вызванные различиями в системе языка, так и языковые отличия в терминосистеме. Первых меньше, чем вторых. К языковым отличиям на словообразовательном уровне можно отнести только различные способы терминообразования. В ЛППГ 2 немецких дефиниций отмечено наличие

сложных слов *Begriffssphäre* и *Begriffsfeld*, появление которых в системе русского языка является возможным, но противоречит узусу. Вместе с тем в ЛППГ 1 русских дефиниций зафиксированы двухкомпонентные термины, *вид тропа, троп речений* и *троп смежности*. Такая форма терминообразования возможна в немецком языке на уровне системы, но на уровне узуса в проанализированных дефинициях не зафиксирована.

К языковым отличиям в терминосистемах относятся различные синонимические ряды замещающих терминов, входящих в структуру конкретизатора. В частности, немецкие эквиваленты *eigentliches Wort, eigentlich gemeintes Wort/verbum proprium* парадигматически заменяются такими терминами, как *uneigentliche Redeweise, uneigentlicher Ausdruck*. Термины *Wort, Ausdruck* и *Redeweise* в контексте немецких дефиниций являются синонимами. Русский термин *слово* парадигматически замещается такими понятиями, как *явление, вещь, предмет* и *понятие*. Только слово *понятие* имеет эквивалент в немецком языке в контексте проанализированных дефиниций. Кроме того, немецкие эквиваленты замещаются терминами, относящимися к ЛППГ 1, в то время как русский термин *слово* замещается терминами, относящимися к ЛППГ 2. Следовательно, русские дефиниции содержат больше общенаучной лексики, чем термины филологии.

К языковым отличиям, обусловленными семантической структурой языка, можно отнести разницу в номинации русских терминов *прямое значение* и *переносное значение*, эквивалентами которых являются термины *eigentliches Wort, eigentlich gemeintes Wort, uneigentliche Redeweise* и *uneigentliche Ausdrucksweise*. Немецкие эквиваленты в переводе на русский язык означают *собственное слово, собственно полагаемое слово, несобственный слог выражения, несобственный стиль выражения*. На понятийном уровне здесь наблюдается различие в объёме интенционалов. Русский филологический термин *значение* в контексте дефиниций по своему интенционалу является равным интенционалам таких немецких филологических понятий, как *Wort, Redeweise* и *Ausdrucksweise*. Различаются и атрибутивные терминокомпоненты данных понятий. Если противоположность русских атрибутивных терминокомпонентов выражена на лексическом уровне *прямой – противоположный*, то противоположность аналогичных немецких терминов зафиксирована на морфологическом уровне префиксом *un-*. С языковой точки зрения при противопоставлении данных понятий у русских терминов больше атрибутивных лексических компонентов, у немецких – больше субстантивных лексических компонентов.

Настоящая статья на примере дефиниции термина *метонимия* продемонстрировала общие и отличительные признаки русской и немецкой терминосистем *средства художественной выра-*

зительности в контрастивном аспекте. Терминосистемы данного раздела филологии не являются унифицированными, что должно послужить поводом для дальнейших, более глубоких исследований в этой области.

Примечания

- 1 См.: Ушакова К. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- 2 См.: Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik : eine Einführung für Studierende der klassischen, romanischen, englischen und deutschen Philologie. Hueber, 1990. S. 9.
- 3 Ibid.
- 4 Knappe J., Sieber A. Rhetorik-Vokabular zur zweisprachigen Terminologie in ältesten deutschen Rhetoriken. Wiesbaden, 1998. S. 91.
- 5 Никонов В. Синтаксические фигуры // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974. С. 353.
- 6 Хазагеров Г. Риторический словарь. М., 2009. С. 233.
- 7 Ушакова К. Указ. соч. С. 2.
- 8 Суперанская А., Подольская Н., Васильева Н. Общая

терминология : терминологическая деятельность. М., 2005. С. 187.

- 9 Cabre M. T. Terminology : theory, methods and applications. Amsterdam ; Philadelphia, 1999. P. 194.
- 10 Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии : в 3 т. Т. 2. СПб., 1821. С. 183.
- 11 Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 158.
- 12 Крупчанов Л. Метонимия // Словарь литературоведческих терминов. С. 215.
- 13 Гаспаров М. Метонимия // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 536.
- 14 Хазагеров Г. Метонимия // Хазагеров Г. Риторический словарь. С. 269.
- 15 Wilpert G. von. Metonymie / Wilpert G. von. Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart, 1989. S. 570.
- 16 Däschler E. Metonymie // Metzler Literatur lexikon. Begriffe und Definitionen. Stuttgart, 1990. S. 303.
- 17 Der Literatur Brockhaus : in 8 bd. Bd. 5. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 1995. S. 346.
- 18 Knappe J., Sieber A. Metonymia // Knappe J., Sieber A. Rhetorik-Vokabular zur zweisprachigen Terminologie in ältesten deutschen Rhetoriken. S. 125.

Образец для цитирования:

Жуков О. Р. Контрастивный анализ термина *метонимия* в сфере фиксации (на материале русского и немецкого языков) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 375–380. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-375-380.

УДК 811.161.1'373.423

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОБСТВЕННО ГРАММАТИЧЕСКИХ ВИДОВЫХ ОМОНИМОВ ОБЛЕТАТЬ^{НСВ} – ОБЛЕТАТЬ^{СВ}

Е. Ю. Демчук

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Абакан
E-mail: emalika1@mail.ru

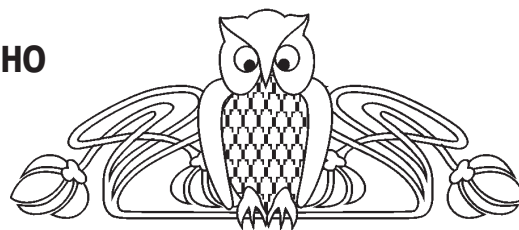
В статье рассматриваются особенности контекстуальной реализации собственно грамматических видовых омонимов *облетать*^{НСВ} – *облетать*^{СВ} и состав их омонимичных и неомонимичных словоформ.

Ключевые слова: видовые омонимы, аналогическая суффиксация, собственно грамматические видовые омонимы, лексико-грамматические видовые омонимы, омонимичные аспективы, аспектуальные показатели.

Peculiarities of Using Grammatical Homonyms Proper ОБЛЕТАТЬ (Fall) – Imperfective Aspect – and ОБЛЕТАТЬ (Fly Over) – Perfective Aspect

E. Yu. Demchuk

The article regards the peculiarities of the contextual actualization of grammatical aspect homonyms proper ОБЛЕТАТЬ (Fall) – Imperfective Aspect – and ОБЛЕТАТЬ (Fly Over) – Perfective Aspect and the

content of their homonymic and non-homonymic word-forms.

Key words: aspect homonyms, analogical suffixation, grammatical aspect homonyms proper, lexical and grammatical aspect homonyms, homonymous aspectings, aspectual indices.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-380-387

Видовые омонимы – это глаголы несовершенного и совершенного вида, тождественные в плане выражения и тождественные или нетождественные в плане содержания, типа *отходить*, *облетать* (что делать?) и *отходить*, *облетать* (что сделать?). О видовых омонимах впервые пишет Г. И. Панова в монографии «Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных»¹.

Появление видовых омонимов в русском языке связано с особенностями образования имперфективов типа *приносить*, *облетать* к перфективам типа *принести*, *облететь*. Н. А. Янко-Триницкая, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко,

Г. И. Панова видит в этих глаголах особое, аналогическое образование². Другие исследователи усматривают в глаголах типа *приносить*, *облетать*^{НСВ} нетипичную префиксацию, не приводящую к перфективации глагола несовершенного вида³. Мы придерживаемся первой точки зрения.

Г. И. Панова, уточняя в более поздней работе понятие аналогического образования, говорит об аналогической суффиксации, которая проявляется в том, что «при образовании имперфективов структура языка воспроизводит формальное различие, существующее между бесприставочными глаголами движения, используя тот же суффикс <...>, который представлен в бесприставочном глаголе ненаправленного действия: *лететь* – *летать* и *прилететь* – *прилетать*, *нести* – *носить* и *принести* – *приносить*»⁴.

Главным аргументом в пользу не префиксального, а суффиксального образования как раз и является наличие в современном русском языке видовых омонимов типа *облетать*^{НСВ} – *облетать*^{СВ}, где глагол несовершенного вида образован аналогической суффиксацией (*облететь* – *облетать* как *лететь* – *летать*), а совершенного вида – традиционным префиксальным способом (*об+летать*).

По существу, о видовых омонимах, но иного типа, пишут А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев в монографии «Введение в русскую аспектологию». При этом авторы используют терминологические сочетания «омонимичные глаголы» или же «омонимия грамматических форм глаголов движения» и под омонимичными глаголами понимают имперфективы типа *отходить* как видовые корреляты к глаголам типа *отойти* и перфективы типа *отходить* в ином лексическом значении: «кончить ходить»⁵.

Таким образом, в современном русском языке существуют два типа видовых омонимов: лексически тождественные (по крайней мере, в одном значении) типа *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ} и лексически нетождественные типа *отходить*^{НСВ} и *отходить*^{СВ}. Если различие между видовыми омонимами первого типа только грамматическое, то глаголы второго типа различаются и грамматически, и лексически. Первый тип Г. И. Панова называет собственно грамматическими видовыми омонимами, второй – лексико-грамматическими⁶.

Так как основным объектом исследования являются собственно грамматические видовые омонимы, то сначала дадим краткую информацию о лексико-грамматических видовых омонимах.

В ССРЛЯ представлено 43 пары лексико-грамматических видовых омонимов. Например: *проходить*^{НСВ} (в дверь) – *проходить*^{СВ} (три часа), *сводить*^{НСВ} (с крыльца) – *сводить*^{СВ} (детей в кино), *относить*^{НСВ} (книги в библиотеку) – *относить*^{СВ} (платье два года), *пролетать*^{НСВ} (над городом) – *пролетать*^{СВ} (два часа) и др. Анализ языкового материала показывает, что видовые омонимы данного типа связаны по образованию с семью глаголами ненаправленного движения:

носить, *возить*, *ходить*, *водить*, *летать*, *гонять*, *лазить*.

Собственно грамматические видовые омонимы в отличие от лексико-грамматических представлены весьма немногочисленным языковым материалом. В проанализированных нами семи словарях зафиксировано разное количество таких глаголов. В ССРЛЯ, МАС и в БТС представлено 10 пар, см.: 1) *довозить*^{НСВ} и *довозить*^{СВ}, 2) *навозить*^{НСВ} и *навозить*^{СВ}, 3) *свозить*^{НСВ} и *свозить*^{СВ}, 4) *перевозить*^{НСВ} и *перевозить*^{СВ}, 5) *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}, 6) *доносить*^{НСВ} и *доносить*^{СВ}, 7) *наносить*^{НСВ} и *наносить*^{СВ}, 8) *переносить*^{НСВ} и *переносить*^{СВ}, 9) *сносить*^{НСВ} и *сносить*^{СВ}, 10) *обходить*^{НСВ} и *обходить*^{СВ}.

В СОШ зафиксировано только 5 пар собственно грамматических видовых омонимов, в ТССРЯ – 3, а в ТСРЯ – 2, при этом в двух последних словарях имперфектив и перфектив входят в состав одной словарной статьи.

В БАС представлено 8 пар, однако говорить о конечном количестве собственно грамматических омонимов, отражённых в этом словаре, пока не представляется возможным, так как на данный момент выпущено 23 тома, в последний из которых вошли слова: *Расплыв* – *Розниться*.

В данном исследовании представлен анализ одной пары видовых омонимов – *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}. В БАС в словарной статье глагола *облетать*^{НСВ} приведена его видовая пара – *облететь*^{СВ}, и в отдельной статье дан перфектив *облетать*^{СВ}, см.:

1. ОБЛЕТАТЬ, аю, аешь, *несов.*; **облететь**, лечу, летишь, *сов.*; *перех.* И *неперех.* <...>
2. Перех. Летя, летая, побывать во многих местах, всюду. [Муха] *облетела все комнаты и еще раз убедилась, что она совершенно одна.* Мам. – Сиб. Ален. сказки. ...

2. ОБЛЕТАТЬ, аю, аешь, *прич. страд. прош.* облётанный, ая, ое, *сов.*; *перех.* Летая, побывать всюду, во многих местах; облететь. *Облетать всю страну* (подчеркнуто нами. – Е. Д.).

Важно отметить, что толкование лексического значения глагола *облетать*^{НСВ} дается с ориентацией на семантику глагола совершенного вида ‘летя, летая, побывать всюду...’. В иллюстративном примере дана также словоформа совершенного вида: *облетела все комнаты*. Нам кажется более правомерным определить семантику данного глагола следующим образом: ‘летая, бывать всюду, во многих местах’. С одной стороны, эта дефиниция более адекватно отражает лексическое значение глагола *облетать*^{НСВ} (его процессуальную семантику), а с другой – эксплицирует наличие только грамматического (видового) различия между лексемами *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}. Ср.: *облетать*^{НСВ} – ‘летая, бывать всюду, во многих местах’; *облетать*^{СВ} – ‘летая, побывать всюду, во многих местах’.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) представлено в целом 342 документа с

омонимичными аспективами *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}. Из них обнаружено 37 употреблений этих глаголов в интересующем нас лексическом значении, тождественном для глаголов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}, различающихся только грамматическим, аспектуальным компонентом. При этом в 24 высказываниях встречаются словоформы глагола *облетать*^{НСВ}, в 13 – *облетать*^{СВ}. Сразу приведём примеры употребления данных глаголов в омонимичных словоформах прошедшего времени:

Гусев *облетал*^{НСВ} на крылатом седле расположения войск. Он падал из звёздной темноты на площадь <...>, бросая гигантскую тень. Он казался истинным сыном неба, истуканом, сошедшим с каменного цоколя (А. Н. Толстой. Аэлита).

Облетал^{СВ} и объездил весь Советский Союз, все союзные и автономные республики... (Георгий Жженов. Прожитое).

Омонимичные по виду глаголы могут иметь как омонимичные, так и неомонимичные словоформы. И в этом они тождественны двувидовым глаголам. А. Н. Тихонов словоформы двувидовых глаголов, сохраняющие двувидовость, называет синкретичными. Исследователь пишет: «Синкретичные формы совмещают противоположные видовые значения – значения несовершенного и совершенного вида. К ним относятся формы инфинитива, настоящего и будущего простого, прошедшего времени, императива и сослагательного наклонения»⁷. К синкретичным автор правомерно относит и причастия прошедшего времени⁸. Естественно, и видовые омонимы могут быть омонимичны также в этих 6 названных формах.

В нашем языковом материале, представленном 37 примерами, глаголы *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ} реализуются в 5 (из 6 возможных) типах омонимичных словоформ – в словоформах прошедшего времени, настоящего-будущего времени, инфинитива, сослагательного наклонения и действительного причастия прошедшего времени. В целом это 27 омонимичных употреблений: 15 – *облетать*^{НСВ}, 12 – *облетать*^{СВ}.

В 10 высказываниях представлены неомонимичные словоформы, дифференцирующие глаголы *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}. Это три типа неомонимичных словоформ глагола *облетать*^{НСВ}: аналитическая словоформа будущего времени, причастие настоящего времени, деепричастие несовершенного вида; и одна словоформа, характерная только для глагола *облетать*^{СВ}, – страдательное причастие прошедшего времени. Приведём высказывания с данными словоформами.

Аналитическая словоформа будущего времени (три употребления):

Изобрести фугасные мины, которые в течение всей Крымской кампании будут облетать позиции англичан (Александр Иличевский. Перс).

Поэтому, если спутник будет облетать лунные полюсы, то можно будет постепенно обозреть всю поверхность Луны (А. Штернфельд. Луна большой луны).

Я вижу впереди себя целое поколение таких молодых сил, которые будут, как орлы, облетать нашу страну... (Микола Бажан. Талант сильный и гневный).

Словоформа причастия настоящего времени (два употребления):

6) *Путь вертолётта, облетающего оленеводческие стойбища, пролегал как раз над одинокой ярангой...* (Юрий Рытхэу. Любовь).

7) *Два ворона, Хугин и Мунин, ежедневно облетающие мир и докладывающие Одину обо всём, – прообраз наброшенного на весь мир будущего германского шпионажа* (М. О. Меньшиков. Души народов).

Словоформа деепричастия несовершенного вида (4 употребления):

8) *Облетая ночью эти выделенные для веселья площади и места, я видел также некоторых людей с лихорадочными глазами, наблюдавшими за представлениями* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году).

9) *Очень скоро мы с нею научились понимать друг друга, и она пересказывала мне всё, что видела и слышала, облетая дальние и ближние края, а я затем подробно передавал её рассказы дочери* (Валентин Распутин. Что передать вороне?).

Два других примера с данной словоформой приведём в структуре словосочетания: *облетая всю вселенную, неоднократно облетая Европейские государства*.

Словоформа страдательного причастия прошедшего времени глагола *облетать*^{СВ} употреблена в одном высказывании:

10) *После изумительного по красотам Чёрного моря, откуда он прибыл, после крымского безоблачного небосвода, облётанного им, здесь, в суровом небе, надо было многому учиться заново* (Н. Ф. Гильярди. Борис Сафонов).

Перечисленные словоформы можно считать видеоопознавательным фактором для глаголов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}. Ю. С. Маслов относит эти формы к парадигматическим критериям определения вида глаголов. Исследователь пишет: «Парадигматические критерии опираются на различия между совершенным и несовершенным видом в составе парадигмы (в инвентаре форм, образуемых в рамках одного и другого вида). <...> одним из парадигматических критериев несовершенного видового значения данной ВО (видовой основы. – Е. Д.) является, например, возможность образования от этой ВО формы причастия настоящего времени действительного залога. Другим часто использовавшимся в русской грамматике парадигматическим критерием несовершенного вида является наличие у данной ВО формы сложного будущего (буду + инфинитив)»⁹.

По каким же признакам можно дифференцировать в высказывании омонимичные словоформы глаголов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}?

Как отмечает Е. В. Петрухина, «для видов глагола характерно <...> семантическое согласование с определенными контекстуальными элементами. Так, глаголы СВ и НСВ проявляют избирательную сочетаемость с аспектуальными лексическими показателями: протекания действия (типа *за два часа, к вечеру, всё еще* и др.), показателями фазовости (*начать, закончить, продолжит*), кратности действия (*ежедневно, всегда, по субботам*) и др.»¹⁰. Об аспектуальных показателях глагола пишут и другие исследователи¹¹.

А. В. Бондарко, отмечая, что «в закономерностях функционирования видов значительную роль играет «тип видového контекста»», акцентирует внимание на типах соотношения действий, выраженных «глагольными формами в сочетании с другими, лексическими и синтаксическими элементами контекста, влияющими на функционирование видов»¹².

Итак, рассмотрим контекстуальные условия, в которых употребляются омонимичные словоформы глаголов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}.

Контекстуальные условия реализации омонимичных словоформ глагола *облетать*^{НСВ}. Омонимичные словоформы глагола *облетать*^{НСВ} представлены в 15 высказываниях, при этом в 10 из них присутствуют специальные аспектуальные показатели (в 5 других примерах имперфективность глагола *облетать* вытекает из общего смысла высказывания, о чём будет сказано позже). Словоформы глагола *облетать*^{НСВ} имеют традиционные показатели имперфективности, способные сопровождать глаголы любой лексической семантики. Их три типа, рассмотрим каждый из них.

А. В 8 высказываниях на употребление глагола *облетать*^{НСВ} указывает сочетание его словоформ с другими имперфективами-сказуемыми в пределах одной предикативной основы или же в пределах разных предикативных центров. В одних случаях такое сочетание выражает таксисные отношения одновременности двух или нескольких действий. Это может быть отношение одновременности двух протекающих действий, совпадающих по длительности, например:

11) *И когда она сверкает/ Вся, как факел небывалый,/ Светлый ангел облетает*^{НСВ}/ *Все трущобы и подвалы* (Л. А. Кологривова. Божья елка).

Это может быть одновременность с длительным процессом протекающих на его фоне более кратковременных действий, см.:

12) *Утро. Солнечный мягкий жар припекает. <...> Две лёгкие бабочки, порхая, облетают*^{НСВ} *двор. Большая синяя стрекоза, просяв и прошепестев крылами, улетает* (Борис Екимов. Память лета).

В других случаях выражается одновременность повторяемости одного действия на фоне другого, более длительного действия, см.:

13) *Пока учёные беседовали внизу, самый, видимо, рачительный из добровольцев при неболь-*

шой гравиплатформе облетал^{НСВ} *титаническую спираль <...> и с помощью портативного лазера срезал с каждого из сотен контактов по крупинке сверхдефицитного рения...* (В. Рыбаков. Прощание славянки с мечтой).

14) *Юнец облетал*^{НСВ} *очередную опушку и спрашивал: «Здесь?»* (Владимир Маканин. Гражданин убегающий).

(См. другие высказывания с подобным типом отношений между действиями под № 1, 29, 31.)

Если в приведенных выше примерах сочетание словоформ несовершенного вида выражает таксисные отношения одновременности действий, то в следующем высказывании временное соотношение действий сложно дифференцировать, см.:

15) *Степные птицы облетали*^{НСВ} *небо, бродили в травах* (Давид Шраер-Петров. Охота на «рыжего дьявола» // Наука и жизнь, 2009).

В данном высказывании действия могут быть одновременными, если речь идет о разных субъектах (птицах), и последовательными, чередующимися, если речь идет об одних и тех же особях.

Б. Об употреблении глагола *облетать*^{НСВ} (в одном высказывании) свидетельствует его сочетание с показателем временной нелокализации – предложно-падежной словоформой *по ночам*, выражающей регулярную повторяемость действия:

16) *По ночам зима облетала*^{НСВ} *повитую тревожными снами землю и строила козни: где морозный узор наведёт на окно, где подсушит лужицу...* (Артем Веселый. Россия, кровью умытая).

Имперфективы могут свободно сочетаться с показателями временной нелокализации (типа *обычно, каждый вечер* и др.), так как включают в свой категориальный потенциал элемент повторяемости действия (имперфективы с их значением единичности не могут выступать в подобных сочетаниях)¹³. Кроме того, в данном высказывании омонимичный аспект *облетать*^{НСВ} сочетается с другим имперфективом: *облетала*^{НСВ} и *строила*. Таким образом, на наличие глагола *облетать*^{НСВ} здесь указывают два аспектуальных показателя.

В. В одном высказывании в качестве аспектуального показателя несовершенного вида глагола *облетать* выступает его сочетание с фазисным глаголом, см.:

17) *Затем журнал стал последовательно облетать*^{НСВ} *учеников, на несколько секунд неподвижно зависая над головой каждого* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас).

Возможность сочетания глаголов несовершенного вида с фазисными глаголами (которые могут фиксировать действие на начальной, средней или конечной стадиях) связана с тем, что, как отмечает А. В. Бондарко, имперфектив обычно «обозначает действие нецелостное, лишённое целостности»¹⁴.

Итак, мы рассмотрели контекстуальные условия реализации омонимичного аспекта *облетать*^{НСВ}. На употребление словоформ данного

глагола в высказывании указывают три аспектуальных показателя: его сочетание с другими имперфективами-сказуемыми (в абсолютном большинстве случаев), сочетание с лексическим показателем временной нелокализованности действия и с фазисным глаголом.

Контекстуальные условия реализации омонимичных словоформ глагола *облетать*^{CB}. Омонимичные словоформы глагола *облетать*^{CB} представлены в 12 высказываниях, при этом в 11 из них присутствуют специальные аспектуальные показатели, их два типа: сочетание с показателем исчерпанности пространственного объекта (или пространственных объектов) действия-движения и сочетание с другим глаголом-сказуемым совершенного вида.

А. Основным показателем реализации омонимичного перфектива *облетать* является его сочетаемость с языковыми единицами, указывающими на исчерпанность пространственных объектов, охватываемых данным действием-движением. Этот лексический показатель перфективности непосредственно связан с семантикой глагола *облетать*^{CB}.

Аспект *облетать*^{CB}, как *облетать*^{HCB}, относится к акциональным глаголам движения, которые обычно сопровождаются «именами, называющими предметно-пространственные ориентиры»¹⁵. Перфектив *облетать* – это не просто акциональный глагол движения, это переходный глагол, близкий по семантике к дистрибутивным глаголам.

Г. И. Панова отмечает, что глаголы дистрибутивного способа действия «обозначают реально повторяющееся действие, каждый акт которого связан с отдельным объектом или субъектом, реже – с отдельным местом осуществления действия» (подчеркнуто нами. – Е. Д.)¹⁶. М. А. Шелякин пишет, что употребление таких глаголов «характеризуется словами типа *все* и его синонимами в значении исчерпанности предметов или типа *много* и его синонимами в значении большого количества предметов»¹⁷.

Названный аспектуальный показатель – показатель исчерпанности пространственных объектов действия-движения *облетать*^{CB} – употреблен в пяти высказываниях. См. два из них:

18) *Исполняя своё твоё желание, облетал^{CB} я все пределы обширной воздушной области; однако ж не мог получить об них никакого сведения* (И. А. Крылов. Почта духов...).

19) *Облетали^{CB} все соседние ливады во всём их пространстве* (Н. А. Дурова. Кавалерист-девица).

Три других аналогичных употребления омонимичного аспектива *облетать*^{CB} см. в структуре словосочетания: *весь Персидский залив облетал^{CB}; облетал^{CB} большую часть обширных воздушных пределов; всё облетала^{CB} бы*.

Б. В двух высказываниях в качестве аспектуального показателя совершенного вида омонимич-

ного аспектива *облетать* выступает его сочетание с другими перфективами. В типичных случаях в результате сочетания нескольких перфективов выражается последовательность называемых действий. Однако в нашем языковом материале представлены другие таксисные отношения между действиями-движениями. См. пример:

20) *На земле ты уже прошел через ад. Ильюшин этот ад исходил, объездил, облетал^{CB}...* (Феликс Чуев. Ильюшин).

В данном высказывании представлен тип видового контекста, который А. В. Бондарко называет «пучок фактов», когда «формы совершенного вида обозначают совокупность фактов, последовательность которых несущественна»¹⁸, а в нашем примере она в принципе неопределима: *исходил, объездил, облетал^{CB}*.

Проанализируем второе высказывание:

21) *Мой проводник Ато-Тамаса между тем облетал^{CB} селения и собрал именем Менелика дурго, т. е. хлеб, живность и ячмень для мулов; все жители-галасы покорно снесли ко мне, извиняясь, что не могут дать ничего лучшего* (Л. К. Артамонов. Краткий отчет о путешествии из Адис-Абебы...).

О наличии глагола *облетать*^{CB} здесь свидетельствует его сочетание с однородным сказуемым совершенного вида, при этом выражаются отношения, близкие к одновременности: *облетал^{CB} и собрал*.

В четырех высказываниях с глаголом *облетать*^{CB} представлены оба аспектуальных показателя: и сочетание его с другим перфективом, и наличие показателей исчерпанности пространственного объекта (или объектов) действия-движения:

22) – *Он облетал^{CB} почти всю Европу за Наполеоновскими орлами: прошёл даже Россию до Москвы, но оттуда насилу унёс голову с малыми остатками большой армии* (О. М. Сомов. Приказ с того света).

23) *Тут голова и поднимается и «о вообще», и пошёл, и пошёл, час сидишь, два сидишь, весь свет облетаешь^{CB} с ним и не спустишься* (М. М. Пришвин. Дневники).

Другие примеры см. на уровне словосочетаний: *облетал^{CB} и объездил весь Советский Союз; все дальние страны проскачу и облетаю^{CB}*.

Выше мы говорили о контекстуальных показателях, дифференцирующих омонимичные словоформы глаголов *облетать*^{HCB} и *облетать*^{CB}. А теперь обратим внимание на те высказывания, в которых отсутствуют конкретные аспектуальные показатели. В нашем языковом материале обнаружено шесть таких высказываний, проанализируем каждое из них.

24) *Отчего ж на свет глядеть хочется, облетать его душа просится?* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая).

На наш взгляд, в этом высказывании употреблен глагол *облетать*^{CB}. Для доказательства при-

ведем близкие по смыслу сочетания словоформы *просится* с неомонимичными инфинитивами типа *Душа просится свет посмотреть, повидать* или *Душа просится по свету полетать* (Ср.: **Душа просится свет смотреть, видать* или **Душа просится по свету летать*). Синонимичность данных высказываний с анализируемым свидетельствует, по нашему мнению, о перфективности инфинитива *облетать*.

В пяти других высказываниях, на наш взгляд, употребляется глагол *облетать*^{НСВ}: его словоформы настоящего времени (три употребления), инфинитива и действительного причастия прошедшего времени (по одному употреблению). См.:

25) Пчела – насекомое очень старательное. Увлекаемая слепым инстинктом, она **облетает** каждый цветок, собирая вместе с нектаром не только пыльцу, но и самую настоящую пыль (Владимир Щербаков. «Правильный» мед).

В данном высказывании описывается поведение пчелы, биологически в ней заложенное, и словоформа *облетает* выражает характеризующее значение, когда «речь идёт о потенциальной способности субъекта совершать действие, которое может реализоваться в любой момент “широкого” настоящего времени»¹⁹. А. В. Бондарко называет такое значение «настоящее качественное», когда «к значению обобщенного действия в широком плане настоящего <...> присоединяется дополнительный оттенок качественной характеристики субъекта», и рассматривает его как разновидность настоящего абстрактного времени²⁰. Итак, словоформа *облетает* относится к плану настоящего времени, следовательно, перед нами глагол *облетать*^{НСВ}.

26) Несмотря на вполне приличные условия работы (у нее, например, есть собственный небольшой самолёт, на котором она **облетает** места обитания своих подопечных), времени не хватает (Охота ... на браконьеров // Знание – сила, 1988).

На фоне узуальной ситуации плана настоящего расширенного (*несмотря на вполне приличные условия работы, времени не хватает*) действие *облетает* воспринимается не как единичное в будущем (что сделает?), а как повторяющееся в плане настоящего (что делает?). Следовательно, здесь употреблен омонимичный имперфектив *облетать*.

27) **Облетаю** я, Вася Куролесов, Вселенную, видимую и невидимую, как всё равно она поле какое-то для конька-горбунка. Сколько рыл перевидал, сколько существует! Это же надо, Вселенную так раздвинуть, столько миров и существ наплодить! (Юрий Мамлеев. Конец света).

Это высказывание содержит также словоформу настоящего времени глагола *облетать*^{НСВ}, и ее значение можно определить как «настоящее историческое». Толкование настоящего исторического М. Я. Гловинская дает следующим образом: «...действие или событие относится к прошлому;

говорящий <...> говорит о нём так, как будто он сам находится в том времени, к которому относится действие и оно как бы происходит у него на глазах <...>, потому что хочет, чтобы адресат представлял себе действие как бы происходящим у него на глазах»²¹. О том, что названное в нашем высказывании действие *облетаю* (*Вселенную*) реально относится к прошлому, свидетельствует описание Вселенной (*видимую и невидимую, как всё равно она поле какое-то для конька-горбунка*) и того, что говорящий увидел во Вселенной (*сколько рыл перевидал, сколько существует*). Кроме того, в последующем предложении содержится словоформа прошедшего времени *перевидал*.

28) На подлёте к Чимкенту «Ан-24» пошёл над горами. В царапанном иллюминаторе плоские сопки с юга напирали на кряж. Жёлтые паутинки троп опутывали его белый заснеженный западный и чёрный бесснежный восточный склоны. Это напоминало северную Бирму, которую лет десять назад в сезон урожая мака, после сбора опиумного сока, пришлось **облетать** на оборудованном фотокамерой «Т-28», двухместном моторном истребителе времён второй мировой войны (Валериан Скворцов. Каникулы вне закона).

Значение несовершенного вида глагола *облетать* в данном случае вытекает из общего смысла двух высказываний: наблюдаемый из иллюминатора самолета пейзаж (первое высказывание) напоминает автору пейзаж северной Бирмы, которую он видел тогда, когда *облетал* её.

Пятое высказывание, в котором отсутствуют аспектуальные показатели, см. под № 34.

Завершая разговор об аспектуальных показателях и – шире – о контекстуальных условиях, дифференцирующих глаголы *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}, следует сказать, что в абсолютном большинстве случаев о наличии в высказывании имперфектива *облетать* свидетельствует его сочетание с другими имперфективами-сказуемыми; а перфектива *облетать* – сочетание с показателем исчерпанности пространственных объектов действия-движения.

Теперь обратим специальное внимание на количественный состав омонимичных словоформ рассматриваемых глаголов. Мы уже отмечали, что в анализируемом языковом материале глаголы *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ} представлены в 5 (из 6 возможных) типах омонимичных словоформ: прошедшего времени, настоящего-будущего времени, инфинитива, действительного причастия прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Наиболее многочисленными примерами представлены словоформы прошедшего времени. В целом их 14: 6 словоформ глагола *облетать*^{НСВ}; 8 – *облетать*^{СВ}. Приведем пример реализации словоформы прошедшего времени имперфектива *облетать*:

29) Помните, когда мы **облетали**^{НСВ} третью точку, вы удивлялись, почему не производим

посадку на вполне, казалось бы, приличную площадку (Владимир Санин. Не говори ты Арктике – прощай).

В данном высказывании на несовершенный вид словоформы *облетал* указывает ее сочетание с другим имперфективом: *облетали*^{НСВ}, *удивлялись*. (Другие высказывания с данной словоформой см. под № 1, 13, 14, 15, 16.)

Рассмотрим пример употребления словоформы прошедшего времени перфектива *облетать*:

30) *Ну, я неопытный был тогда, а с гонором – чего это, думаю, он прикрывать меня будет, когда я на Ф-16 весь Персидский залив облетал*^{СВ} (Виктор Пелевин. Принц Госплана).

В этом случае на совершенный вид словоформы *облетал* указывает сочетание с лексическим показателем исчерпанности пространственного объекта действия-движения: *весь Персидский залив облетал*^{СВ}. (Другие высказывания с данной словоформой см. под № 2, 18, 19, 20, 21, 22.)

Омонимичная словоформа **настоящего-будущего времени** представлена в 8 высказываниях: в 6 – это словоформа настоящего времени, следовательно, в них представлен глагол *облетать*^{НСВ}; в двух высказываниях – простая словоформа будущего времени, соответственно, глагол *облетать*^{СВ}. См. пример употребления имперфектива *облетать* в словоформе настоящего времени:

31) *Он шипит, раздувая зоб, облетает*^{НСВ} несколько раз поле битвы и, наконец, начинает драться со всеми подряд, перескакивая от одной пары к другой (Юрий Казаков. Песни лета).

Показателем несовершенного вида словоформы *облетает* в данном высказывании является ее сочетание с другими имперфективами в пределах одной предикативной основы: *шипит, облетает*^{НСВ}, *начинает драться*. (Другие высказывания с данной словоформой см. под № 11, 12, 25, 26, 27.)

См. употребление в словоформе будущего времени перфектива *облетать*:

32) *Вырасту – стану к машине, пусть грохает. Все дальние страны проскачу и облетаю*^{СВ} (А. П. Гайдар. Дальние страны).

О наличии словоформы *облетаю*^{СВ} говорят два аспектуальных показателя: ее сочетание с другими перфективами (*вырасту, стану, проскачу и облетаю*^{СВ}) и сочетание с показателем исчерпанности пространственных объектов действия-движения (*все дальние страны облетаю*^{СВ}). (Другой пример с данной словоформой см. под № 23.)

Словоформа инфинитива омонимичных аспективов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ} встречается редко: всего в трех высказываниях. Так как все примеры с данной словоформой были приведены ранее, то здесь дадим их лишь в структуре словосочетаний: *журнал стал облетать*^{НСВ} *учеников* (№ 17); *северную Бирму пришлось облетать*^{НСВ} (№ 28); *облетать*^{СВ} *его душа просится* (№ 24).

Словоформа сослагательного наклонения употреблена в одном высказывании и представляет перфектив *облетать*:

33) – *Вон туда бы и туда, – Афиногеновна взмахивает рукавом, как царица Лебедь, – кругом бы всё облетала*^{СВ} *до самого Енисейска, ну а вечером – сюда, обратно в своё гнездо, чтоб Танька с Тонькой не плакали* (А. С. Эфрон. Мироедиха).

На употреблении глагола *облетать*^{СВ} в данном высказывании указывает его сочетание с показателем исчерпанности объектов действия-движения: *всё облетала*^{СВ} *бы*. Кроме того, здесь имеется еще один фактор, свидетельствующий о наличии перфектива. А. М. Шелякин, рассматривающий особенности видов в форме сослагательного наклонения, отмечает, что «если речь идет о разовом проявлении желательного действия <...>, то употребляется форма совершенного вида»²². А в этом высказывании речь идет именно «о разовом проявлении желательного действия».

Словоформа действительного причастия прошедшего времени имперфектива *облетать* встречается также в одном высказывании:

34) *В 1945 году прервалась связь с четырьмя патрульными самолетами ВВС США, облетавшими район знаменитого Бермудского треугольника в прекрасную погоду, даже без намёка на бурю или какой-нибудь хлипкий дождик* (Георгий Зотов. Проклятие древнего бога // Пятое измерение, 2002).

В данном высказывании отсутствуют специальные аспектуальные показатели, и несовершенный вид действительного причастия прошедшего времени *облетавшими* обусловлен общим смыслом высказывания: связь с самолетами была прервана в то время, когда они *облетали* район Бермудского треугольника.

Итак, из 342 документов с многозначными глаголами *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}, представленных в НКРЯ, только в 37 употреблениях они имеют лексическое значение, свойственное обоим аспективам, – ‘летая, бывать/побывать во многих местах, всюду’. При этом в 24 высказываниях это значение выражают словоформы глагола *облетать*^{НСВ}, в 13 – глагола *облетать*^{СВ}.

Таким образом, имперфектив *облетать* употребляется практически в два раза больше, чем перфектив. Во-первых, это происходит за счет неомонимичных словоформ несовершенного вида – их 9: 3 аналитические словоформы будущего времени – *будет облетать*, 2 причастия настоящего времени – *облетающий*, 4 деепричастия – *облетая*; неомонимичная же словоформа совершенного вида только одна – страдательное причастие прошедшего времени – *облётанный*. Во-вторых, количественное преимущество глагола *облетать*^{НСВ} возникает еще за счет шести употреблений словоформы настоящего времени (типа *облетает* – что делает?), а омонимичная с ней синтетическая словоформа будущего времени представлена двумя примерами (*облетает* – что сделает?). И, наконец, инфинитив *облетать*^{НСВ} представлен в двух примерах, а *облетать*^{СВ} – в одном.

Если говорить о том, в какой морфологической форме чаще реализуются анализируемые глаголы, то это форма прошедшего времени – 14 употреблений: в 8 высказываниях она представлена словоформой перфектива (типа *облетал* – что сделал?) и в 6 – словоформой имперфектива (*облетал* – что делал?).

Что касается аспектуальных показателей (дифференциаторов) омонимичных словоформ глаголов *облетать*^{НСВ} и *облетать*^{СВ}, то о словоформах несовершенного вида в абсолютном большинстве свидетельствует их сочетание с однородными имперфективами-сказуемыми; а о словоформах совершенного вида – их сочетание с показателем исчерпанности пространственных объектов действия-движения. В высказываниях же, не содержащих видовых показателей, где аспектуальная семантика омонимичной словоформы вытекает из их общего смысла, в пяти из шести случаев представлены словоформы имперфектива.

Примечания

- ¹ См.: *Панова Г.* Морфологические категории в современном русском языке : аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб., 1996. С. 290.
- ² См.: *Янко-Триницкая Н.* Особенности префиксации глаголов движения // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. А. М. Потемкина. М., 1953. Т. 22, вып. 2. С. 41–57; *Исаченко А.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1, 2. М., 2003; *Бондарко А., Буланин Л.* Русский глагол. Л., 1967; *Панова Г.* Морфология русского языка : Энциклопедический словарь-справочник. М., 2010.
- ³ См.: *Потебня А.* Из записок по русской грамматике : в 4 т. Т. IV, вып. II. Глагол. М., 1977; *Милославский И.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980; *Распопов И., Ломов А.* Основы русской грамматики. Воронеж, 1984; *Пирогова Л.* Русский глагол : Грамматический словарь-справочник. М., 1999; *Бирюкова Л.* Из опыта приобщения // От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корре-

спондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М., 2012. С. 40–51.

- ⁴ *Панова Г.* Особенности образования приставочных глаголов движения и видовые омонимы // Русский язык в школе. 2014. № 10. С. 51.
- ⁵ См.: *Зализняк А., Шмелев Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000. С. 92.
- ⁶ См. об этом также : *Гайнуллина Е.* Видовые омонимы и их образование в современном русском языке // Материалы 51-й Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : Языковедение. Новосибирск, 2013. С. 5–6.
- ⁷ *Тихонов А.* Русский глагол : проблемы теории и лексикографирования. М., 1998. С. 183.
- ⁸ Там же. С. 185.
- ⁹ *Маслов Ю.* Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 89.
- ¹⁰ *Петрухина Е.* Русский глагол : категории вида и времени. М., 2009. С. 53.
- ¹¹ См. об этом: *Бондарко А.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971. С. 11–16; *Маслов Ю.* Очерки по аспектологии. С. 89–90; *Камынина А.* Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие. М., 1999. С. 150; *Шелякин М.* Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008. С. 38–39; *Шатуновский И.* Проблемы русского вида. М., 2009. С. 195–198.
- ¹² *Бондарко А.* Указ. соч. С. 178.
- ¹³ Там же. С. 13.
- ¹⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁵ *Золотова Г., Онипенко Н., Сидорова М.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 107.
- ¹⁶ *Панова Г.* Морфология русского языка : Энциклопедический словарь-справочник. С. 287.
- ¹⁷ *Шелякин М.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁸ *Бондарко А.* Указ. соч. С. 187.
- ¹⁹ *Панова Г.* Морфология русского языка : Энциклопедический словарь-справочник. С. 307.
- ²⁰ *Бондарко А.* Указ. соч. С. 70.
- ²¹ *Гловинская М.* Две загадки Praesens Historicum // Русистика. Словистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 456.
- ²² *Шелякин М.* Указ. соч. С. 199–200.

Образец для цитирования:

Демчук Е. Ю. Особенности употребления собственно грамматических видовых омонимов ОБЛЕТАТЬ^{НСВ} – ОБЛЕТАТЬ^{СВ} // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 380–387. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-380-387.

УДК [811.133.1'367.623+811.161.1'367.623] :070

УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ЦВЕТОВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

В. М. Бурунский

Курский государственный университет
E-mail: vburun@yandex.ru

В статье рассматривается сравнительное употребление французских и русских цветочных прилагательных в современной прессе. Выявляются общие черты и различия на семантическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Определяется зависимость между компонентами фразеологических единиц цветочных прилагательных.

Ключевые слова: цветочные прилагательные, фразеологизм, субстантивация, детерминация, индетерминация, взаимная детерминация, французская пресса, российская пресса.

Frequently Used Color Adjectives in Modern French and Russian Printed Media

V. M. Burunsky

The article considers a comparative usage of French and Russian color adjectives in modern printed media. The author finds out common features and differences on the semantic, lexical and syntactic levels. The interdependence between the components of the phraseological units of color adjectives is identified.

Key words: color adjectives, phraseological unit, substantivization, determination, indetermination, mutual determination, French media, Russian media.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-388-392

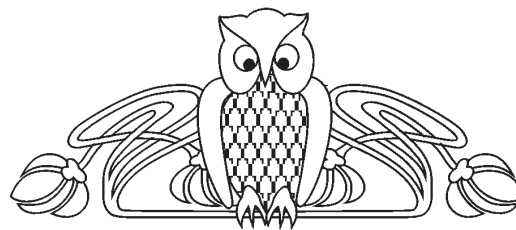
Наименования цветов играют огромную роль во французском и русском словарях. Они имеют широкий спектр переносных значений и используются во фразеологии¹.

Фразеологизмы обладают рядом особенностей, отличающих их как от слова, так и от свободного переменного словесного комплекса. Данные отличия сводятся к следующему:

1) фразеологизмы, в отличие от слова, обладают признаком раздельнооформленности, т. е. состоят из двух или более компонентов и имеют в своем составе не меньше одного знаменательного слова;

2) фразеологизмы, в отличие от свободного словесного комплекса, характеризуются устойчивостью структуры, т. е. фиксированностью лексико-грамматического состава;

3) фразеологической единице присуща устойчивость (регулярность) употребления, в силу которой она становится достоянием данного языкового коллектива. Этот признак отличает фразеологизм от индивидуально-авторских оборотов и прочих выражений, относящихся к речи;

4) фразеологические единицы, в отличие от свободных словесных комплексов, не создаются в речи говорящим, а воспроизводятся в готовом виде²;

5) фразеологизмы от свободных словосочетаний отличает структурно-семантическая цельность, т. е. нерасчлененность значения.

А. Г. Назарян понимает термин «фразеологизм», «фразеологическая единица» как «раздельнооформленную единицу языка, характеризующуюся полным или частичным преобразованием компонентов»³. Невключение во фразеологию оборотов, в которых отсутствует семантическое преобразование компонентов, было выдвинуто А. И. Смирницким. Отмечая своеобразие речевых стереотипов, лингвист пишет: «Эти воспроизводимые единицы не являются фразеологическими единицами или “эквивалентами слов”... Они, в отличие от фразеологических единиц, составлены из семантически отчетливо выделяющихся частей: хотя они и употребляются как целые, готовые единицы, значение каждого компонента ясно осознается говорящим»⁴. Подобной точки зрения придерживается и А. В. Кунин, определяющий фразеологизм как «устойчивое сочетание слов с полностью или частичным переосмысленным значением»⁵. Лингвист отмечает, что разграничение фразеологических единиц и оборотов в их буквальных значениях способствует установлению границ фразеологии.

Как известно, фразеологизмы активно используются в прессе, так как благодаря своей экспрессивности, гибкости и вариативности они делают материал привлекательным для читателя.

Из встретившихся нам цветочных прилагательных *blanc, noir, vert, rouge, jaune, orange, bleu, gris* (и соответствующие русские) в более чем тысячи статьях из французских и российских СМИ нами были выбраны те, которые употребляются в переносном значении и образуют фразеологические единицы.

Например, словосочетание *année blanche* обозначает «год, свободный от налоговых выплат, налогообложения», «налоговые каникулы»: «Valls annonce une “année blanche” sur les dettes bancaires et des rallonges financières»⁶. Другое значение фразеологизма – «потерянный, безрезультатный год; бесплодный год; год, проведенный впустую»: «En effet, nous avons eu sept années blanches – je dirais pour utiliser, moi qui suis musulman, une parabole chrétienne, sept années de vaches maigres»⁷. Данное

значение является частотным во французском языке: *élection blanche* (безрезультатное голосование); *coup d'état à blanc* (неудавшийся переворот)⁸. Словосочетание *vote blanc* (*voter blanc*) обозначает «воздержаться» или «голосовать против всех»: «Hervé Morin a affirmé que pour les départementales, comme lors du second tour de la législative partielle dans le Doubs début février, il “voterait blanc” en cas de duel FN-PS»⁹.

Выражение *col blanc* имеет место и в русском языке (*белый воротничок*) и обозначает наёмного работника, занимающегося умственным трудом, служащего, чиновника, администратора, менеджера или инженерно-технического работника. Примечательно, что в русском языке данное словосочетание употребляется с уменьшительным суффиксом, что придает некий пренебрежительный оттенок: «Потерять работу рискуют “белые воротнички” из коммерческих предприятий с большими доходами»¹⁰.

Частотным во французской прессе является фразеологическое сращение *bonnet blanc et blanc bonnet*, имеющее значение «что в лоб, что по лбу»: «Dans le dossier russe, UE et Etats-Unis, c'est bonnet blanc et blanc bonnet!»¹¹

В большинстве случаев *noir* употребляется во французской прессе в значении «мрачный», «зловещий», «неприятный». В данных словосочетаниях употребляются существительные, обозначающие временные отрезки, как, например, в заголовках французских газет: «Encore une année noire pour l'emploi salarié»; «Soirée noire pour la France»; «Retours de vacances: journée noire dans le sud»; «Vendredi noir pour la France». В российской прессе также можно встретить подобные словосочетания с цветковыми прилагательными: *черный сентябрь*, *черный вторник*, *черная пятница*, *черный день*.

Французский фразеологизм *bête noire* переводится на русский язык как «пугало», «предмет особой ненависти», «бельмо на глазу»: «Didier Migaud, l'ancien socialiste devenu la bête noire de la gauche au pouvoir»¹².

Прилагательное *noir* также употребляется в следующих французских терминологических словосочетаниях, которые соответствуют аналогичным в русском языке: *trou noir* (черная дыра); *boîte noire* (черный ящик); *liste noire* (черный список); *or noir* (черное золото); *caisse noire* (черная касса); *marché noir* (черный рынок). В российской прессе встречаются также следующие словосочетания с прилагательным *черный*: *черный пиар*, *черный юмор*; *черная наличность*.

Прилагательное *noir* может также обозначать «незаконная работа», «черный рынок»: «Le travail au noir se répand en France!»¹³. В российской прессе нам встретились следующие словосочетания: *черная работа*, *черные приработки*, *черная наличность*.

В отличие от французской прессы, в российской нам встретились словосочетания *белая зар-*

плата, *белый бизнес*: «...любая компания может себе позволить платить полноценные “белые” зарплаты...»¹⁴

Самым употребительным выражением с прилагательным *vert* во французской прессе является фразеологизм *donner le feu vert* «дать зеленый свет», который обозначает «разрешить», «дать разрешение»: «Les commissaires de la FIS ont donné leur feu vert pour la tenue du slalom prévu à Levi dans 10 jours»¹⁵.

В российской прессе данное выражение является также одним из самых употребительных с цветковым прилагательным *зеленый*: «Трумен своим решением дает проекту зеленый свет...». В русскоязычной прессе гораздо чаще, чем во французской, встречается выражение *зеленая зона*, которое обозначает «пояс вокруг населенного пункта, где сохраняются древесная растительность, кустарники, травяной покров и животный мир в целях создания условий для очистки среды от загрязнений, обогащения воздуха кислородом и поддержания условий для отдыха жителей»¹⁶.

В СМИ также встречаются следующие словосочетания: *зеленые насаждения*; *зеленый щит*; *зеленая территория*, *зеленый район*, *зеленый город*. Как отмечает В. Г. Гак, прилагательное *vert* обозначает метонимически «относящееся к зеленому насаждениям» или «относящееся к сельскому хозяйству». Лингвист приводит следующие примеры: *espace vert*, *croisade verte*, *poumon vert d'une ville*; *revolution verte*, *Europe verte*¹⁷.

Французское прилагательное *vert* используется и в современной французской прессе в следующих выражениях: *technologies vertes*, *énergie verte*, *tourisme vert*, *électricité verte*, *député vert*. «Les députés verts demandent d'enquêter sur d'éventuelles infractions aux règles fiscales communautaires»¹⁸.

Прилагательное является частотным в биржевых сводках. Оно субстантивизируется и употребляется в следующих сочетаниях: *se mettre au vert*, *revenir dans le vert*, *finir dans le vert*, *ouvrir dans le vert*, *clotûrer dans le vert*, *repasser dans le vert*. Перечисленные употребительные клише относятся к «зеленой зоне» на биржевых торгах, т. е. говорят о низкой вероятности банкротства: «La Bourse de Paris clotûre dans le vert». В российской прессе в подобного типа словосочетаниях употребляется прилагательное *зеленый* вместе с существительным *зона*: «Европейские фондовые индексы также начали сессию 29 января в зеленой зоне»¹⁹.

Антонимичные словосочетания включают в свой состав прилагательное *rouge* во французском языке. В российской прессе вместе с прилагательным *красный* употребляется существительное *зона*. «Le CAC 40 s'enfoncé dans le rouge et perd 2%»²⁰. «Утром в понедельник апрельские фьючерсы на Brent торгуются в красной зоне».

Прилагательное *rouge* встречается и в спортивной терминологии. Так, фразеологизм *lanterne rouge* (дословно *красный фонарь*) обозначает команду или спортсмена, занимающих последнее

место в турнире или соревнованиях: «En proie à de graves problèmes financiers, Parme, lanterne rouge de Serie A, a battu l'Udinese»²¹.

В то же время спортивный термин *carton rouge*, употребляемый в прямом значении, становится фразеологизмом в статьях политического характера: «Loi Macron: la droite adresse un carton rouge au gouvernement»²². В спортивной прессе, так же как и в биржевых сводках, употребляется устойчивое выражение «sortir de la zone rouge»: «Evian TG a enchaîné une 3e victoire contre Metz (3-0) pour sortir de la zone rouge»²³.

Фразеологизм *dérouler le tapis rouge* используется в статьях экономического характера и обозначает «создать благоприятные условия»: «...la France était prête à “dérouler le tapis rouge” aux investisseurs britanniques»²⁴. Устойчивое выражение *franchir la ligne rouge* употребляется в политической прессе и обозначает «совершать недопустимые действия»: «Poutine: les Occidentaux “ont franchi la ligne rouge”». В российской прессе употребительными являются два синонимичных устойчивых выражения: *переступить красную черту* и *пересечь красную линию*: «...какие-то святые вещи и красная черта, которую переступить нельзя».

Прилагательное *rouge* также может обозначать «самый высокий уровень угрозы или опасности», например, когда речь идет о затруднениях на дороге: «Pâques: trafic orange/rouge en Ile-de-France» или об ухудшении погодных условий: «Selon Météo France, le niveau de vigilance rouge correspond à ce qu'une vigilance absolue s'impose». Цветовые прилагательные *jaune* и *orange* также используются для обозначения «уровня бдительности»: «Météo France a rétrogradé aujourd'hui la vigilance “inondation” d'orange à jaune pour le Var et les Pyrénées-Orientales, où cinq personnes sont mortes ces derniers jours»²⁵.

Как и спортивный термин *carton rouge*, словосочетание *carton jaune* может употребляться в переносном значении: «Réforme territoriale: l'agence Moody's adresse un carton jaune en France»²⁶; «А. Нарышкин: Тебе желтая карточка. А. Куренной: За что?»²⁷

В российской прессе, в отличие от французской, очень популярны выражения с прилагательным *желтый*, связанные с изданиями печатной прессы, распространяемыми по достаточно низкой цене и специализирующимися на слухах, сенсациях (зачастую мнимых), скандалах, сплетнях: *желтая пресса; желтая газетенка; желтая информация; желтые факты; желтые СМИ; желтый ресурс; желтые шоу; желтые подробности; желтые страницы, желтые сенсации*.

Известно, что цветовые прилагательные, субстантивировавшись, используются для обозначения предметов: *le rouge помада; le bleu рабочая блуза; une poige четвертная нота* (в музыке). Прилагательное *bleu* субстантивировалось и используется во французском языке для обозначения

сборной команды Франции по различным видам спорта: «Troisième défaite de rang pour les Bleus». В этом значении *bleu* употребляется и в качестве прилагательного: «Les chances de médailles bleues à Pékin». «Les Verts» употребляется для обозначения французской политической партии экологов и футбольного клуба «Сэнт-Этьен»: «Ligue 1: les Verts corrigent Bordeaux et flirtent avec le podium».

В российской прессе слово «зеленые» обозначает «доллары»: «...распишитесь в получении счета на 50 миллиардов зеленых»²⁸. Встречается также пренебрежительное обозначение «доллара» – «зеленая бумажка». Во французском языке в значении «доллар» используется словосочетание *billet vert*: «...à prévenir toute variation excessive du taux de change face au billet vert»²⁹.

Одно из самых употребительных выражений в российской прессе – словосочетание «зеленые человечки», обозначающее российских военных, появившихся без опознавательных знаков на полуострове Крым: «Параноидальное ожидание прихода “зеленых человечков” постепенно сменяется другими событиями...»³⁰

Выражение *зеленый змий*, которого не встретишь во французской прессе, представляет собой образное название пагубной зависимости от алкоголя: «Реклама зеленого змия на страницах газет и журналов недопустима»³¹.

Прилагательное *gris* во французской прессе может употребляться в значении «коррупционный», «преступный», «незаконный», «фиктивный»: «Besson: lutter contre les “mariages gris”»³². Словосочетание *liste grise* часто относится к странам «финансового рая», т. е. тем экономикам, которые нарушают налоговое законодательство: «La Confédération helvétique a été officiellement retirée de la liste grise vendredi matin». Русское прилагательное *серый* имеет аналогичное значение: «Что заставляет работодателей платить “серую” зарплату?»³³

Употребительным во французской прессе является фразеологизм *éminence grise* (тайный советник): «Jérôme Monod ou l'itinéraire d'une éminence grise».

Большинство встретившихся нам цветовых устойчивых словосочетаний соединяются «наиболее свободной зависимостью, при которой оба члена ФЕ как единицы одного определенного совмещаются друг с другом как логически равноправные, и ни один элемент не предполагает существования другого, хотя оба воспроизводят традиционную комбинацию»³⁴: *carton jaune, carton rouge, желтая карточка, красная карточка*. Данная зависимость носит название «индетерминация». Так, в словосочетании *красная карточка* лексема *карточка* может иметь самые различные определения: *кредитная, визитная*. Аналогичная ситуация и с лексемой *красная*: *красная шапочка, красная линия*.

Отношения детерминации предполагают одностороннюю зависимость, «при которой

один член фразеологической единицы как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование другого члена как единицы того же или смежного уровня, но не наоборот»³⁵. Например, *éminence grise*, *lanterne rouge*, *зеленый змий*, *проходить красной нитью*. Так, лексема *éminence* предполагает наличие лексемы *grise*, но не наоборот; лексема *lanterne* предполагает наличие лексемы *rouge*, но не наоборот и т. д.

Отношениями взаимной детерминации называют отношения между членами фразеологических единиц, при которой «один член ФЕ как единицы определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот...»³⁶ (*денно и ночью*). Подобные примеры среди фразеологизмов с цветочными прилагательными нам не встретились ни во французской, ни в российской прессе.

Как видно из примеров, во французской и российской прессе встречается большое количество сходных устойчивых словосочетаний с цветочными прилагательными. Существуют и различия между русскими и французскими устойчивыми словосочетаниями на семантическом и лексическом уровнях.

Например, в российской прессе не существует словосочетания, аналогичного *lanterne rouge* или *bête noire*, а во французской не встречаются выражения *зеленый змий*, *белый бизнес*, *белая зарплата*. Существуют также расхождения на синтаксическом уровне. Так, во французских биржевых сводках не употребляется существительное *зона*, а цветочное прилагательное субстантивируется: *clotûrer dans le vert*; *finir dans le vert*.

Примечания

- ¹ См.: Гак В. Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. Изд 2-е. М., 2010. С. 198.
- ² См.: Назарян А. Фразеология современного французского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 53.
- ³ Там же. С. 42.
- ⁴ Смирницкий А. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 230.
- ⁵ Кунин А. Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970. С. 210.
- ⁶ Газета «Пуан». URL: http://www.lepoint.fr/economie/eleveurs-valls-annonce-une-annce-blanche-sur-les-dettes-bancaires-03-09-2015-1961676_28.php (дата обращения: 18.12.2015).
- ⁷ Газета «Пуан». URL: <http://www.lepoint.fr/economie.php> (дата обращения: 20.12.2015).
- ⁸ См.: Гак В. Указ. соч. С. 199.
- ⁹ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2015/03/12/97001-20150312FILWWW00421-duel-fn-ps-herve-morin-udi-voterait-blanc.php> (дата обращения: 04.12.2015).
- ¹⁰ Радиостанция «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/1630848-echo/> (дата обращения: 19.01.2016).
- ¹¹ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/politique/2015/07/29/31001-20150729ARTFIG00321-dans-le-dossier-russe-ue-et-etats-unis-c-est-bonnet-blanc-et-blanc-bonnet.php> (дата обращения: 04.12.2015).
- ¹² Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2016/02/10/20002-20160210ARTFIG00409-didier-migaud-l-ancien-socialiste-devenu-la-bete-noire-de-la-gauche-au-pouvoir.php> (дата обращения: 10.02.2016).
- ¹³ Радиостанция «Европа 1». URL: <http://www.europe1.fr/actu-financiere/le-travail-au-noir-se-repand-en-france-1732117> (дата обращения: 04.12.2015).
- ¹⁴ Газета «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/319017> (дата обращения: 19.01.2016).
- ¹⁵ Газета «Фигаро». URL: <http://plus.lefigaro.fr/tag/sports-dhiver?page=105> (дата обращения: 04.12.2015).
- ¹⁶ Зеленая зона // Финансовый словарь на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/22870 (дата обращения: 19.01.2016).
- ¹⁷ См.: Гак В. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁸ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/impots/2016/02/14/05003-20160214ARTFIG00031-le-bricolage-fiscal-d-ikea-dans-le-collimateur-de-l-europe.php> (дата обращения: 14.02.2016).
- ¹⁹ Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://www.rbc.ru/finances/29/01/2016/56aaf54b9a79471b775fe329> (дата обращения: 29.01.2016).
- ²⁰ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2015/09/18/97002-20150918FILWWW00117-le-cac-40-s-enfonce-dans-le-rouge-et-perd-2.php> (дата обращения: 29.01.2016).
- ²¹ Газета «Фигаро». URL: <http://sport24.lefigaro.fr/football/etranger/italie/fil-info/parme-n-abdique-pas-745034> (дата обращения: 29.01.2016).
- ²² Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2015/06/16/01002-20150616ARTFIG00340-loi-macron-la-droite-adresse-un-carton-rouge-au-gouvernement.php> (дата обращения: 29.01.2016).
- ²³ Футбольный портал. URL: <http://www.sofoot.com/metz-sur-le-podium-laval-renverse-evian-220689.html> (дата обращения: 12.01.2016).
- ²⁴ Газета «Трибюн». URL: www.latribune.fr/.../france/.../la-france-deroulera-le-tapis-rouge.html (дата обращения: 11.02.2015).
- ²⁵ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2014/12/03/97001-20141203FILWWW00070-pyrenees-orientales-var-fin-de-la-vigilance-orange.php> (дата обращения: 19.08.2015).
- ²⁶ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2014/06/09/20002-20140609ARTFIG00162-l-agence-moody-s-adresse-un-carton-jaune-au-redecoupage-regional.php> (дата обращения: 19.08.2015).
- ²⁷ Радиостанция «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/arsenal/1663340-echo> (дата обращения: 08.08.2015).
- ²⁸ Радиостанция «Эхо Москвы». URL: http://echo.msk.ru/blog/k_borovoi/1665166-echo/ (дата обращения: 08.08.2015).

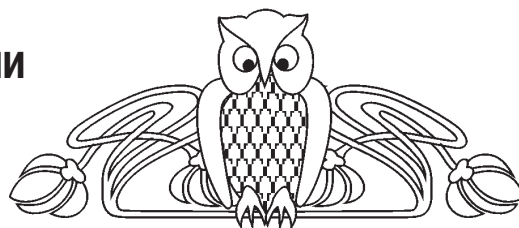
- ²⁹ Газета «Фигаро». URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2016/02/19/97002-20160219FILWWW00089-coreedu-sud-un-soutien-deguise-au-won.php> (дата обращения: 20.02.2016).
- ³⁰ Газета «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/601988> (дата обращения: 19.01.2016).
- ³¹ Радиостанция «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/blog/oskin/1551194-echo> (дата обращения: 23.02.2016).
- ³² Газета «Монд» URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2009/11/18/eric-besson-denonce-les-mariages-gris_1268870_3224.html (дата обращения: 02.12.2015).
- ³³ Газета «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/319017> (дата обращения: 19.01.2016).
- ³⁴ Архангельский В. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964. С. 113.
- ³⁵ Там же. С. 112.
- ³⁶ Там же.

Образец для цитирования:

Бурунский В. М. Употребительные цветочные прилагательные в современной французской и российской прессе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 388–392. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-388-392.

УДК 811.111'276.6'42

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ЕВРОСОЮЗА И ДЕЛЕГИТИМИЗАЦИИ Б. АЛЬ-АССАДА В БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. М. Голубева

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
E-mail: gtn212@mail.ru

В статье проводится исследование языковых средств, участвующих в реализации стратегии легитимизации Евросоюза/Великобритании и стратегии делегитимизации президента Сирии Б. аль-Ассادا на материале выступлений британских политиков, посвященных теме сирийского военного конфликта и международной борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: оценочные понятия, понятие «режим Ассادا», имя собственное «Ассад», метонимия, дискредитация.

Linguistic Parameters of the Strategy of Legitimizing the European Union and Delegitimizing B. al-Assad in the British Political Discourse

T. M. Golubeva

The article carries out the analysis of the linguistic means involved in the realization of the strategy of legitimizing the European Union/Great Britain and the strategy of delegitimizing the Syrian President B. al-Assad on the materials of the British politicians' talks on the topic of the Syrian military conflict and the international suppression of terrorism.

Key words: value notions, «Assad regime» notion, proper name «Assad», metonymy, character defamation.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-392-396

Изучению взаимодействия языка и общества посвящены многочисленные социолингвистические исследования, проводимые с опорой на концептуально-методологическую базу критического дискурса-анализа. Представители данного направления анализируют как завуалированные, так и прозрачные структурные взаимоотношения

доминирования, дискриминации, власти и контроля, манифестированные в языке. Наиболее эксплицитно отношения между языком и властью проявляются в политическом дискурсе. Принято выделять четыре стратегические функции политической риторики: принуждение (законы, указы, цензура); протест (лозунги, петиции, призывы, направленные против существующих властных структур); диссимуляция (отвлечение внимания от проблемных и противоречивых вопросов); легитимизация/делегитимизация¹. Стратегия легитимизации (придания законного статуса политическим субъектам, действиям, решениям) ориентирована на представление говорящего как политика, обладающего разумом, видением и здравомыслием, и заключается в утверждении интересов и потребностей адресата, актуализации глобальных и неоспоримых идеологических принципов, восхвалении собственных действий. Стратегия делегитимизации (отрицания законности политических субъектов, действий, решений) направлена на негативное представление оппозиции посредством обвинения, отчуждения, критики морального облика и мотивов поведения соперника².

Данная статья посвящена исследованию средств языка, участвующих в реализации стратегии легитимизации Европейского союза, в том числе Великобритании, и стратегии делегитимизации президента Сирии Башара аль-Ассادا. Материалом для дискурсивного анализа послужили выступления британских политиков, затрагивающие тему сирийского военного конфликта, деятельности сирийского лидера и международной борьбы с терроризмом. Выбор материала исследования об-

условлен актуальностью тематики, выразительной реализацией указанной функции политического дискурса, а также необходимостью идентификации и описания случаев дискриминативного использования языка, направленного на формирование у целевой аудитории предвзятых мнений и отношений к предмету сообщения.

В качестве преамбулы отметим, что личность Башара аль-Ассада, а также проводимая им политика являлись объектом критики со стороны стран Евросоюза и США на протяжении практически всего срока его пребывания на посту главы государства. Западные лидеры обвиняли сирийского президента в подавлении антиправительственных демонстраций в Дамаске в начале 2011 г., применении химического оружия против сил оппозиции в 2013 г., эскалации внутривойны и поддержке террористических военизированных формирований. Обвинительная риторика, в частности, ярко представлена в выступлениях британских политиков. Так, посол Великобритании в ООН М. Грант заявляет, что за годы правления Б. Асада Сирия превратилась в «жалкое подобие той страны, какой она была прежде»:

*For the past four years, Assad has repressed, maimed and killed his own people. He has ruined the country he should protect; Syria is now a shell of its former self. Assad's actions, and others reported by the Commission of Inquiry, represent clear violations of international humanitarian law and human rights, and amount to crimes against humanity*³.

Концептуальное моделирование политики Б. Асада как «преступления», осуществляемое при помощи понятий отрицательной оценки – предикатов *repress* «подавлять», *maim* «калечить», *kill* «убивать», *ruin* «разрушать», манифестирует идеологическую направленность конструируемого дискурса на дискредитацию сирийского президента. Объектом данных материально намеренных действий является Сирия и сирийский народ, позиционируемые М. Грантом как жертва, а субъектом – Б. Асад, позиционируемый как агрессор. Виктимизация Сирии (стратегия, манифестирующая существование преступлений, совершенных другими) позволяет М. Гранту квалифицировать политику президента Сирии как «нарушение международного гуманитарного права» и «преступление против человечества».

Министр по делам Ближнего Востока Т. Элвуд использует оценочный квалификатор *despicable* «заслуживающий осуждения и презрения» для характеристики атак с применением химического оружия, «проводимых режимом Асада», поскольку они, по словам британского политика, были направлены против жителей пригорода Дамаска:

*Today marks the second anniversary of the Assad regime's despicable chemical weapons attacks on the people of Ghouta, a suburb of Damascus in Syria which killed hundreds of innocent civilians*⁴.

Министр иностранных дел Ф. Хэммонд утверждает, что Б. Асад «ведет войну против

собственного народа, порождая несправедливость, беспорядок и экстремизм». Используя в своей речи обобщенные аксиологические понятия *injustice, disorder, extremism*, обозначающие антиценности, Ф. Хэммонд интенсифицирует эмоциональный тон своего высказывания, придает особую значимость и глобальность «противоправной» деятельности Б. Асада, одновременно актуализируя неприемлемость проводимой им политики для «демократических и правовых» государств, таких как Франция и Великобритания, которые «готовы противостоять этим трем бедствиям»:

*From the palace where he is hunkered down, Bashar al-Assad is not just waging a war against his own people; he is also fighting to improve his public image. In reality, Assad is himself stoking injustice, disorder and extremism, and France and UK are standing firm together against all three*⁵.

В ходе анализа было отмечено, что британские политики систематически употребляют словосочетание *the Assad regime/Assad's regime* «режим Асада» для обозначения правительства Б. Асада, несмотря на то, что сирийский лидер был несколько раз официально избран на президентскую должность гражданами страны. Использование термина *regime* «режим», имеющего в современном английском языке выраженные отрицательные коннотации, вместо оценочно нейтральной *government* «правительство» позволяет констатировать факт незаконности, недемократичности и авторитарности сирийского руководства. Так, Ф. Хэммонд утверждает, что именно «режим Асада» с его практикой «жесточкого подавления мирных протестов» и «атак против мирного населения с применением бочковых бомб» привел страну к кризису:

*It was the Assad regime which led Syria into the crisis. Its brutal repression of peaceful protesters, which we've just heard about from Secretary Kerry, and the years of indiscriminate attacks on civilians which follow, especially through the indiscriminate use of barrel bombs, was the root cause*⁶.

В своем выступлении на Генеральной ассамблее ООН, посвященной теме борьбы с экстремизмом, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон позиционирует «режим Асада» и ИГИЛ как торговых партнеров, дискредитируя таким образом деятельность сирийского президента:

*We also will play our role in the propaganda war that we need to win, because frankly we need to call out ISIL for the mass executions, for the rapes, for the killing of innocent Sunni Arabs, while they are selling oil and wheat to the Assad regime at the same time*⁷.

Показательно, что в высказывании Д. Кэмерона западным странам присваивается статус правозащитников и борцов с терроризмом, в то время как сирийский лидер, чьи войска сражаются с боевиками экстремистских организаций, включая ИГИЛ, обвиняется в финансовой поддержке террористов. По мнению министра Ф. Хэммонда, Б. Асад, как «пособник террористов», должен

лишиться права быть представленным в новом прозападном правительстве Сирии, при помощи которого, как полагает Ф. Хэммонд, антитеррористическая коалиция европейских государств и США сможет «разгромить ИГИЛ»:

*For our own national security we have to defeat ISIL in Syria. We need a partner in Syria to work with against the extremists, and this means a political settlement agreed between the Syrian parties leading to a unity government in Syria. It is clear to us that Assad could not credibly be part of any such administration*⁸.

Исследование показывает, что в своих выступлениях британские политики, как правило, не указывают полное имя и/или официальный политический статус руководителя сирийской республики, предпочитая использовать только фамилию. Так, в своей речи на заседании Совета безопасности ООН по Ближнему Востоку Ф. Хэммонд называет дружественного США и странам Евросоюза иракского политика Хайдера аль-Абади «премьер-министром Абади», в то время как сирийского президента, имеющего прохладные отношения с Западом, именуется просто «Ассад», выражая тем самым свое неприятие его как политического деятеля. При этом Ф. Хэммонд позиционирует лидеров западных стран как миролюбивых, сильных и ответственных политиков, которые должны «дать надежду тем, кто потерял веру в лучшее будущее и может поддаться искушению вступить в ряды боевиков-экстремистов»:

*At the same time, we have to give hope to those who despair of a better future and may be tempted to join the violent extremists. Whether they are frustrated Palestinians who see no hope of resuming the Middle East peace process, Iraqi Sunnis who await the inclusiveness Prime Minister Abadi has promised or Syria moderate oppositionists who see no other way to fight Assad*⁹.

Опущение имени и политического статуса сирийского лидера обуславливает использование фамилии «Ассад» в качестве субститута словосочетания *the Assad regime* «режим Асада». В основе данной замены лежит связь значений указанных понятий по смежности, т. е. метонимический перенос. Таким образом, благодаря контекстуально детерминированной метонимии антропоним «Ассад» утрачивает свою родовую принадлежность и становится референтом понятия «режим Асада», вызывая у реципиента ассоциации с диктатурой и беззаконием. Так, в речи Ф. Хэммонда имя собственное «Ассад» применяется для обозначения жесткого и противоправного режима, создавшего условия для деятельности экстремистских групп и продолжающего вести с ними торговое и военное сотрудничество, и поэтому не менее опасного для Сирии, чем какая-либо террористическая организация, например ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта):

The Assad regime created the environment in which extremism and ISIL in particular flourished.

*So we reject the advice of those who say the poison of Assad is the cure of the cancer of ISIL. It is Assad who released jihadis in the early stages of the conflict. It is Assad who continues to trade with them even now. Assad has been, and remains, one of ISIL's greatest recruiting sergeants and his forces remain focused on the destruction of moderate opposition groups and civilian population centres*¹⁰.

В этом и других примерах посредством синтаксически-смысловой связи осуществляется отождествление понятий «Ассад» и «ИГИЛ» (в английском языке «ISIL»). «ISIL» представляет собой акроним названия международной террористической организации «The Islamic State of Iraq and the Levant», вступившей в гражданскую войну в Сирии на стороне антиправительственных сил. В речи британских политиков Ассад и ИГИЛ часто позиционируются как субъекты, совершающие аналогичные действия. Так, согласно заявлению М. Гранта, «в течение двух лет режим Асада подвергает осаде сирийских граждан, лишая их доступа к гуманитарной помощи», а «в настоящее время почти полмиллиона сирийцев – жителей района Дамаска, населенного преимущественно палестинцами, живут в условиях осады со стороны Асада и ИГИЛ»:

*Thousands of civilians, many children included, have been living under siege from the Assad regime for nearly two years and are trapped with little access to humanitarian assistance. The plight of the people in Yarmouk is the tragic reality for more than 440,000 Syrians currently under-siege by Assad and ISIL, without access to humanitarian assistance. This includes nearly 230,000 people besieged in Deir ez-Zor by ISIL*¹¹.

В своих выступлениях министр Т. Элвуд заявляет, что «жестокие террористы ИГИЛ своими действиями причиняли много страданий жителям иракского города Тикрита», а также что «Ассад ежедневно заставляет ужасно страдать собственный народ». Ср.:

*I echo Prime Minister Abadi's recent call that all parties respect the human rights of citizens in Tikrit who have already suffered so much at the hands of brutal ISIL terrorists*¹².

*We should also not lose sight of terrible suffering inflicted by Assad every day on his own people through the indiscriminate use of conventional weapons, particularly barrel bombs*¹³.

По мнению Ф. Хэммонда, «терроризм ИГИЛ» и «тирания Б. Асада» представляют собой равноценные по значимости угрозы для сирийского народа, избавление от которых «должны обеспечить западные страны»:

*We owe it to the Syrian people to secure a future free both of the terrorism of ISIL and the tyranny of Assad*¹⁴.

В одном из своих выступлений Ф. Хэммонд даже уподобляет правительство Б. Асада военизированной ливанской шиитской группировке «Хезболла» на том лишь основании, что политическая

и военная деятельность сирийского руководства в некоторой степени финансируется за счет региональных зарубежных спонсоров, к которым относятся, например, правительство Ирана:

*The reality is that Assad is considerably weaker than a year ago, and growing weaker still. He is beholden to his regional sponsors who, like Hezbollah, are the power behind the throne in Syria*¹⁵.

Исследование показывает, что правительство Б. Асада систематически позиционируется британскими политиками как незаконная террористическая организация. Этому в некоторой степени способствуют фонетические особенности фамилии президента Сирии: короткое и звучное арабское слово «Ассад» напоминает названия таких исламистских военизированных групп, как «Аль-Каида», «Аль-Шабаб», «Абу Сайяф», вызывающие ассоциации с убийствами, терактами, беззаконием. Данные организации, в частности, упоминаются в речи премьер-министра Д. Кэмерона:

*We have to be frank that the biggest problem we have today is that Islamist extremist violence that has given birth to ISIL, to Al Shabab, to Al-Qaeda and so many other groups*¹⁶.

Примечательно, что звуковая идентичность слов *Assad* [ˈæsd] и *ISIL* [ˈaɪsɪl] используется британскими политиками с целью создания выразительного, легко произносимого и запоминающегося словосочетания *Assad and ISIL/ISIL and Assad*. Данное словосочетание функционирует как фразеологическая единица ad hoc благодаря двухчастному построению из одинаковых по длительности элементов, ритмичности и паронимии, т. е. созвучию входящих в нее компонентов. Фразовое единство обуславливает восприятие содержащихся в нем понятий как семантически тождественных. Так, в своих выступлениях премьер-министр Д. Кэмерон заявляет, что «причиной массового исхода сирийцев из страны является террор, устроенный Асадом и ИГИЛ», а «западные лидеры озабочены тем, что сирийские и иракские семьи терпят страдания в руках ИГИЛ и Асада»:

*In recent weeks we have seen a vast increase in the numbers arriving across the Eastern Mediterranean from Turkey – more than 150,000 people have attempted that route since January. The majority of these are Syrian refugees – fleeing the terror of Assad and ISIL which has seen more than 11 million people driven from their homes*¹⁷.

*But we think about what life is like right now for people across the world for those in Syria and Iraq – families just like ours – suffering at the hands of ISIL and Assad*¹⁸.

В обоих случаях аналогия, которую проводит Д. Кэмерон между Б. Асадом и ИГИЛ при помощи фразового единства *Assad and ISIL/ISIL and Assad*, обуславливает демонизацию действующего президента Сирии.

Исследование установило, что в реализации стратегии делегитимизации Б. Асада активно участвуют лексические средства. Для характеристики

политической деятельности сирийского президента британские политики используют отрицательные оценочные понятия (предикаты, квалификаторы и номинативы), которые концептуализируют действия Б. Асада как агрессию и преступление против сирийского народа. Антропоним «Ассад» подвергается контекстуальной метонимизации, обуславливающей его использование в качестве референта понятия «режим Асада», которое актуализирует незаконность и недемократичность сирийского руководства. Благодаря синтаксически-смысловой связи имена собственные «Ассад» и «ИГИЛ» функционируют как равнозначные понятия, что позволяет британским политикам позиционировать правительство Б. Асада как источник угрозы миру и стабильности не только в Сирии, но и во всем ближневосточном регионе. Делегитимизация действий Б. Асада сопровождается легитимизацией позиции Евросоюза/Великобритании. Намерения и действия европейских политиков характеризуются при помощи понятий положительной оценки, представляющих лидеров западных стран как вершителей правосудия, защитников пострадавших, апологетов ценностей свободного, правового и демократического общества. Таким образом, при помощи языковых средств формируется отношение к данным политическим агентам, равно как создаются социальные представления, убеждения, мировоззрения целевой аудитории.

Примечания

- 1 См.: Chilton P., Schaeffner Ch. Discourse and politics // Discourse as Social Interaction / T. A. van Dijk (ed.). L. ; New Delhi, 1997. P. 212.
- 2 См.: Cap P. Language and legitimization : Developments on the proximization model of political discourse analysis // Lodz Papers in Pragmatics. 2005. № 1. P. 7–36.
- 3 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-regional-turmoil-we-are-witnessing-only-reinforces-the-importance-of-resolving-the-israel-palestine-conflict> (дата обращения: 25.09.2015).
- 4 URL: <https://www.gov.uk/government/news/minister-ellwood-marks-second-anniversary-of-chemical-attacks-in-ghouta-syria> (дата обращения: 25.09.2015).
- 5 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/uk-foreign-secretary-and-french-foreign-minister-assad-cannot-be-syrias-future> (дата обращения: 25.09.2015).
- 6 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-assad-regime-created-the-environment-in-which-extremism-and-isil-in-particular-flourished> (дата обращения: 25.09.2015).
- 7 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-on-isil-at-un-general-assembly> (дата обращения: 25.09.2015).
- 8 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/uk-foreign-secretary-and-french-foreign-minister-assad-cannot-be-syrias-future> (дата обращения: 25.09.2015).
- 9 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-assad-regime-created-the-environment-in-which-extremism-and-isil-in-particular-flourished> (дата обращения: 25.09.2015).

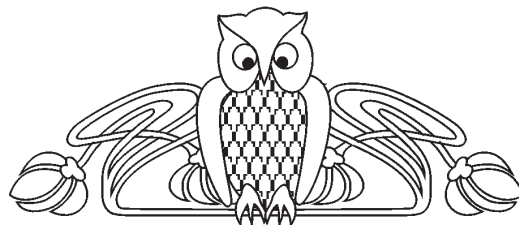
- ¹⁰ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-assad-regime-created-the-environment-in-which-extremism-and-isil-in-particular-flourished> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹¹ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-regional-turmoil-we-are-witnessing-only-reinforces-the-importance-of-resolving-the-israel-palestine-conflict> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹² URL: <https://www.gov.uk/government/news/minister-for-the-middle-east-welcomes-news-that-iraqi-forces-have-taken-back-tikrit> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹³ URL: <https://www.gov.uk/government/news/minister-ellwood-marks-second-anniversary-of-chemical-attacks-in-ghouta-syria> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁴ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-assad-regime-created-the-environment-in-which-extremism-and-isil-in-particular-flourished> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁵ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/uk-foreign-secretary-and-french-foreign-minister-assad-cannot-be-syrias-future> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁶ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-minister-on-isil-at-un-general-assembly> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁷ URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/syria-refugees-and-counter-terrorism-prime-ministers-statement> (дата обращения: 25.09.2015).
- ¹⁸ URL: <https://www.gov.uk/government/news/eid-2015-david-camerons-message> (дата обращения: 25.09.2015).

Образец для цитирования:

Голубева Т. М. Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 392–396. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-392-396.

УДК 81'276.6'42

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ДОКТОРА И ПАЦИЕНТА (К вопросу о границах классификации)

С. В. Майборода

Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
E-mail: ameli25@yandex.ru

В статье рассматриваются варианты коммуникативных стратегий медицинского дискурса, определяются их лингвистические характеристики и место в общей классификации.

Ключевые слова: медицинский дискурс, вспомогательные коммуникативные стратегии.

Accessory Strategies in Professional Speech Communication of a Doctor and a Patient (To the Issue of the Classification Borders)

S. V. Mayboroda

The article considers options of communicative strategies of medical discourse, their linguistic characteristics and the place in the general classification are identified.

Key words: medical discourse, accessory communicative strategies.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401

Проблема организации эффективной коммуникации в сфере медицины приобретает в настоящее время особую актуальность в связи с изменением используемых в учреждениях здравоохранения моделей взаимодействия между врачом

и пациентом: принцип патернализма постепенно сменяется принципом сотрудничества¹. От умения врача владеть словом, от уровня речевой культуры во многом зависит его профессиональная компетенция. В связи с этим язык медиков (прежде всего врачей-профессионалов), их речевое поведение является важным объектом современных лингвистических исследований. Особый интерес в изучении дискурса медицины вызывает система коммуникативных стратегий, присущих данному виду институционального общения. Различные варианты типологий стратегий и тактик представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей, таких как В. И. Карасик, В. В. Жура, Л. С. Бейлинсон, Э. В. Акаева, М. И. Барсукова, Н. Ю. Сидорова, J. Heritage, D. W. Maynard, S. Fleischman, N. Ainsworth-Vaughn и многих других. Долгосрочная цель подобных работ – выработка основных принципов определения коммуникативных стратегий и тактик в рамках медицинского дискурса. Безусловно, это можно сделать лишь на основе обобщения большого эмпирического материала реальной профессиональной коммуникации.

Выявление различных целей речевого общения позволило объединять их в группы и классифицировать универсальные и специфические коммуникативные стратегии. Первичные цели общения лежат в основе когнитивного и коммуникативного процесса: «...изменить картину мира

пациента, убедить в необходимости определенного вида лечения, создать атмосферу психологического комфорта²; вторичные – определяют выбор речевого материала и тип речевого поведения. Данный принцип дифференциации целей стал теоретической основой разделения коммуникативных стратегий на основные и вспомогательные. С точки зрения О. С. Иссерс, к **основным** (когнитивным) стратегиям относятся те, которые связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение; это могут быть стратегии информирования, дискредитации, подчинения и т. д. **Вспомогательные** стратегии, в свою очередь, способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и могут подразделяться на прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроя), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой) и риторические (привлечение внимания, драматизация)³. Данная типология коммуникативных стратегий вполне универсальна и применима ко всем сферам речевого производства, хотя и отличается предельной обобщённостью. Тем не менее, она активно используется для анализа определённых видов дискурсов и является основой для создания специфических типологий медицинского дискурса – классификаций Э. В. Акаевой, В. В. Журы.

Л. С. Бейлинсон отмечает, что типология стратегий того или иного вида институционального дискурса должна включать соответствующие социальному институту мотивы и цели, и предлагает классифицировать стратегии медицинского дискурса по специфике глобальных целей. Соответственно, основными стратегиями медицинского дискурса выступают диагностирующая, лечащая, рекомендуемая, а вспомогательными являются прагматические стратегии, целями которых обозначены коммуникативные намерения (объяснить, комментировать, убедить и проч.)⁴. Развивая данную концепцию, М. И. Барсукова и Н. Ю. Сидорова разработали типологии коммуникативных тактик медицинского дискурса, где под тактикой понимается совокупность речевых действий, выбираемых и выполняемых коммуникантами в той или иной последовательности для достижения глобальной цели общения⁵. Иными словами, «стратегии определяют глобальный уровень осознания ситуации общения в целом, тогда как тактики выступают как локальные риторические приемы»⁶.

Комплекс тактик, применяемых доктором при реализации основных и вспомогательных стратегий, достаточно широк, однако выбор определённых тактических действий зависит от следующих переменных: 1) стратегическая цель говорящего; 2) социально-психологические факторы; 3) персонологические качества личности говорящего; 4) уровень коммуникативной компетенции собеседников; 5) этап беседы. Примерами являются тактики сближения, убеждения, запроса

конкретной информации, угрозы, самопрезентации, утешения, объяснения, формирования хода мыслей, привлечения внимания, контроля, знакомства, обвинения, создания долговременных планов, умолчания, комплимента и др. Тактики, в свою очередь, реализуются при помощи разнообразных коммуникативных действий, или шагов (вопросительные высказывания, переспросы, уточнения, обращения и проч.). Реализация коммуникативных стратегий и тактик происходит спонтанно на основе *свободного выбора* оптимального в конкретной ситуации типа речевого поведения, направленного на достижение цели и обусловленного социальным контекстом и определёнными психологическими установками.

Тем не менее, на наш взгляд, количественные и качественные характеристики стратегий и тактик, применяемых в медицинском дискурсе, могут варьироваться за счёт изменений, происходящих в результате смены конфигурации медицинских практик и моделей коммуникативного взаимоотношения врача и пациента. Появление новых биотехнологий и стандартизация процесса диагностирования и лечения заболеваний приводит к смещению характера коммуникации «доктор – пациент» от стратегического к технологическому, и, следовательно, требуется лингвистическое уточнение характеристик стратегий и тактик в медицинском дискурсе. Анализ значительного материала расшифрованных записей реальных коммуникаций «доктор – пациент» позволил выделить массив примеров, не подпадающих под уже известные стратегии. Они отличаются комплексной реализацией и являются специфичными для современного медицинского дискурса. Мы дали им рабочее название *селективная* и *организующая*. Особенностью рассматриваемых стратегий является их стремление к технологичности и кодификации. Остановимся на этом подробнее.

Беседа доктора и пациента о жалобах и истории заболевания всё больше приобретает вид анкетирования, работы с опросными бланками или следования уже имеющемуся фиксированному алгоритму расспроса, что сближает понятия «стратегия» и «технология». Однако в отличие от стратегии, которая подразумевает свободный выбор говорящим тех или иных речевых действий для достижения коммуникативной цели, технология представляет собой спланированный и часто доведённый до автоматизма процесс общения, предполагающий выполнение чётко регламентированных правил и установок. «При помощи технологий конструирование мира лишается спонтанности и случайности, обеспечивается возобновляемость успешных действий, регулируются взаимоотношения между индивидом и группой. Технологичность предполагает кодификацию дискурса, которая включает в себя отбор необходимых типов дискурса на научных основаниях, в том числе и лингвистических, осознанное закрепление в памяти принципов по-

рождения технологически необходимого дискурса и автоматическое пользование им в зависимости от обстоятельств»⁷. Тем не менее, медицинский дискурс на данном этапе не является собственно технологией, он лишь заимствует некоторые специфические черты технологичности. В связи с этим уместно говорить скорее о «технологизированных» стратегиях, осознанное использование которых в медицинском дискурсе позволяет специалисту эффективно структурировать своё речевое поведение и достигать глобальных целей общения.

Селективная стратегия базируется на принципах дифференциации и ранжирования информации, получаемой доктором в процессе расспроса пациента. Базовые пункты обычно отражены в методических указаниях и схемах расспроса для различных нозологических форм. Целью селективной стратегии является упорядочение структуры основной (диагностирующей) стратегии. Поскольку жалоба – это всего лишь информация о «нездоровье» в интерпретации пациента, постольку в чистом виде она не может использоваться в

диагностическом процессе, так как для диагностической оценки любой жалобы доктору необходимо преобразовать ее в «симптом» (объективизированную жалобу с выявленным патогенезом или происхождением). Для диагностической оценки любой жалобы больному доктору необходимо не только иметь предварительные теоретические знания о симптоме, его причинах и происхождении, но и с помощью уточняющих вопросов дать полную характеристику жалобы с целью уточнения её патогенеза. Для реализации данной цели на этапе расспроса пациента доктор использует селективную стратегию, которая представляет собой алгоритм выявления и оценки жалоб больного с позиций «норма – патология», «основное – второстепенное». Система расспроса стандартизирована и выстроена по схеме: открытый вопрос о жалобах – уточнение жалоб – фокусирование и детализация характеристик отдельного симптома. В зависимости от цели и ожидаемого результата в процессе реализации селективной стратегии чередуются диалогические единства с различными типами вопросов, например:

Доктор	Пациент
Открытый вопрос. Цель – получение первичной информации о жалобах: <i>Какие жалобы?</i> <i>На что жалуетесь?</i> <i>Что вас привело сюда?</i> <i>Что вас беспокоит?</i>	Ответ. Результат – субъективно выраженное сообщение о наиболее важных проявлениях заболевания: <i>Болят под ложечкой, ещё отрыжка бывает и крутит живот. Всё время какой-то дискомфорт в желудке, уже и не знаю, что мне кушать</i>
Открытый вопрос. Цель – разделение всех жалоб на основные и неосновные: <i>А что из того, что вы сказали, вас больше всего беспокоит?</i>	Ответ. Результат – перегруппировка заявленных ранее жалоб: <i>Боль</i>
Закрытый вопрос (альтернативного типа). Цель – уточнение характеристик заявленных жалоб: <i>Какой характер боли: тянущая, режущая или ноющая?</i>	Ответ. Результат – выбор одной или нескольких характеристик из предложенных либо отрицание и представление собственной: <i>Тянущая.</i> <i>Нет, боль пекущая, как будто жжёт внутри</i>
Открытый вопрос. Цель – получение дополнительной информации о симптомах: <i>А что ещё вас беспокоит?</i> <i>А в чём проявляется дискомфорт?</i>	Ответ. Результат – субъективно выраженное сообщение о других проявлениях заболевания: <i>Ещё бывают проблемы со стулом.</i> <i>Ну, тяжесть в желудке, тошнота</i>
Общий или закрытый вопрос. Цель – выявление наличия конкретных симптомов, характерных для предполагаемого заболевания: <i>А рвота бывает?</i> <i>А что ещё вас беспокоит: рвота, тошнота, изжога или отрыжка?</i>	Ответ. Результат – выбор ответа из нескольких предложенных вариантов, подтверждение либо отрицание: <i>Да, иногда бывает рвота. / Нет (не бывает).</i> <i>Тошнота и отрыжка</i>

Для того чтобы убедиться в правильном понимании больным смысла тех жалоб, о которых он сообщает, или терминов (особенно медицинских), которые он употребляет, доктор часто прибегает к уточняющим фразам, а также аналогиям: *Вот вы сказали: дискомфорт в груди, а в чём именно он проявляется?; Вы говорили, что моча была бесцветная. Она была бесцветная, как вода?* В

случаях, когда пациент затрудняется с ответом, врач задает наводящий вопрос.

Комплекс тактик селективной стратегии не отличается разнообразием: основными являются тактики запроса конкретной информации и самопрезентации.

Одновременно с селективной в ходе общения реализуется второстепенная стратегия, связанная

с лингвистической категорией коммуникативной инициативы, – *организующая стратегия*. Важную роль в её реализации играет понятие типа языковой личности участников дискурса: соотношение его коммуникативного поведения, коммуникабельности, социального статуса, психологического типа личности, коммуникативных способностей, привычек, через которые раскрываются его психологические и социальные качества. Именно они обуславливают исполнение говорящим более или менее стереотипных способов поведения и взаимодействия в ситуациях общения.

Следует подчеркнуть, что, вступая в коммуникацию, индивиды начинают её, как правило, с разными установками, целями, эмоциями. В силу этого само начало взаимодействия и его ход характеризуются разной степенью участия коммуникантов, их вовлечённости в общение, неодинаковой заинтересованностью, разной императивностью: кто-то владеет коммуникативной инициативой, и именно его /её /их ходы в общении определяют и предписывают пути развития дискурса⁸. Умением регулировать динамику коммуникативной инициативы, способностью манипулировать названными выше процессами и отличается социально-психологический лидер в группе. Соглашаясь с мнением М. Л. Макарова о том, что коммуникативная инициатива, как дискурсивно-психологический фокус, актуализирует разнообразные аспекты коммуникативной и социальной компетенции разных типов языковых личностей и их коммуникабельности, но может не совпадать с проигрыванием ими в диалоге соответствующих ролей, мы предполагаем, что в устном медицинском дискурсе, при реализации организующей стратегии, доктор в качестве социально-психологического лидера, институционально наделённого властью, предписывает коммуникативную перспективу дискурса, а также определяет для себя степень владения коммуникативной инициативой. На протяжении всего этапа расспроса о жалобах и осмотра пациента доктор эксплицитно или имплицитно управляет ходом дискурса и строго контролирует его тематику.

Начало этапа расспроса строго ритуализировано, т. е. маркировано посредством особого инициального диагностического запроса информации: *Что вас беспокоит? /Какие жалобы? /На что жалуетесь?* Ритуалы являются важной составляющей жизни любого общества, так как несут в себе чёткие коммуникативные указания. В силу того, что «во всех видах ритуализированных последовательностей существует прогнозирующая сила, делающая последующий речевой акт вероятным, необходимым»⁹, общий вопрос открытого типа предоставляет пациенту право свободно высказаться. «Если заданы контекст и <...> тема, говорящий будет пользоваться этой темой как ключом к поиску релевантных моделей, относящихся к данной теме. <...> Текстовая база содержит лишь ту информацию, которая является

необходимой в данном актуальном контексте, хотя <...> спонтанная речь может включать внешне “избыточную” (повторяющуюся, выводимую) информацию»¹⁰. Вербальный компонент ритуализированного медицинского дискурса проявляется также в «стандартизации процедуры самого общения, клишированности используемых речевых формул»¹¹.

Информация, которую предоставляет пациент, может быть по-разному структурирована в зависимости от его коммуникативных привычек и предпочтений или понятия о релевантности данной структуры контексту, ситуации. Примерами таких структур могут быть: 1) одна жалоба; 2) простое перечисление нескольких жалоб; 3) перечисление жалоб с описанием их характеристик; 4) нарративные структуры различного объёма. Выбор структуры ответа на инициальный вопрос о жалобах зависит от коммуникабельности, речевой компетенции пациента, а также дискурсивного контекста (ограничений во времени, количества участников и обстановки). Исходя из структуры ответа пациента, доктор выбирает для себя позицию либо инициатора в процессе обмена репликами (эксплицитное управление ходом дискурса), либо активного слушателя (имплицитное управление). В данном случае вопрос является предписывающим инициативным ходом, занимающим начальную позицию в структуре обмена репликами. Приводимый ниже диалог доктора и матери больного ребёнка иллюстрирует вариант начального этапа расспроса, когда ответ на вопрос о жалобах представляет собой короткое повествование, исходя из которого, доктор выстраивает последующую цепочку уточняющих вопросов, руководствуясь принципами селективной стратегии:

Д. Что случилось? Всё-всё рассказывайте.

М. Была очень высокая температура весь день, а к вечеру вообще поднялась до сорока. Мы испулись, вызвали «скорую».

Д. Высокая – это какая?

М. Тридцать девять, тридцать девять и пять. А ещё появился кашель, странный такой – как будто подавился. Я никогда раньше не слышала такой кашель.

Д. Хриплый такой, да? Лающий?

М. Да. Ужасный кашель.

Д. А горлышко смотрели?

М. Да, смотрела. Горло сначала было просто красное, а потом как будто заложенное стало.

Д. Рыхлое такое, да?

М. Да.

В самом начале диалога доктор предоставляет собеседнице право на владение коммуникативной инициативой и возможность построения развёрнутого повествования (*Всё-всё рассказывайте*) и берёт на себя роль активного слушателя, время от времени переспрашивая и уточняя услышанное. Для представленного типа расспроса характерно наличие как собственно вопросов (*А горлышко*

смотрели?), так и уточняющих вопросов (*Высокая – это какая?*), обусловленных предшествующим течением нарративного дискурса и выполняющих функцию детализации характеристик жалоб. Интересным представляется тот факт, что, на первый взгляд, в диалоге, где один из участников что-то рассказывает, а другой переспрашивает и уточняет, инициативой владеет рассказчик, а не автор переспросов, однако если посмотреть на это с другой стороны, то можно заметить, что переспросы и уточнения являются показателями имплицитно выраженного управления ходом дискурса и скрытой борьбы за коммуникативную инициативу, так как их функция заключается в том, что они заставляют автора предыдущей реплики не только повторить и подтвердить адекватность восприятия, но также предоставить дополнительную информацию или даже сменить тематику.

Важной особенностью организующей стратегии дискурса является определение динамики коммуникативной инициативы и пути развития темы. Отношение разных участников разговора к обсуждаемой теме часто не совпадает: что важно и интересно одному коммуниканту, неохотно обсуждается другим или даже может вызывать негативные реакции. Иногда в ходе беседы пациент настойчиво старается завладеть коммуникативной инициативой: ему хочется поговорить, для него важен сам процесс коммуникации, а не результат. С позиций социальной психологии лидером в тандеме «доктор – пациент» считается доктор (по превосходству энциклопедических, лингвистических знаний), но иногда создаётся впечатление, что в процессе повествования о заболевании пациент в большей степени предопределяет ход коммуникации и её тематику, т. е. владеет коммуникативной инициативой. На самом деле это возможно только в той мере, в какой позволяет доктором: он фактически в любой момент может изменить ход интеракции и взять инициативу в свои руки, руководствуясь принципами селективной стратегии и реализуя стратегию организующую. Следовательно, доктор, как социально-психологический лидер, регулирует динамику коммуникативной инициативы, контролирует тональность общения, коммуникативную дистанцию и релевантность информации и обладает возможностью и полномочиями управлять этими процессами.

Основными тактиками организующей стратегии являются: формирование хода мыслей пациента, переспрос, уточнение, контроль над темой диалога, «честь мундира», поддержание или перехват инициативы, реквестивные и императивные речевые действия (просьба, требование, приказ). Так, социально-психологическое лидерство врача выражено включением в ход дискурса вопросов и просьб инициативного характера, тематически не связанных с предшествующей репликой пациента, но релевантных глобальной теме расспроса о жалобах при данном заболевании. Кроме эксплицитной смены локальной темы, имплицитным

маркером перехвата коммуникативной инициативы может выступать подхват, завершающий чужой коммуникативный ход, который как бы присваивается новым говорящим. Этот приём предписывает тип следующего хода и плавную смену темы разговора, например: *П. На этом всё мое лечение закончилось. Шесть недель я пролежал... / Д. (подхватывает) ... а потом немножко времени дома, а потом к нам? Кто ваш лечащий врач? / П. – Иванова. Она молодец – лекарства мне даёт.*

В организующей стратегии важную роль играют вопросительные высказывания, которые кроме собственно запроса конкретной информации выполняют функции выражения интереса к речи собеседника, возбуждения и поддержания внимания слушателя, контроля понимания, проверки искренности собеседника. Вопросы, решающие указанные задачи, являются метакоммуникативными и могут разделяться на вопросы-уточнения, переспросы, констатирующие вопросы, вопросы-ретроспекторы (отсылающие к сказанному ранее), вопросы-реакции, сигнализирующие о внимании или удивлении, вопросы-стимулы и проч.¹². Приведём примеры метакоммуникативных вопросительных высказываний:

1. Вопрос-уточнение: – *Был насморк? / – Нет, насморка не было. / – Не было, да? / – Кашель только был; – Никаких несвежих продуктов не употреблял? / – Нет. / – Нет, не употреблял? Это точно? / – Точно; – Когда рука приняла такое положение? / – Вот это? / – Да. / – Да когда лежал.*

2. Вопросы-стимулы: – *Да, да... И что было потом?; – Вы уже были у хирурга? / – Да, были. / – И-и? / – И нам сказали сделать ФГС.*

3. Вопросы, сигнализирующие о повышенном внимании или удивлении: – *Неужели?; – Что вы говорите?!; – Серьёзно?; – Да?; – Да вы что?!*

4. Вопросы, контролируемые понимание: – *Видите, как надо капать? Понятно?; – Что дальше делать, помните?*

5. Констатирующие вопросы с финальной реактивной частицей: – *Видела, вы шли с палочкой, да?; – Значит, антибиотик пропили, так?*

6. Вопросы-ретроспекторы: – *Вот вы говорили, вас беспокоит изжога, а когда она появляется?; – И ещё кашель, говорите?*

Приведённые примеры показывают, что метакоммуникативные вопросы выполняют функцию движения диалога, являются частью развёрнутых единств (два и более речевых шага), структура которых может быть представлена как различные сочетания общих и специальных вопросов и соответствующих ответов. Переспросы и вопросы-ретроспекторы, а также констатирующие вопросы могут являться маркерами повышенного интереса говорящего к отдельным частям информации и становиться отправной точкой в развитии новой части беседы, например: – *А насморк, вы говорили, есть? Сильный? В то же время подобные вопросы могут быть просьбой подтвердить, уточ-*

нить или повторить ранее сказанное – например, если собеседник не расслышал, не понял смысла предыдущей фразы или сомневается в искренности оппонента. Так, например, один и тот же вопрос в разных вариациях может повторяться на различных этапах диалога (*А какая температура?; Вы говорили, была **какая** температура?; Значит, когда вы измерили, какие были показания?*).

Типичными средствами реализации организующей стратегии, а именно тактики движения диалога, являются реплики-«эх», которые одновременно выступают «заполнителями пауз», в то время как говорящий анализирует полученную информацию и обдумывает следующий вопрос, и выражением эмпатии, внимания к словам пациента:

Д. Как изменилось поведение ребенка?

М. Вялый стал.

Д. Стал вяленьким. Когда он стал вяленьким? Раньше, чем начал болеть живот, или позже?

М. Позже.

Д. Позже. Как-то изменился его аппетит, он перестал играть, перестал кушать?

Таким образом, какими бы коммуникативными качествами ни обладал пациент, доктор явно или скрыто владеет инициативой в разговоре и организует процесс дискурса. Для этого в его распоряжении имеются разнообразные языковые средства: различные типы вопросов, повторы, просьбы, требования и проч.

Анализ современных исследований медицинского дискурса последнего десятилетия показывает, что проблема стратегического планирования речи и реализации стратегий в дискурсе все еще актуальна. Система коммуникативных стратегий и тактик медицинского дискурса способна варьироваться и дополняться новыми компонентами в зависимости от смены социальных условий и дискурсивных практик. Вспомогательные стратегии, выполняющие роль структурирования и организации диагностирующей стратегии, характеризуются комплексностью реализации. Селективная стратегия имеет тенденцию к стандартизации и

кодификации; одновременно с ней реализуется организующая стратегия, выполняющая прагматические функции и обладающая широким диапазоном речевых средств.

Примечания

- 1 См.: Колягин В. Коммуникации в медицине. Основы транзакционного анализа : пособие для врачей. Иркутск, 2012.
- 2 Акаева Э. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. С. 7.
- 3 См.: Иссерс О. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М., 2008.
- 4 См.: Бейлинсон Л. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- 5 См.: Барсукова М. Медицинский дискурс : стратегии и тактики речевого поведения врача : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007 ; Сидорова Н. Коммуникативное поведение неравностатусных субъектов медицинского дискурса : на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- 6 Гойхман О., Надеина Т. Основы речевой коммуникации : учебник для вузов. М., 1997. С. 193.
- 7 Плотникова С. Стратегичность и технологичность дискурса // Лингвистика дискурса-2 : Вестн. ИГЛУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Иркутск, 2006. № 3. С. 97.
- 8 См.: Макаров М. Основы теории дискурса. М., 2003.
- 9 Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М., 1989. С. 35.
- 10 Там же. С. 172.
- 11 Жура В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. С. 9.
- 12 См.: Андреева С. Трансформация вопросительных высказываний в речевом общении // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 94–103.

Образец для цитирования:

Майборода С. В. Вспомогательные стратегии в профессиональной речевой коммуникации доктора и пациента (К вопросу о границах классификации) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 396–401. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-396-401.

УДК 81'271.2 + 81'42

ВЕЖЛИВОСТЬ VS. НЕВЕЖЛИВОСТЬ ПРИ ОТВЕТНЫХ РЕАКЦИЯХ НА ПРОСЬБУ

Т. С. Зотева, В. В. Фенина

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: lady.zoteewa2010@yandex.ru, vvfenix12@mail.ru

В статье исследуются реакции адресата на просьбу с точки зрения вежливости/невежливости. Выявляются лингвистические и экстралингвистические факторы, которые позволяют трактовать ответную реакцию адресата либо как вежливую, либо как невежливую.

Ключевые слова: вежливость, невежливость, ответная реакция, согласие, отказ, игнорирование просьбы.

Politeness vs. Impoliteness in the Responses to the Requests

T. S. Zoteyeva, V. V. Fenina

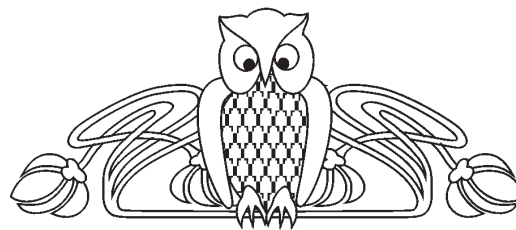
The article studies the addressee's responses to the requests from the point of view of politeness/impoliteness. The authors analyze linguistic and extra-linguistic factors which allow them to treat the responses as either polite or impolite.

Key words: politeness, impoliteness, response, consent, refusal, ignoring the request.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-402-406

Речевой жанр просьбы нацелен на адресата и предполагает ответную реакцию собеседника. Роль адресата признается лингвистами не менее важной, чем роль говорящего¹. При обращении с просьбой именно от действий адресата зависит, будет ли просьба успешной или неуспешной. В данной статье исследуются возможные ответные реакции на просьбу с точки зрения вежливости/невежливости, т. е. рассматривается, была ли просьба выполнена/не выполнена, сопровождалась ли она каким-либо вербальным комментарием адресата, какова была тональность общения, если просьба осталась невыполненной, использовал ли адресат средства «смягчения» отказа, насколько резким был отказ выполнить просьбу.

В современной лингвистической литературе вежливость рассматривается как один из признаков коммуникативного поведения². В оформлении жанра просьбы вежливость играет ключевую роль, именно вежливым обращением достигается успешное воздействие на адресата³. В самом деле, при коммуникации собеседников вряд ли придется сталкиваться с грубой, невежливой просьбой, иначе говоря, обращаясь с просьбой, говорящий обязан быть вежливым. Совсем по-другому обстоит дело с ответной реакцией на просьбу, у адресата есть гораздо большая свобода действий: ответ на просьбу может быть как вежливым, так и невежливым.

В. И. Жельвис отмечает, что невежливое коммуникативное поведение также входит в «систему социальных норм, принятых в данном обществе»⁴. Современные лингвисты признают, что сфера невежливой и грубой коммуникации до сих пор остаётся недостаточно изученной, так как анализ невежливого коммуникативного поведения осложняется «многочисленными контекстуальными и другими экстралингвистическими факторами»⁵. Анализируя ответные реакции на просьбу, мы ориентировались на своеобразную «шкалу вежливости», описывая исследуемый материал от вежливых ответных реакций до всё более невежливых. Материалом для исследования послужили тексты английских драматических произведений конца XVI – XX вв.

Самый высокий «заряд вежливости», на наш взгляд, имеют ответные реакции, при которых адресат выполняет действие, сопровождая его кратким вербальным согласием. Вербальное согласие адресата, за которым следует выполнение действия, является своеобразным «знаком» уважения по отношению к говорящему и его просьбе. Такие ответные реакции зарегистрированы в случаях официального общения, когда нижестоящий по статусу (младший по возрасту) адресат реагирует на просьбу. Например:

– *Ay, Child; pray do me the favour to fetch my scarf out of the dining-room.*

– *Yes, Madam. (Exit)* [Cibber], где горничная выходит, чтобы принести гостье шарф;

– *Where are you going, Falder?*

– *To have my lunch, sir.*

– *Wait a few minutes, would you? I want to speak to you about this lease.*

– *Yes, sir. (He goes back into his room)* [Galsworthy], где по просьбе начальника служащий возвращается на свое рабочее место;

– *Canon, will you sign as a witness?*

– *Certainly. (Signs)* [Jones], где по просьбе дамы священник подписывает документ.

При общении в дружеском/семейном кругу выполнение действия, как правило, не сопровождается вербальным согласием, так как в неофициальной обстановке, особенно при общении хорошо знающих друг друга людей, контроль коммуникантов за собственной речью снижается. В результате снижается «заряд» вежливости в речевой коммуникации собеседников. Это является социально установившейся нормой. Например:

– *For goodness' sake don't play that ghastly tune, Algy!*

(*The music stops...*) [Wilde], где по просьбе друга адресат прекращает играть на рояле;

– *Turn the sound up on that, will you Nora?*

(*Nora moves to do so*) [Munro], где одна сестра по просьбе другой прибавляет звук телевизора;

– *Give me a chair, please.*

(*Bill gives her a chair*) [Galsworthy], где по просьбе матери сын подает ей стул.

Следует заметить, что говорящий не всегда заинтересован в выполнении адресатом действия непосредственно в момент речи, он может побуждать адресата к некоему действию в будущем. В этом случае самый высокий «заряд» вежливости имеет безоговорочное согласие выполнить просьбу. Например:

– *I expect my friend Carlos to call on me here. If he comes will you send him to me?*

– *I will* [Sheridan], где по просьбе гостя хозяин дома соглашается дать ему знать, когда придет его друг;

– *I wish you to see my poor Mary in the course of the day. Will you talk to her?*

– *Oh, yes, I'll talk to her* [Colman], где по просьбе друга адресат соглашается поговорить с его невестой;

– *Please tell them I don't want to be disturbed.*

– *All right* [Galsworthy], где по просьбе мужа жена соглашается сообщить всем домашним, чтобы его не беспокоили.

В некоторых случаях адресат сопровождает своё согласие высказываниями типа *with all my heart*, *with pleasure*, которые подчеркивают готовность выполнить просьбу и доброжелательное отношение к говорящему. Например:

– *Will you help me?*

– *Yes, with all my heart* [Jones], где адресат соглашается помочь другу;

– *...Lord Goring, will you give me some supper?*

– *With pleasure, Miss Mabel* [Wilde], где хозяин дома соглашается угостить гостью ужином.

За безоговорочным согласием выполнить просьбу на «шкале вежливости» располагается согласие с оговоркой. Это речевые ситуации, когда адресат выдвигает некоторые условия, необходимые для выполнения просьбы говорящего. Согласие с оговоркой зарегистрировано в нашем материале только при общении собеседников в семье, среди друзей. Например:

– *Pshah! My Lord Foppington! Prithee don't play the fool now, but give me my snuff-box...*

– *If you'll promise me not to go to Church, I'll give it to you* [Cibber], где дворянин согласен отдать даме табакерку, если она пообещает не ходить в церковь;

– *...Gwendolen, wait here for me.*

– *If you are not too long, I will wait here for you all my life* [Wilde], где девушка согласна подождать друга, если он будет отсутствовать недолго.

Следующим пунктом на «шкале вежливости» можно расположить имплицитный отказ выполнить просьбу. Это речевые ситуации, когда адресат не дает прямого отрицательного ответа на просьбу, а объясняет причины своего отказа. Не всякий отказ выполнить просьбу является невежливым, поскольку особенность речевого жанра просьбы заключается в возможности невыполнения действия со стороны адресата. Имплицитный отказ выполнить просьбу, на наш взгляд, является самым «мягким» из всех возможных отказов, так как адресат обычно ссылается на не зависящие от него причины и обстоятельства, которые мешают ему выполнить действие. В таких коммуникативных ситуациях очевидно стремление адресата сохранить доброжелательные отношения с говорящим, не повредить его «лицу». В нашем материале зарегистрированы следующие типы имплицитных отказов.

1. Адресат ссылается на внешние обстоятельства, которые не позволяют ему выполнить просьбу:

– *A letter! What letter? Dear sir, give it me...*

– *Let you see it? I could hardly get a sight of it myself. Mrs. Oakly has it* [Colman], где адресат объясняет, что письмо, которое просит показать его друг, находится у жены;

– *Give me fifty pounds so that I can pay them off now.*

– *In the bank nothing. Nothing at all!* [Colum], где на просьбу отца дать ему денег дочь отвечает, что на банковском счете ничего нет.

В обстановке официального общения, когда адресат находится при исполнении служебных обязанностей, внешними обстоятельствами, не позволяющими выполнить просьбу, обычно являются должностные инструкции:

– *I'd rather see him, please.*

– *It's all against the rules* [Galsworthy], где служащий офиса отвечает, что должностные инструкции запрещают посторонним вызывать клерков для разговора.

2. Адресат говорит, что он не может (не в состоянии) выполнить просьбу. Если адресат занимает более низкое социальное положение, то он обычно сопровождает такой ответ объяснением причин:

– *Hold ye, hear me, friend; a word with you in your ear, prithee who are these gallants?*

– *Really, sir, I can't tell; here come so many here, 'tis hard to know 'em all* [Congreve], где лакей объясняет гостю-дворянину, что он не может назвать фамилии заинтересовавших его джентльменов, поскольку в дом всегда приходит много гостей.

При общении в семье, среди друзей причина, по которой адресат не может выполнить действие, объясняется по желанию адресата:

– *I want to speak to you for a moment.*

– *I can't – I'm off!* [Wilde], где одна подруга отвечает другой, что она не может задержаться для разговора, поскольку ей надо уходить;

– *Tell me all about it.*

– ***I cannot!*** [Gilbert], где один из друзей отвечает, что он не может рассказать о случившемся.

3. Адресат сообщает, что он обязан выполнить действие, противоположное тому, о чем его просят:

– *Don't go! Don't go!*

– ***Kehdrick, we shall have to go*** [Incedon], где на просьбу мальчика не принимать участие в военной операции офицер отвечает, что он обязан принять в ней участие.

4. Адресат ссылается на свою занятость:

– *...Won't you give papa and I a little of your company, lovee?*

– ***I'm in haste, mother; I cannot stay*** [Goldsmith], где в ответ на просьбу родителей побыть немного с ними сын отвечает, что он очень спешит.

5. Адресат считает, что говорящий не вправе просить его о совершении данного действия:

– *...I want you to draft a letter for me to copy out.*

– ***I came with you on this tour as a friend, Trench: not as a secretary*** [Shaw], где на просьбу друга составить текст письма, адресат отвечает, что он поехал в путешествие не для того, чтобы выполнять секретарские обязанности.

6. Адресат считает просьбу говорящего неуместной, неразумной и т. п., в таких речевых ситуациях проявляется непонимание между собеседниками. Например:

– *...Come, give me your promise to love, and to marry her directly.*

– ***Sure, Sir, this is not very reasonable, to summon my affections for a lady I know nothing of!*** [Sheridan], где сын считает неразумной просьбу отца дать обещание жениться на незнакомой женщине;

– *Draw on all that you own to give me this money!*

– ***Don't be unreasonable. I have to provide for my children*** [Colum], где на просьбу отца отдать ему все свои сбережения, дочь отвечает, что ей необходимо содержать детей.

Эксплицитный отказ выполнить просьбу располагается на «шкале вежливости» вслед за имплицитным отказом. Эксплицитным отказом мы называем прямой отрицательный ответ на просьбу, если он сопровождается извинением и объяснением причин отказа, то такой эксплицитный отказ является более «мягким». Если эксплицитный отказ дается собеседнику, занимающему более высокое социальное положение, то он всегда сопровождается объяснением причин отказа и, как правило, извинением:

– *What, I prithee, might be the cause?*

– ***No, pardon; 'tis a secret must be lock'd within the teeth and the lips...*** [Shakespeare], где молодой дворянин отказывается объяснить герцогу причину случившегося;

– *Can't you hide me in that room?*

– ***Dear heart! No sir. These wild young fellows***

take such liberties. He may take it into his head to go on there, and then you will be detected [Murphy], где служанка отказывается спрятать в комнате дворянина, тайно пришедшего на свидание к её хозяйке.

При общении равных по социальному положению собеседников, но не связанных дружескими или семейными отношениями, также зарегистрировано объяснение причин отказа:

– *I think Mr. Wilcox sings very well indeed. Will you finish, Mr. Wilcox?*

– ***No, sorry, I must be going*** [Lawrence], где один из гостей, присутствующих на вечере, отказывается продолжить пение.

При общении в семье, среди друзей эксплицитный отказ не всегда сопровождается объяснением причин, побудивших адресата ответить отрицательно:

– *...Will you hear me?*

– ***No, you are a base man, and I will not hear you*** [Colman], где жена отказывается выслушать мужа;

– *Sarah please, would you kindly stop talking.*

– ***No, I will not stop talking*** [Auckbourn], где в ответ на просьбу мужа жена отказывается помолчать.

Отказы выполнить просьбу могут трактоваться как очевидно невежливые только с учетом обстановки общения и социального положения коммуникантов. Так, при общении людей разного социального уровня невежливостью может быть «желание унижить партнера по общению и изменить статусное отношение на социальной дистанции»⁶. Например, отвечая на просьбу дочери владельца завода поговорить с ней, руководитель забастовки рабочих заявляет, что у него нет времени выслушать её:

– *But I must speak to you, please.*

– ***I have not the time to listen!*** [Galsworthy].

При неофициальном общении в кругу семьи или друзей невежливость может объясняться психологическим состоянием адресата: желанием обидеть, задеть чувства говорящего, выяснить отношения, высказать недовольство просьбой или самим собеседником и т. д. Например, жена считает мужа сумасшедшим, когда он обращается к ней с просьбой пригласить на вечер даму с сомнительной репутацией:

– *...I want you to send her an invitation for our party tonight.*

– ***You are mad!*** [Wilde].

Заряд «невежливости» усиливается, когда адресат не только высказывает негативное отношение к просьбе, но и выполняет действие, противоположное тому, о чём его просят. Например, муж, вопреки просьбе жены, открывает дверь:

Nora: Please, Jack, don't open it (the door. – T. 3.). Please, for your own little Nora's sake!

Clitheroe: (rising to open the door): Now don't be silly, Nora. (Clitheroe opens the door) [O'Casey].

Далее на построенной нами «шкале вежливости» располагаются случаи игнорирования

просьбы как ещё более невежливое речевое поведение, зарегистрированное только в неофициальной обстановке общения. Проигнорировав просьбу, адресат показывает, что ему не важно доброжелательное, бесконфликтное общение с собеседником. В случаях игнорирования просьбы адресат ведёт себя так, как будто к нему не была обращена просьба, и продолжает неприятное для собеседника речевое поведение, очевидно, что это может привести к ссоре коммуникантов. Например, адресат может критиковать или насмехаться над говорящим, задавать нежелательные вопросы, высказываться негативно к намерению собеседника:

1) проигнорировав просьбу матери сказать о том, верит ли она её словам, дочь спрашивает об отце:

– *I am your mother: I swear it... You believe me, don't you? Say you believe me.*

– *Who was my father?* [Shaw];

2) проигнорировав просьбу друга не смеяться над ним, адресат продолжает свои насмешки по поводу того, что друг влюбился в его сестру:

– *Prithee, Wilding, don't laugh at me. Maria's charms...*

– *Maria's charms! And so now you would fain grow wanton in her praise, and have me listen to your raptures about my own sister?..* [Murphy];

3) проигнорировав просьбу друга дать ему спички, адресат выражает негативное отношение к его намерению закурить:

Jimmy: Give me those matches, will you?

Cliff: Oh, you're not going to start up that old pipe again, are you?

(Jimmy grabs the matches, and lights up) [Osborne].

На краю «шкалы вежливости», на наш взгляд, следует расположить случаи прекращения коммуникации с говорящим, когда адресат либо молчит, либо обращается к третьему лицу, совершенно не реагируя на прозвучавшую просьбу. Это самая невежливая реакция адресата. Правила ведения речевой коммуникации требуют, чтобы каждый из собеседников вносил свой вклад в общение. Однако бывают случаи, когда один из собеседников выбирает тактику молчания. По мнению лингвистов, молчание в качестве ответной реплики диалога является коммуникативно значимым⁷. Ответ молчанием в конкретной речевой ситуации всегда поддается истолкованию. В нашем материале молчание адресата свидетельствует о его растерянности, замешательстве, неловком положении. Например:

– *Harry, I want you to answer me a question. Look me in the face.*

(No reply) [Show], где на просьбу невесты ответить на вопрос, молодой человек смущенно молчит, так как он предполагает, что невеста спросит его о том, зачем он женится, и он не хочет признаваться, что женится из-за коммерческой выгоды;

Barbara: Billy, will you kindly tell me who this girl is?

Rita (imitating her): Ooh, Billy, will you kindly tell me...

(Billy keeps silence) [Waterhouse], где в ситуации, когда невеста застаёт своего жениха в обществе девушки более низкого социального круга и просит его объясниться, молчание молодого человека свидетельствует о его замешательстве и растерянности.

В случаях, когда адресат начинает разговор с третьим лицом, совершенно не реагируя на обращённую к нему просьбу, проявляется пренебрежительное отношение как к говорящему, так и к его просьбе. Например:

Lord Windermere: Margaret! I must speak to you.

Lady Windermere: Will you hold my fan for me, Lord Darlington? Thanks [Wilde], где, проигнорировав просьбу мужа ненадолго оставить гостей и поговорить с ним, жена обращается с просьбой к одному из гостей;

Sarah (to Reg): For heaven's sake, don't get it (mud. – T. 3.) on your shirt.

Reg (to Ruth): It's a very dirty engine you've got there [Ayscourn], где, проигнорировав просьбу жены не запачкать одежды, муж обращается к родственнице, которой он чинил автомобиль.

Исследованный материал позволяет сделать следующие выводы. Вежливым ответом на просьбу является такая реакция адресата, при которой сохраняется доброжелательная тональность общения, к коммуникативному «лицу» говорящего проявляется уважительное отношение. К вежливым ответам на просьбу можно отнести физическое выполнение действия, согласие выполнить просьбу, отказ выполнить просьбу (имплицитный и эксплицитный), если он не наносит вреда «лицу» говорящего. Для того чтобы трактовать ответную реакцию адресата как невежливую, следует учитывать различные экстралингвистические факторы: обстановку общения, социальный статус коммуникантов, психологическое состояние адресата (раздражение, недовольство просьбой, насмешку над говорящим и т. п.), намеренное причинение вреда «лицу» говорящего. К невежливым ответным реакциям следует отнести некоторые имплицитные и эксплицитные отказы выполнить просьбу, если анализ ситуации общения показывает неуважительное отношение к говорящему, а также случаи игнорирования просьбы, ответа молчанием, прекращения коммуникации с говорящим. Как показал исследованный материал, адресат вполне может дать невежливый ответ на просьбу. На наш взгляд, это объясняется тем, что коммуниканты не всегда стремятся к кооперативному общению. В некоторых речевых ситуациях адресат намеренно придает коммуникации конфликтный характер, чтобы показать своё недовольство, покритиковать говорящего, выяснить отношения, продемонстрировать неуважение, пренебрежение и т. п.

Примечания

- ¹ См.: Арутюнова Н. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1981. Т. 40. Вып. 4. С. 361–362 ; Cutler A. Speaking for Listening // Language Perception and Production : Relationships between Listening, Speaking, Reading and Writing. L., 1987. P. 23.
- ² См.: Шевченко И. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. Вып. 1 (11). С. 25.
- ³ См.: Зотеева Т. Принцип вежливости при оформлении английской прямой просьбы : диахронный анализ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 22–25.
- ⁴ Жельвис В. «Анти-Грайс» : постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов ; М., 2012. Вып. 8 : Памяти К. Ф. Седова. С. 101.
- ⁵ Леонтьев В. Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 132.
- ⁶ Карасик В. Язык социального статуса. М., 1992. С. 83.
- ⁷ См.: Богданов В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. трудов. Калинин, 1986. С. 13 ; Крестинский С. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. трудов. Калинин, 1989. С. 92.

Образец для цитирования:

Зотеева Т. С., Фенина В. В. Вежливость vs. невежливость при ответных реакциях на просьбу // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 402–406. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-402-406.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-31+929 Тургенев

ТУРГЕНЕВ И СИМВОЛИСТЫ: К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА ТУРГЕНЕВА-РОМАНИСТА.

Статья 1: Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева «Дым»

Н. В. Мокина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru

Предметом анализа в статье становится многоплановая структура романа Тургенева «Дым» и способы формирования «сверхсюжета», «двойной перспективы» сюжетных линий: аллюзии, символические мотивы и образы, цветопись. Автор полагает, что художественный опыт Тургенева-романиста позволяет увидеть генезис некоторых знаковых для поэтики символистского романа элементов.

Ключевые слова: Тургенев, поэтика романа, сверхсюжет, аллюзии, символистский роман.

Turgenev and Symbolists: to the Issue of the Artistic Experience Impact of Turgenev as a Novelist. Article 1: the Plot and Overplot in Turgenev's Novel *Smoke*

N. V. Mokina

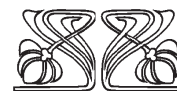
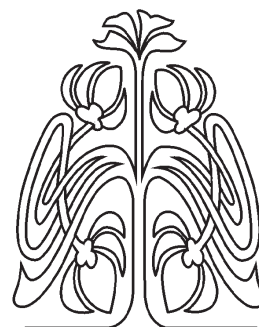
The object of analysis in the article is the multidimensional structure of Turgenev's novel *Smoke* and the ways of 'overplot' formation, 'double perspective' of the plot lines: allusions, symbolic motives and images, color narration. The author assumes that the artistic experience of Turgenev as a novel writer allows to see the genesis of some signature elements in the poetics of the symbolist novel.

Key words: Turgenev, novel poetics, overplot, allusions, symbolist novel.

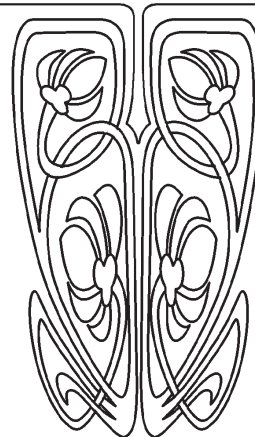
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-407-413

Творческий опыт Тургенева сравнительно редко привлекает внимание исследователей поэтики символистских романов, делающих исключение, пожалуй, только для «странного Тургенева», автора «таинственных повестей», или, еще реже, Тургенева – автора «Стихотворений в прозе». Периферийность темы «Тургенев и символисты» во многом объясняется неактуальностью романного наследия Тургенева для символистов-критиков¹.

Однако, думается, нечастое обращение к тургеневскому романному наследию самих символистов в их рефлексиях о русской литературе не соответствует масштабности «тургеневского» слоя в символистских романах, который не исчерпывается только новациями «странного Тургенева»: признанием иррациональной природы любви, идеей зыбкости границ между грезой и действительностью, интересом к душевному состоянию человека, находящегося под «властью грез и кошмаров»², стремлением к познанию мира «неведомого»³ или даже характерным и для поэтики романых героев акцентированием гамлетовского и дон-кихотовского начал как первоосновы их душевного опыта. Тургеневское «присутствие» в символистских романах гораздо значительнее и свидетельствует о понимании символистами актуальности художественного опыта и Тургенева-романиста, размышлявшего в романах о непостижимости и многоаспектности личности человека и представившего повседневную жизнь частного человека как звено в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

истории человечества, в том числе и той истории, что отразилась в мифологических, библейских, литературных сюжетах.

Мысль о Тургеневе-романисте как предшественнике высказывалась, хотя и крайне редко и не получая глубокого обоснования, и самими символистами. В частности, Сологуб в статье 1915 г. «Искусство наших дней» писал о «символичности» творчества Тургенева, ибо и автор романа «Рудин» воспринимал искусство как «особого рода познание»⁴.

Но на близость Тургенева-романиста символистам указывают и современные исследователи. Важная интуиция в постижении темы «Тургенев-романист и символисты» принадлежит Ю. М. Лотману, отметившему сходство структур тургеневских и символистских романов, особенно – их «глубинных» пластов⁵.

По мнению Ю. М. Лотмана, сюжеты тургеневских романов «разыгрываются» не только в социально-бытовом, но и в архетипическом и космическом планах, причем «злободневное» является в романах Тургенева «лишь кажимостью»: «типы современности» «оказываются лишь актуализациями вечных характеров, уже созданных великими гениями искусства». «И если в первом случае, – пишет исследователь, – сюжет развивается как отношения персонажей между собой, то во втором – как отношения персонажей к их архетипам, текста – к тому, что стоит за ним». Третий же план – космический, природный – «реализуется как смерть». Взаимосвязь всех планов, «последовательное вторжение одного плана в другой, – утверждает Ю. М. Лотман, – меняет мотивировки, показывает случайное как закономерное, а кажущееся закономерным разоблачает как “человеческий балаган”»⁶.

Можно, разумеется, спорить и о «кажимости» социально-бытового плана тургеневских романов, и о смысле «глубинных» пластов, но представление о близости структуры тургеневских и символистских романов подтверждается и специальными исследованиями их поэтик. Более того, глубокий анализ тургенедами «двойной перспективы» сюжетных линий и способов репрезентации вечного смысла «случающегося» в тургеневских романах позволяет увидеть генезис многих опорных элементов символистской поэтики, признанных новациями, в том числе и «смысловой вертикали», т. е. «построения иерархических систем образов, возводящих от бытовой характеризующей детали к архетипическому в ней»⁷, определить и степень «глубины» той трансформации, которую, по утверждению исследователей, претерпевают «элементы реалистической системы», «входя в принципиально иную художественную систему» модернизма, и сущность «иноного качества», которое эти элементы обретают⁸.

О совмещении в романах Тургенева «социально-исторической, бытовой или психоло-

гической конкретности с вселенскими, иногда трансцендентными универсалиями» наиболее последовательно писал В. М. Маркович, отметивший разные приемы и способы воплощения этих универсалий в ранних тургеневских романах: «поэтическую символику, обнаруживающую к тому же свое мифологическое происхождение», а также новые взаимосвязи в компоновке образов, прежде всего, системе мотивировок и др.⁹. «Транспонируясь в современную житейскую историю, древние мифологические мотивы <...>, – утверждал В. М. Маркович, – универсализируют конкретные ситуации, возводя их к общечеловеческим, глобальным коллизиям»¹⁰, а в целом все приемы позволяют писателю обнаружить «глубинную метафизику бытия, его “высшие реальности” <...>»¹¹, формируют «сверхсюжет», т. е. возникающий в повествовании о героях «символический подтекст», «перерастающий эмпирическое содержание образов и сюжета, но в то же время неразрывно связанный с этим содержанием, в конечном счете расширяющий и углубляющий его»¹². Крайне важным для понимания источников символистских новаций представляется и другое наблюдение В. М. Марковича о том, что в романах Тургенева «присутствует (как вполне реальный, хотя и подспудный смысловый потенциал) “мистериальный” план истолкования и оценки изображаемого»¹³.

Однако, признавая несомненную значимость тургеневского опыта создания «двойной перспективы» сюжетных линий для символистской поэтики, следует учитывать, что стремление Тургенева «провидеть в быте бытие, а в окружающих, вполне осязаемых фактах – отблески высшей истины»¹⁴, реализующееся в формировании «сверхсюжета» в его романах, исследователями рассматривается не как открытие, а как тургеневский вариант общей тенденции, характеризующей мифоориентированный русский классический роман¹⁵, но обретающей разные формы репрезентации в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого¹⁶.

Исследования специфики «сверхсюжета» и форм его репрезентации в классических реалистических романах позволяют скорректировать суждения о многоплановости романной структуры как новации символистской поэтики, но не отменяют признания принципиальной новизны поэтики символистского романа, ибо символисты, усваивая уроки великих русских реалистов, прежде всего, в способах воплощения мифологического «ядра», вечных законов бытия, «связящих» под «злыбью внешних событий»¹⁷, искали и находили собственные приемы включения «безусловного в относительное».

Созданный символистами тип романа – уникальное художественное явление. Уникальность этого «текста-мифа» (или, во всяком случае, одна из уникальных особенностей) – в возможности и даже необходимости множества «ключей»

(или «шифров-кодов», если воспользоваться метафорой З. Г. Минц¹⁸) для понимания смысла и функций каждого из элементов – сюжетных коллизий, образов героев, пейзажа, вещных деталей и т. д. Необходимость таких «ключей» (мифологических, библейских, литературных, а также откровений оккультистов и проч.) источником имела символистскую концепцию бытия, при всех частных различиях отмеченную принципиальным сходством у писателей-символистов. К числу важнейших слагаемых этой концепции относится представление о современности как мгновенном проявлении всего опыта развития человечества¹⁹ и о человеке как хранителе «памяти о прошлом, не проясняемом прошлым», – в сущности, памяти обо всей истории человечества (и даже дочеловеческом этапе развития земной жизни). Эти представления нашли отражение в масштабности реминисцентного слоя символистских романов, в актуализации вечных сюжетов, выступающих в качестве «шифра-кода» к описанным в романах современным событиям, а также в акцентировании в героях (в жестах, одежде, разных атрибутах и проч.) примет древнейших цивилизаций²⁰.

Другой столь же фундаментальной для символистов идеей становится интуиция об общей мировой душе и, следовательно, о связях, существующих между различными явлениями мировой жизни. В символистских романах формами репрезентации идеи связи становятся многочисленные «парные» сцены, обнаруживающие сходство между поступками и судьбами разных героев, появление множества «частичных» двойников, своеобразие пейзажа, опорные образы которого совпадают с «пейзажем души» героев, особенная роль цветописы и новые функции растений, животных, птиц, планет и звезд, также выступающих двойниками героев и позволяющих утвердить представления и о существовании мировой души, и о тождестве человеческого и природного, земного и небесного.

Эти же основополагающие для символистского миропонимания идеи «вечного возвращения» и всеобщей связи явлений определили и специфику реминисцентного слоя в романах символистов: переплетающиеся аллюзии являлись «изоморфными вариантами единого “Мифа”» – как правило, трансформации мифопоэтической концепции мирового развития Вл. Соловьева²¹.

Однако, признавая «неомифологизм» символистского романа культурным феноменом, исследователи обоснованно говорят о его «сложной соотношенности» с реалистическим наследием XIX в.²² И действительно, для художественных исканий символистов, их стремления «соединить вечное, непреходящее с временным, с миром явлений»²³ важную роль обретают и художественные открытия русских реалистов, в частности, Тургенева, автора не только «Рудина», но в большей степени романов и повестей 1860–1870-х гг. Не-

сомненно, что символисты ориентировались и на художественный опыт Тургенева, осваивая те приемы, которые позволяли писателю-реалисту создавать «двойную перспективу» сюжетных линий: «интенсивную символизацию текста»²⁴, лейтмотивы, цветописы, особенную функцию одежды героев²⁵ и природных образов, нередко выступающих знаками вечной сущности героев, а также его способы включения аллюзий на мифологические, библейские, литературные образы и сюжеты в повествование о героях-современниках, также позволяющих обнаружить в современниках и современных событиях «следы» «вечного, непреходящего»²⁶.

Наиболее очевидны эти элементы уже в романе «Дым» (1867), новации которого, как представляется, дают импульс для романских опытов Ф. Сологуба (автора и «Тяжелых снов», и «Мелкого беса»), а также А. Белого – автора романа «Серебряный голубь».

Исследователи традиционно подчеркивают коренные изменения в поэтике «Дыма», усматривая новации, прежде всего, в «делимости» романа на несколько «сфер», обретающих известную автономность. В свое время Л. В. Пумпянский указал на четыре такие «сферы», объединяемые символом дыма: любовную новеллу (метания главного героя Литвинова между невестой Татьяной и первой любовью – Ириной Ратмировой), два политических памфлета (описания «большого света» и радикальной интеллигенции) и «одну политическую апологию» (подробно изложенные социально-политические взгляды надворного советника Потугина)²⁷. Относительная самостоятельность этих «сфер» истолковывалась Л. В. Пумпянским как свидетельство «распада самого жанра тургеневского романа»²⁸.

Коренные изменения в поэтике «Дыма» признают и другие исследователи, полагающие, однако, что новации поэтики означают не распад жанра, а его трансформацию. Эту трансформацию Ю. Манн увидел в формировании нового типа связи между сюжетными линиями и персонажами. И наблюдения исследователя над природой этих новых связей – «стилистическими и словесными образами, объединяющимися в группы, с устойчивым и более или менее определенным смыслом»²⁹, думается, указывают на генезис этого приема в символистских романах, прежде всего в «Тяжелых снах» и «Мелком бесе» Ф. Сологуба, где создана целая система мотивов-связок между разными сюжетными линиями.

К числу символических мотивов и образов, объединяющих в «Дыме» все «сферы», Ю. Манн относит не только мотив дыма, но и мотивы ухода, смерти (мертвенности, кукольности, манекенности, неподвижности), сплетни, спутанности, хаоса, а также образы природных стихий³⁰. Общие мотивы, сопутствующие описанию разных лю-

дей и разных социальных кругов, одновременно создают и ощущение парадоксального сходства, казалось бы, несоединимых социальных миров или персонажей-антиподов.

Перечень «общих точек» между «сферами» можно еще более расширить, включив и мотивы яда и очарования – ключевые в описании любовной драмы Литвинова и истории отношений Ирины Ратмировой и большого света, Ирины и Потугина, а также цветовую доминанту (прием, который также обретет особенную значимость в поэтике символистских романов). Такой цветовой доминантой, позволяющей автору имплицитно указать на внутреннее сходство героев, становится желтый цвет, акцентируемый в описании и демократки Суханчиковой³¹, и представительниц «большого света» (201), и Ирины Ратмировой (289).

Но специфическая особенность поэтики романа «Дым» создается не только за счет нового типа связи между «сферами»: характерно, что ключевые мотивы, в том числе и мотивы-связки, имеют мифологическое происхождение и, как правило, литературную «историю», являются топосами мировой литературы. Их дополнительные коннотации, безусловно, обогащают и усложняют авторские размышления о современной жизни и современниках, позволяя увидеть в описанных в романе современных событиях действие неких «вселенских универсалий». Иначе говоря, мотивы-связки способствуют (еще очевиднее, чем в ранних романах) формированию сверхсюжета, также стягивающего все «сферы».

Смысл сверхсюжета многоаспектен, но наиболее отчетливо за сюжетными коллизиями, связанными с главным героем Григорием Литвиновым (как его личной драмой, так и историей знакомства с представителями разных «сфер»), «сквозит» повествовательная схема древнейшего сюжета посвящения, описанная Е. М. Мелетинским: «...временная изоляция от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временная смерть с последующим возрождением в новом статусе»³². На эту повествовательную схему указывает сама последовательная смена опорных мотивов в повествовании о тургеневском герое: мотивы мрака, власти над героем демонических сил, смерти, доминирующие на «баденских» страницах, сменяются в финале, после возвращения Литвинова в родной дом, мотивом проросшего зерна как символа возрождения.

Такое истолкование духовного пути Литвинова подтверждают и два сопутствующих повествованию о герое «вечных» сюжета, аллюзии на которые содержатся в перипетиях пути Литвинова: сюжет о блудном сыне и миф об Орфее и Эвридике. Каждый из этих сюжетов основан на той же повествовательной схеме: пути героев и евангельской притчи, и древнегреческого мифа

складываются в сюжет посвящения и идут через испытания и временную смерть.

Наиболее очевидная в романе аллюзия на притчу о блудном сыне уже была отмечена и подробно проанализирована исследователями, указавшими и на формы ее репрезентации в тексте. По справедливому утверждению В. И. Габдуллиной, актантно-предикативная система притчи (отец, сын, уход, испытание, возвращение) прочитывается как на эмпирическом, так и на символическом уровнях текста романа Тургенева³³. Формами репрезентации этой притчи становятся, по мнению исследователя, и опорные мотивы в повествовании о герое, перипетии его судьбы, локусы, с которыми связаны этапы его пути (дом – город – дом), основные участники событий (отец – сын), а также финальное покаяние Литвинова, вставшего на колени перед Татьяной: сама поза героя отсылает «к традиционным изображениям финального эпизода притчи о блудном сыне»³⁴.

Аллюзии на библейскую притчу и ее древнейшую основу – миф о посвящении – придают новые, дополнительные смыслы и описанию пережитой героем любовной драмы, представляя ее как главное духовное испытание героя. Страсти к Ирине неслучайно сопутствуют не только демонические мотивы мрака и круга (это «кружение в бесплодной полутьме» (287)), но и внезапно пошатнувшегося дома (251), и смерти. Только разрыв с Ириной приводит Литвинова в родной дом, возвращает к избранной цели жизни, «в лоно национальной традиции патриархальной нравственности»³⁵. В свою очередь, именно труд на родной земле, реализация планов превратить родительское имение в «золотое дно» и принести пользу «своим землякам, пожалуй даже всему краю» (149) становятся главным условием преодоления «временной смерти» и возрождения. А переживающий возрождение после напряженной трудовой жизни на родной земле герой на третий год (отметим здесь роль числовой символики) возвращается и к истинной своей спутнице – Татьяне, чья жизнь также представляет образец патриархальной нравственности.

В повествовании о возрожденном герое, вновь чувствующем себя живым среди живых (319), столь же не случайно звучит евангельский мотив, имеющий мифологическое происхождение, – проросшего зерна («выступил росток из брошенного семени, и уже не растоптать его врагам – ни явным, ни тайным» (319)): он также становится знаком возрождения героя после всех нравственных испытаний. Те же значения победы над мраком-смертью имеет и другой древнейший мотив – восхода солнца, разогнавшего темноту ночи (320): восходящему солнцу уподобляется душевное состояние Литвинова, получившего письмо-прощение от Татьяны. Система мифологических мотивов акцентирует и архетипическую основу евангельского сюжета и – соответственно

– повествования о духовном пути героя, представляя перипетии его судьбы как мистерию посвящения – через испытания, страдания, временную смерть к возрождению.

Новые дополнительные аспекты обретает повествование о духовных исканиях Литвинова благодаря другому сюжету-спутнику, реализующемуся с помощью опорных мотивов и цветописы: сюжету о нисхождении Орфея в царство мертвых. Причем в «Дыме» содержатся аллюзии на две версии сюжета: и его трагический вариант, отразившийся в античном, а позднее и западноевропейском искусстве, в том числе в опере Глюка, главную партию в которой исполняла Полина Виардо (последнее выступление певицы в роли Орфея состоялось в 1863 г.), и пародийную версию, предложенную авторами либретто первой оперетты Жака Оффенбаха «Орфей в аду». Оперетта была поставлена на сцене парижского театра, принадлежащего самому композитору, в 1858 г., а популярность, правда, несколько скандальную, она обрела после рецензии известного критика и писателя Жюль Жанена (о котором Тургенев высказывался довольно противоречиво), открывшего современный подтекст сюжетных коллизий и их памфлетный характер.

Возможность аллюзии на две версии сюжета обоснована как экспликацией этого сюжета в диалогах героев романа, так и целым рядом опорных мотивов, сопутствующих особенно последовательно повествованию о баденской встрече Литвинова и Ирины.

Об Орфее в аду упоминает один из персонажей «памфлетных» страниц романа, представитель «большого света» – «тучный генерал», высказывающий свое понимание прогресса, точнее, уверенность в отсутствии такового. Полуиронично-полусерьезно он говорит: «<...> по-моему, avec Orphée aux enfers le progress a dit son dernier mot» (206). Трудно сказать, что имеет в виду «тучный генерал», утверждая, что прогресс сказал последнее слово Орфеем в аду: сам древнегреческий миф, где речь шла о всемогущей смерти и о тщетном стремлении любви противостоять ей, или пародийную версию мифа в оперетте, убеждавшую в том, что любовь не относится к числу главных человеческих ценностей, ибо сильнее ее – и общественное мнение, и социальное положение избранника. Вполне возможно, что «тучный генерал» имел в виду именно эту комическую версию мифа, о чем свидетельствуют и включение самого названия оперетты в высказывание о прогрессе, и (косвенно) упоминание в романе имени композитора как автора популярных мелодий (245).

Но соотносимость с опереттой обнаруживается и в динамике развития любовной драмы Литвинова, которая разворачивается на фоне современной жизни общества и во многом зависит от признаваемых в обществе нравственных ценностей.

В оперетте смерть Эвридики лишена трагизма: она оказывается в аду по воле своего истинного возлюбленного, бога мертвых Плутона. За Эвридикой в ад спускается не только Орфей (подчиняющийся не чувству любви, а страху перед Общественным мнением, ставшем одним из персонажей), но и Юпитер, восхищенный ее красотой. Эвридика, в свою очередь, тоже восхищается Юпитером, точнее, его изображением в *военном мундире*. В финале Эвридика остается в веселом аду – и потому, что такова воля Юпитера, и потому, что ей приятнее жизнь в аду. Орфей же возвращается на землю к истинной возлюбленной – пастушке Хлое.

Эти опереточные сюжетные перипетии легко угадываются в судьбах героев тургеневского романа. Прежде всего, отметим, что представители «большого света» явно напоминают обитателей веселого ада: аллюзию на опереточных обитателей ада содержит описание русских аристократов как живых мертвецов. Автор подчеркивает мертвые глаза, «деревянный хохот» (241, 247), «безжизненную болтовню» (247) гостей Ирины, называет их «высохшими» или «дрянными сморчками», «развалинами», которые, кажется, «вот-вот развалятся» (247). Мотив смерти акцентируется и в восклицании наблюдающего за гостями Литвинова: «И хотя бы капля живой струи подо всем этим хламом и сором!» (247).

Аллюзии на опереточный вариант мифа в «Дыме» можно увидеть и в признании общественного мнения силой, которая сильнее любви (об этом пишет Литвинов Ирине (300)), и в появлении новых персонажей, усложняющих повествование о душевной борьбе героев: вполне возможно, что прототипом «тучного генерала», скорее всего, являющегося не только спутником Ирины в конных прогулках, оказывается бог Юпитер, пленивший Эвридику военным мундиром и ставший ее временным избранником.

Ирина, презирающая свое окружение и своих гостей, предстает как «лучезарная царица» (301), но в царстве мертвых. Связь Ирины с миром смерти подчеркивает, прежде всего, цвет ее одежды: черные или темные тона, которые и эксплицируются как траурные (251), или особенный оттенок желтого цвета ее платья, напоминающий цвет засохших, мертвых листьев (*feuille morte*) (289). Автор упоминает и о мертвенно белеющих губах Ирины (224), сравнивает ее приближение с ощущением падающей тени. Этот мотив исследователи истолковывают как знак утраты героиней телесности³⁶. Но, пожалуй, точнее видеть и в этом мотиве аллюзию на обитателей царства мертвых.

Литвинов в начале повествования о баденской встрече с Ириной отчетливо противопоставлен «мертвецам», и эта антитеза подчеркивается Ириной, называющей Литвинова «живым человеком» (217), единственным живым человеком «после всех этих мертвых кукол»

(226). Но сближению героя с Ириной все более настойчиво сопутствует мотив смерти самого Литвинова, достигающий кульминации в сцене расставания с Татьяной, а затем и бегства из Бадена (314). Литвинов и сам называет себя погибшим, безвозвратно погибшим (286, 287), а в поезде, увозящем его из Бадена, он ощущает себя как «собственный труп» (314).

Еще одной возможной параллелью с опереттой можно назвать встречу Литвинова, вернувшегося из царства мертвых и возродившегося к жизни, с Татьяной: и в оперетте Орфей возвращался из царства мертвых к истинной возлюбленной – пастушке Хлое.

Но и трагический вариант мифа о нисхождении в царство мертвых «живого» героя за любимой женщиной также отзывается в судьбах тургеневских героев: Литвинов стремится вернуть Ирину в мир подлинной жизни, подлинных ценностей, но героиня, оглянувшись на оставляемое ею царство мертвых, не может уехать вслед за Литвиновым.

Аллюзии на мифологические сюжеты, «сквозящие» в повествовании о героях «Дыма», придают глубокий смысл «случающемуся», представляя поступки тургеневских героев как вечное повторение – исканий, страданий, заблуждений и ошибок, уже совершенных людьми. Сам «сверхсюжет» романа «Дым» подтверждает наблюдения Ю. М. Лотмана о «глубинном родстве» русского классического романа «с архаическими формами фольклорно-мифологических сюжетов»³⁷ и об основополагающей для «русского сюжета» универсальной мифологической схеме: умирание, нисхождение в ад, преображение, воскресение³⁸.

Но одновременно исследование «сверхсюжета» «Дыма» и способов его воплощения позволяет признать и сходство «глубинных пластов» реалистических и символистских романов, рассматривать поэтику символистских романов не как разрыв с традициями русского классического романа, а как их развитие.

(Окончание в следующем выпуске)

Примечания

- 1 См.: Пильд Л. Введение // Пильд Л. Тургенев в восприятии русских символистов. Тарту, 1999. С. 9–16.
- 2 См.: Клейман Л. Ранняя проза Сологуба. Эрмитаж. Анн Арбор, 1983. С. 14–16.
- 3 См.: Петрова С. Александр Добролюбов и «странный Тургенев» (к проблеме возникновения раннего символизма) // Вестн. ТГПУ. 2007. № 8 (71). Сер. Гуманитарные науки (Филология). С. 52.
- 4 Сологуб Ф. Искусство наших дней. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1915_iskusstvo_nashih_dney.shtml (дата обращения: 12.08.2016).
- 5 Лотман Ю. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 728.
- 6 Там же. С. 729.
- 7 Силард Л. Поэтика символистского романа конца XIX – начала XX веков (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века : сб. ст. Л., 1984. С. 271.
- 8 Колобаева Л. Русские символисты. М., 2000. С. 105.
- 9 Маркович В. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. (30–50-е годы). Л., 1982. С. 126.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 Там же. С. 126.
- 12 Там же. С. 45.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 5.
- 15 См.: Лотман Ю. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. С. 723.
- 16 См.: Маркович В. Вопрос о литературных направлениях и построении истории русской литературы XIX века // Изв. РАН. Отд. лит. и яз. 1993. № 3. С. 28. См. также: Недзвецкий В. Классический русский роман XIX века // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2013. Т. 72, № 5. С. 3–15.
- 17 Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи. М., 2007. С. 334.
- 18 См.: Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Поэтика русского романтизма. СПб., 2004. С. 73–74.
- 19 См.: Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 82.
- 20 См.: Белый А. На перевале. Кризис жизни. Пг., 1918. С. 25.
- 21 Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С. 74.
- 22 Там же. С. 60.
- 23 Сологуб Ф. Искусство наших дней.
- 24 Осмоловский О. Принципы символизации в романе Тургенева «Дым» // Творчество И. С. Тургенева : сб. науч. трудов. Курск, 1984. С. 122.
- 25 См.: Козубовская Г. Костюм в прозе И. С. Тургенева : роман «Дым» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 281–285.
- 26 О литературных аллюзиях в романе «Дым» см.: Манн Ю. Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 138 и след. ; Уоддингтон П. Творческая история романа «Дым» в свете новых материалов // Рус. лит. 2000. № 3. С. 124 и след. ; Генералова Н. И. С. Тургенев : Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб., 2003. С. 304 и след.
- 27 См.: Пумпянский Л. «Дым» : Историко-литературный очерк // Пумпянский Л. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 464, 480.
- 28 Там же. С. 480.
- 29 Манн Ю. Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 142.

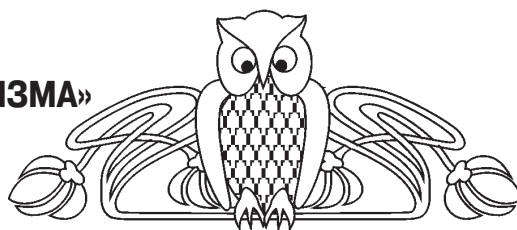
- ³⁰ См.: Манн Ю. Диалектика художественного образа. С. 144–145.
- ³¹ См.: Тургенев И. Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. М. ; Л., 1960–1968. Т. IX. С. 156. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в скобках.
- ³² Мелетинский Е. Литературных архетипах. М., 1994. С. 21.
- ³³ См.: Габдуллина В. Мотив блудного сына в произведениях Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева : учеб. пособие. Барнаул, 2006. С. 102–108.
- ³⁴ Там же. С. 107.
- ³⁵ Тамарченко Н. Типология реалистического романа. На материале классических образцов жанра в русской литературе XIX века. Красноярск, 88. С. 149–150.
- ³⁶ См.: Козубовская Г. Костюм в прозе И. С. Тургенева : роман «Дым». С. 282.
- ³⁷ Лотман Ю. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия. С. 716.
- ³⁸ Там же. С. 723.

Образец для цитирования:

Мокина Н. В. Тургенев и символисты : к проблеме влияния художественного опыта Тургенева-романиста. Статья 1 : Сюжет и сверхсюжет в романе Тургенева «Дым» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 407–413. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-407-413.

УДК 82.09+929[Плеханов+Луначаский+Гоффеншефер]

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ТЕРМИНА «МЕТОД ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА» В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

А. В. Хрусталева

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.
E-mail: tevlin1982@mail.ru

Показаны противоречия термина «метод диалектического материализма». Приведены сведения о наиболее важных дискуссиях в области метода литературной критики.

Ключевые слова: метод, диалектический материализм, литературная критика, Г. В. Плеханов, А. В. Луначарский, В. Ц. Гоффеншефер.

On the Contradictions of the Term 'Method of Dialectic Materialism' in the History of Literary Criticism

A. V. Khrustaleva

The contradictions of the term 'method of dialectic materialism' are shown. The information about the most important discussions in the sphere of the method of literary criticism is provided.

Key words: method, dialectic materialism, literary criticism, G. V. Plekhanov, A. V. Lunacharsky, V. Ts. Goffenshefer.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-413-416

Термин «диалектико-материалистический метод» рожден в борьбе. Возникнув как терминологическая единица, противопоставленная теоретико-понятийным построениям уже сложившихся и активно развивающихся гуманитарных школ, в том числе формалистской, он был «неладно скроен», да и «некрепко шит». Фактически теория его есть своеобразный ответ «мейнстрима» советского литературоведения идеологическим оппонентам. Но интересно, что сами отцы-основатели метода не достигли согласия между собой даже в элементарных вопросах.

Решения XIII съезда РКП(б) послужили основой для резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., в которой отмечался рост новой литературы – пролетарской и крестьянской¹. Между тем для новой литературы не было создано удовлетворительных «лекал» критической оценки. Марксистская критика шла к созданию методологии через преодоление огромного количества эклектических положений и разногласий. Отчетливо это видно на примере полемики по поводу критических работ Г. В. Плеханова.

Вопросы происхождения искусства полно и многоаспектно рассмотрены Г. В. Плехановым в многочисленных работах, в том числе в «Письмах без адреса»² и «Французской драматической литературе и французской живописи XVIII столетия с точки зрения социологии»³. Источником искусства Г. В. Плеханов считал труд. Полемизируя с Г. Спенсером и К. Бюхером, он доказывает, что труд, а не игра предшествует искусству на всех стадиях развития общества. Плехановские принципы исторического детерминизма отчетливо противостоят, таким образом, субъективно-идеалистическим теориям.

Широко известно учение Г. В. Плеханова о двух актах критики, посредством которых осуществляется объяснение художественных произведений: первый акт состоит в том, чтобы перевести идею художественного произведения с языка искусства на язык социологии; вторым актом мыслитель считал рассмотрение эстетических достоинств разбираемого произведения. Применение марксистского метода к литературной критике, по Плеханову, состоит конкретно

в том, чтобы, во-первых, определить психику классов или слоев, которую выражают герои и сам автор, каков социально-политический строй, экономические отношения и характер классовой борьбы, породившие эту психику. Во-вторых, в рамках указанного метода необходимо дать эстетическую оценку достоинствам произведения. Принципиальное значение имеет закон подражания Плеханова, согласно которому искусство, возникшее в какой-либо стране у какого-либо нового социального класса, всегда носит подражательный характер по отношению к искусству того же социального класса, но уже оформившегося в другой стране.

Теоретики Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) предложили сформулировать внутреннюю структуру нового метода художественной деятельности пролетариата, выходя напрямую к философско-общественному содержанию понятия «диалектический материализм». Однако их попытка оказалась неудачной. В Европе в результате событий 1789 г. и далее уже был накоплен значительный опыт «пролетарской» литературы. В России для разворачивания метода диалектического материализма не было собственно достаточного количества литературного материала, не прошло еще необходимого времени для того, чтобы авторы, пришедшие в литературу и критику «от сохи и станка», стали в полной мере сознательными выразителями своего класса. Прямое несоответствие предложенной Г. В. Плехановым схемы реальной действительности состоит в том, что классовая психоидеология даже наиболее идеологически подкованных представителей рабочих и крестьян не только в начале 1920-х г., но и в 1930-е гг. не была сформирована в той степени, какая могла бы обусловить необходимость особого метода литературной критики. Профессиональная литературная критика, несмотря на все процессы демократизации, которые она претерпела и на заре века, и в СССР, была особым маркированным явлением, генерировавшимся городским населением с уровнем образования значительно выше среднего. И если певцом рабочего класса в 1920-е и 1930-е гг. мог оказаться рабочий по происхождению, то серьезным литературным критиком он стать не мог, поскольку для этого требуется огромный наработанный литературный опыт. Таким образом, на деле методом диалектического материализма пользовались лица, получившие серьезную литературную подготовку «буржуазной» школы.

В работах марксистских критиков В. В. Воровского, А. В. Луначарского, М. Горького делается акцент на истолкование литературного произведения с точки зрения исторического материализма, но вопросы метода как совокупности приемов анализа не имеют в них первостепенного значения. Г. Лелевич, широко пропагандировавший свою приверженность взглядам Г. В. Плеханова, делает громкое заявление:

«Литературные влияния, как и весь литературный процесс, могут быть объяснены только при помощи марксистского метода»⁴. Однако полного и тщательного применения плехановской схемы в трудах самого Лелевича не наблюдается. Так, проанализировав поэтическое творчество Н. А. Некрасова в качестве представителя «революционно-разночинского стиля», показав функции пародии в его произведениях, Г. Лелевич, при всех достоинствах проведенной им работы, не достигает цели – он не объясняет, какое место имеет феномен некрасовского поэтического творчества с точки зрения мировой литературы. О зарубежном литературном влиянии, оказанном на Н. А. Некрасова, Г. Лелевич лишь упоминает, что ставит под сомнение применимость метода диалектического материализма в данном конкретном случае. Говоря о социальном статусе поэта, владевшего крепостными, Г. Лелевич определяет его как разночинца. Нетрудно догадаться, что приписывание человеку, владевшему крепостными, психологии разночинца, может быть продуктивно на уровне индивидуальных литературных построений, но не дает никаких серьезных оснований для создания новой методологической теории.

К 1930-м гг. утверждается тезис об ошибочности основных взглядов Г. В. Плеханова в связи с его меньшевизмом. К этому времени уже возобладали ленинская методология. Ее основой в вопросах литературы и искусства, как это единогласно утверждалось, стала созданная В. И. Лениным теория отражения, на которой базируются разработанные им принципы партийности, классовости, народности искусства, положение об активной, действенной роли искусства в общественной жизни. Но здесь наблюдается глубочайший парадокс: поскольку Г. В. Плеханов не смог применить марксистские принципы должным образом (как утверждала критика того времени), то кто же воплотил ленинские принципы на практике (кроме, разумеется, самого Ленина)? Как можно говорить о наличии метода, если он использовался «правильно» фактически только Лениным? Еще один из «отцов» новой теории метода, Л. Авербах, утверждал, что у современной ему критики отсутствует опыт для решения стоящих перед нею проблем.

Развернутая дискуссия о литературоведческой концепции Г. В. Плеханова открылась 8 мая 1931 г. в Институте комакадемии. Наряду с ее сотрудниками в дискуссии приняли участие рапповцы. Со вступительным словом выступил Л. Авербах. Его оценка плехановской концепции была чрезмерно категоричной. Он осудил действовавший лозунг «За плехановскую ортодоксию» и выдвинул в качестве девиза иное – «За ленинское наследство».

В ноябре 1934 г. в Институте философии Коммунистической академии состоялась дискуссия, посвященная пониманию классовости

художественных произведений. Многие докладчики пафосно призывали теоретиков искусства и критиков обратиться к ленинской теории отражения и материалистической диалектике. Е. Усиевич в своем докладе обратила внимание на то, что вульгарная социология, утверждающая классовую ограниченность писателя, игнорирует объективное содержание произведения, в силу этого делает неправильные выводы о его подлинном идеологическом значении. Докладчик утверждала также ошибочность разделения критики на два акта – социологический и формально-эстетический. Это положение было поддержано в выступлениях Ф. Шиллера и В. Гоффеншефера. Ф. Шиллер показал, что корни этого разделения восходят к теоретическим высказываниям лидеров II Интернационала, в частности К. Каутского, следовавшего в анализе формы кантианской эстетики. В. Гоффеншефер высказал предположение, что два акта критики у Плеханова – полемический прием, которого сам Г. В. Плеханов якобы далеко не всегда придерживался в своих критических работах. Характерен в этом отношении труд М. Розенталя «Мировоззрение и метод в художественном творчестве», где атакуется рапповская теория диалектико-материалистического метода. По мнению автора, рапповцы воспринимали творчество как отражение идей и понятий, имеющих чисто умозрительное существование.

В феврале–марте 1934 г. Институт литературы и искусства Ленинградского отделения Коммунистической академии провел сессию, посвященную проблемам социалистического реализма, где вопрос о соотношении метода и мировоззрения занимал центральное место. На сессии отмечалось, что статья М. Розенталя, по сути, и положила начало спорам о методе и мировоззрении.

Критике концепции М. Розенталя посвящено обширное выступление Д. Е. Тамарченко. Привлекая примеры из произведений Бальзака, Стендаля, Гоголя, он высказал мнение, что совпадение мировоззрения и метода писателя существенно повышает художественную значимость его творчества, но при этом в мировоззрении художника главенствующее место принадлежит политической позиции: если у Бальзака и Гоголя они «...реакционны, а их художественные методы исторически прогрессивны, то в творчестве советских писателей, даже не перешедших еще окончательно на позиции пролетарской литературы, мы имеем, как правило, другое положение, когда их политическая позиция оказывается исторически и познавательно прогрессивнее других сторон их мировоззрения. Их художественный метод складывается уже под влиянием их политической позиции. Так формируется у нас стиль социалистического реализма»⁵. Обратим внимание, что термины

«художественный метод» и «стиль» здесь используются фактически как синонимы.

Выступление Л. Ф. Спокойного отличалось полемичностью по отношению к позиции как М. Розенталя, так и Д. Е. Тамарченко. Совершенно справедливо, на наш взгляд, он подчеркнул, что оба автора (да и многие другие. – А. Х.) едины в своем полном игнорировании противоречий между методом и мировоззрением. Там, где ставится знак равенства между идеологическими убеждениями и методом как инструментом познания мира, нет убедительной теории метода.

Понятия метода и стиля достаточно часто смешивались. Так, В. Ермилов теоретически обосновал понятие социалистического стиля в искусстве, считая, что он вытекает из образа жизни советских людей. О методе как о «стиле» говорили участники ленинградской сессии З. Лозинский, Л. Цырлин, Н. Коварский и др.

Проблема соотношения метода и мировоззрения, вызвавшая так много споров в предсъездовской дискуссии, окончательно на съезде писателей не была решена, в последующие годы спор разгорелся с новой силой. Утверждалось, что мировоззрение писателя определяет и творческий метод, представляющий собой совокупность принципов отбора, осмысления и художественного воплощения явлений действительности. Таким образом, четкого и убедительного определения термина «метод диалектического материализма» в советском литературоведении рассматриваемого периода не было.

А. В. Луначарский определял марксистский метод как научный по своей сути: «Иногда принято делать различие между задачами критика и историка литературы, причем различие проводится не столько по линии исследования прошлого и настоящего, сколько по линии – для историка литературы – объективного исследования корневой данного произведения, его места в общественной ткани, его влияния на общественную жизнь, а для критика – оценки данного произведения с точки зрения его формальных или общественных достоинств и недостатков.

Такое деление теряет почти всю свою силу для критика-марксиста. Хотя критика в собственном смысле слова входит непременно элементом в законченное критическое произведение марксиста, тем не менее еще более необходимым основным элементом является социологический анализ»⁶.

Таким образом, содержание термина «метод диалектического материализма» в истории литературной критики изучено недостаточно. Наиболее непроработанным вопросом, связанным с данным термином, представляется конкретный алгоритм исследовательских действий по отношению к определенному тексту. Подмена марксистского метода в литературной критике марксистским мировоззрением ненаучна и возвращает литера-

туроведение к стилю дискуссий 1930-х гг., когда метод и мировоззрение критика рассматривались как синонимичные понятия.

Примечания

- ¹ См.: О политике партии в области художественной литературы : постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. // Правда. 1925. 1 июля.
- ² См.: Плеханов Г. Письма без адреса. М., 1956.

- ³ См.: Плеханов Г. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии // Плеханов Г. Избранные произведения и извлечения из трудов. М., 1977. С. 283–356.
- ⁴ Лелевич Г. Поэзия революционных разночинцев 60–80-х годов XIX века. М.; Л., 1931. С. 45.
- ⁵ В спорах о методе : сборник статей о социалистическом реализме / отв. ред. Н. Жданов. Л., 1934. С. 113.
- ⁶ Луначарский А. Тезисы о задачах марксистской критики // Новый мир. 1928. № 6. С. 56.

Образец для цитирования:

Хрусталева А. В. О противоречиях термина «метод диалектического материализма» в истории литературной критики // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 413–416. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-413-416.

УДК 821.161.1.09 – 32+929Эренбург

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА И. Г. ЭРЕНБУРГА «ШЕСТЬ ПОВЕСТЕЙ О ЛЕГКИХ КОНЦАХ»

А. Ю. Федерякин

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
E-mail: dalef_alexfed@mail.ru

В статье приводится характеристика одного из наименее изученных произведений, входящих в корпус прозаических текстов И. Г. Эренбурга, «Шести повестей о легких концах», анализируются особенности произведения в связи с контекстом литературной полемики 1920-х гг., обусловившей творческие поиски автора.

Ключевые слова: Эренбург, циклизация, телеграфный стиль, конструктивизм, малая проза, монтаж.

Genre and Style Peculiarities of I. G. Ehrenburg's Cycle *Six Novels with Easy Endings*

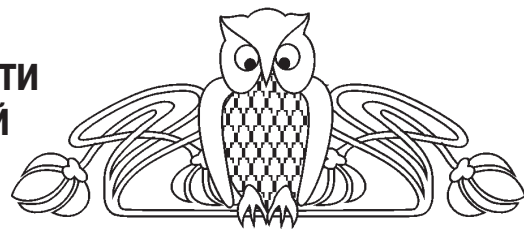
A. Yu. Federyakin

The article presents the characterization of one of the least researched texts from the body of I. G. Ehrenburg's prose texts – *Six novels with Easy Endings*. The features of this work are analyzed in connection with the context of the literary controversy of the 1920s, which predetermined the author's creative endeavors.

Key words: Ehrenburg, cycle formation, telegraphic style, constructivism, small prose, montage.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-416-421

Изучение художественных особенностей отечественной прозы 1920-х гг. представляется интересным, в первую очередь, в плане выявления и постижения эстетических и стилистических особенностей одного из самых насыщенных временных периодов в истории российской литературы. Кардинальные изменения, вызванные сменой общественно-социальных формаций, и последовавший за ними локальный кризис

мировоззрения вызвали к жизни естественное стремление к рефлексии текущего момента с последующим ее отображением во всех видах искусства. Перейдя от литературы «рубежей и канунов» с ее наследующим эсхатологическую логику мировоззрением (мир на пороге изменений, возможно, решительных и конечных) к гуманистическим задачам строительства нового мира и человека, действующие авторы оказались вписаны в логику эпохи, подразумевающую несколько сценариев отношения к ней: прямая поддержка, усиленное оппонирование (литература эмиграции) либо так называемое *попутничество* (состояние идеологической неопределенности, связанное со взвешиванием pro et contra перед окончательным принятием позиции)¹.

Отказ от использования классических нарративных форм в литературе может быть интерпретирован (в том числе специалистами, изучающими этот аспект, такими как О. Егорова, Е. Ляпина, Е. Пономарева, А. Долгополов, М. Дарвин, В. Сапогов, Л. Яницкий, Е. Афонина и др.) как необходимость поиска нового синтетического способа выражения в условиях относительной открытости и взаимосвязи отдельных движений и направлений в русскоязычном искусстве. Одной из таких жанровых находок становится обращение значительного числа писателей к феномену прозаической циклизации, в отличие от циклизации в поэзии недостаточно изученной и неявно осознаваемой в качестве таковой. Отчасти это могло быть связано с утвердившейся в начале 1920-х гг. с подачи теоретиков ЛЕФа концепцией, согласно которой возможность осуществления последова-

тельной классификации и разграничения жанров признавалась несостоятельной².

Долгое время почти все структурно-тематические ансамбли именовались традиционно – «сборниками рассказов» или «книгами». Дальнейшие исследования показали, что связность элементов целого между собой прямо соотносится с лежащим в основании феномена прозаического микроцикла эпистемологическим принципом дополнительности, впервые сформулированным Н. Бором в рассматриваемый временной период – в 1927 г. Согласно этому принципу, впоследствии используемому не только в квантовой механике, но и в социально-гуманитарных науках, к рационально постигаемому явлению действительности прилагаются вводимые группы и классы понятий, задействующие иррационализм³.

Таким образом, в литературоведческой теории цикла получил решение парадокс, согласно которому произведение, состоящее из дискретных художественных единиц, являет собой пример целостности, основанной на противопоставлении отдельного общему и сопоставлении элементов целого друг с другом. По словам Ю. Лотмана, структурно организованному тексту противопоставляется «простое» содержание, структура, имитирующая «нехудожественность» и воспринимается как отсутствие самой структуры⁴.

Другим научным основанием феномена литературной циклизации стал используемый в теории систем принцип эмерджентности, который гласит, что сумма свойств системы принципиально не может быть сведена к сумме свойств каждого из ее составляющих. Эти «излишние» свойства получили название системного эффекта, для использования которого эти системные структуры задействуются непосредственным образом. Исследователь Ю. П. Агеева, приводя причины популярности циклизации в советской литературе 1920-х гг., в числе прочего указывает компенсаторную функцию, в которой реализуется цикличность самого художественного мышления, позволяющего объединить части цикла (новеллы, повести, рассказы, эссе и т. д.) в контекст, зачастую не подразумевающий наличия общей системы персонажей или сюжетных линий⁵.

Примером именно такого циклического единства мы можем назвать произведение советского писателя И. Г. Эренбурга (1891–1967) «Шесть повестей о легких концлах» (1922). Созданное в период увлечения автором жанровыми и формотворческими экспериментами, оно несет в себе как черты конструктивизма в литературе, так и попытку синкретичного совмещения двух разных видов искусства – литературы и кинематографа, в 1920-е гг. прошлого века активно вырабатывавшего собственный инструментарий (деятельность Эйзенштейна, Вертова, Кулешова – в СССР, Ланга – в Германии, Гриффита и Флаэрти – в США, Сандрара и Леже – во Франции).

Согласно известной теории И. Беренда и Э. Хобсбаума о «коротком двадцатом веке», его начало следует отсчитывать с 1914 г. – времени начала Первой мировой войны, события, кардинальным образом повлиявшего на жизненные ценности и приоритеты миллионов людей и приведшего к изменению политической карты мира⁶. Многие литературные направления, сформировавшиеся до переломных событий и непосредственно в их результате, выступали с требованиями изменить жанровую структуру искусства. Эренбург также не остался в стороне от этого процесса и в 1921 г., проживая на тот момент в Берлине, опубликовал в местном издательстве «Геликон» книгу-манифест «А всё-таки она вертится», в которой призывал к созданию «общего, обобщенного, обобществленного искусства»⁷, сливающего усилия художников всех стран в единый творческий поток. Этот призыв был в определенной степени близок лозунгам, выдвигаемым деятелями Левого фронта искусств (ЛЕФ), взывавшими к пересмотру сложившейся жанровой системы.

Эренбург декларирует наступление новой эпохи в искусстве, превосходство конструктивного начала над декоративным. «Новый стиль требует иного ритма»⁸ – этот тезис мог быть интерпретирован в качестве призыва к разработке новой идеологии в искусстве на всех уровнях, включая форму и содержание. В то же время автором устанавливается весьма широкий диапазон экспериментирования со стилистикой текстов благодаря обращению к феномену циклообразования, позволяющему посредством пластичности формообразующего компонента (хронотоп, система персонажей, характер связей между частями целого) использовать прием метанарратива, составляющий механизм реализации интермедальности (синтеза искусств) в литературе⁹.

Активное, преобразовательное начало искусства заняло место пассивно-созерцательной рефлексии. Выявлению разорванных взаимосвязей между человеком и обществом, человеком и человеком был посвящен дебютный роман Эренбурга «Невероятные похождения Хулио Хуренито и его учеников...», созданный в новаторской манере, сочетающей в себе политический памфлет-обличение и авантюрный роман. Смятение в сознании, перелом, произошедший в системе ценностных ориентиров, передан в произведении посредством мозаичной и зачастую весьма хаотической структуры, а сами персонажи – мексиканский философ-анархист Хуренито, именующий себя великим провокатором, и круг его «последователей» со всех континентов, поименно перечисленных в названии, – являлись скорее масками, схематичными конструкциями, нежели полноценными реалистическими героями.

Однако уже первыми читателями и критиками подобная «панорамность» действия воспринималась как связанная не с театральностью, но с

воплощенной кинематографичностью авторского восприятия. Это тем более верно, что, по выражению самого Эренбурга, кинематограф – это «излюбленное дитя нового века»¹⁰.

Исследователи творчества Эренбурга, такие как Дж. Лайчук и П. Ван Пуке, вводят в свои работы термин «телеграфный стиль» применительно к творчеству Эренбурга 1920-х гг.¹¹ Язык повествования, состоящий из коротких, отрывочных фраз, номинативных и неполных предложений, должен был передать возросший ритм жизни, быстроту сменяющих друг друга событий в русле общей литературной тенденции – от сказа и стилизации к принципиально новому качеству объекта авторского повествования.

В то же время Эренбург испытывал двойственное отношение к неизбежности научно-технического прогресса. Превознося в своем проконструктивистском манифесте достижения техники, паровозы, дирижабли, нефтедобывающие платформы, он был весьма озабочен экспоненциально возрастающими механизацией и рационализмом всех сфер общественной жизни. Поэтому в его произведениях появляется новый для русской литературы типаж, который можно условно назвать «людьми-машинами»: это партийный функционер Возов из рассказа «Ускомчел», инженер-конструктивист Белов из «Витриона», наконец, чекист Николай Курбов, заглавный герой романа 1925 г.

Ставя перед писательским сообществом задачу создания «кинематографического романа» как неизбежного этапа в развитии модернистской литературы, Эренбург исследует возможности цикла, состоящего из отдельных новелл, чтобы зафиксировать некоторые особенности «кинематографической прозы», такие как необычное абзацное членение («малый абзац»), лингво-визуальное оформление текста при помощи вставных конструкций, номинативность вместо описательности.

Кинематографичность лежит в основе цикла «Шесть повестей о легких концах», опубликованного в 1922 г. в уже упомянутом берлинском «Геликоне». Как известно из писем Эренбурга, в первоначальный замысел входило создание четырех произведений, позже дополненных двумя «повестями». Переиздание 1925 г., выполненное в Рязани издательством «Пучина», столкнулось с рядом цензурных сложностей, и, чтобы успешно их обойти, название книги было изменено на «Акционерное общество “Меркюр де Рюсси”» – по названию одной из «повестей». Впоследствии эта часть литературного наследия Эренбурга оказалась в тени его знаковых произведений, не войдя в академические собрания сочинений, и была переиздана лишь в 2001 г. с репринтных изданий.

Сам автор считал книгу значительно лучше «летошних» «Неправдоподобных историй», произведения 1921 г., опиравшегося не столько на достижения актуальных направлений модер-

низма, сколько на пародийное воспроизведение стилистики Алексея Ремизова и Андрея Белого, в которое входила имитация разговорной речи, насыщенность просторечием, инверсиями, повествовательными длиннотами и т. д. «Шесть повестей...» могут быть названы с этих позиций своего рода противоположностью «Неправдоподобным историям» при сохранении общей концепции книги («сборника»), в которой тексты объединены метаидеей, вынесенной в заглавие – драматичность человеческого существования в хаотически организованном пространстве послереволюционной действительности.

Эта особенность подтверждает авторский, изначальный характер подобных жанрово-тематических образований. Теперь стилистика текста оказалась максимально приближенной к ритму нового времени – эпохе скоростных телеграмм, автомобилей, биржевых сводок и пересмотра идеалов. Язык «Шести повестей...» – это язык уличного плаката, экранной надписи в немом кино (повесть «Испорченный фильм»), замаскированный экфрасис.

Заданный уровень экспериментальности оказался достаточно сложным для восприятия не только читателями, но и рецензентами. Отзыв берлинского издания «Руль» на книгу гласил: «Все его шесть повестей написаны как бы на лету, короткими, куцыми фразами, то без подлежащего, то без сказуемого. <...> И всюду вместо повествования какая-то пулеметная стрельба словами и образами»¹². «Петроградская правда», напротив, сочла работу Эренбурга успешной, связывая содержание книги с дискуссией о «попутничестве» автора: «Это несомненный шаг вперед как в отношении овладения формой, так и содержания <...> как одна из вех притяжения революции»¹³.

Очевидно, что главная особенность «Шести повестей...» – повышенный интерес к выбору и реализации способов выражения, подбору художественных инструментов – не осталась незамеченной в ряду уже опубликованных книг автора. Подобная поэтика была продиктована опорой на синтез актуальных искусств, в первую очередь кинематографа.

Кинематографичность в рассказе на уровне восприятия текста задана набором описательных характеристик, образующих хронотоп произведения. Каждая из значимых для действия произведения вещей не подразумевается, а названа прямо, подобно тому, как это могло быть прописано в ремарках к театральной пьесе или в киносценарии:

«Кровать холмом. Табурет. (Белов: «Осторожно! Садясь, наклонитесь направо, для равновесия»). Облупленный таз с черной ледяной корой. Скользко: Белов умывался и подмерзло с утра»¹⁴.

Портретных характеристик героев в «Шести повестях...» нет, так как одной из целей является последовательная типизация системы персонажей. Социальное положение, статус и род занятий персонажей, в конечном итоге диктующие

проблематику и формирующие концептосферу, являются главными маркерами-характеристиками. В определенной степени этот прием схож с классическим приемом драматургии, где рядом с действующими лицами указывается или вид их занятий, или родство по отношению к одному из действующих лиц.

«А косые обещал Белову Добер, верный человек», «Сосед Белова – профессор, отчаянный контр – занят подпольной работой»¹⁵ («Витрион»)

Существование разных вариантов компоновки текста дает возможность применять в отношении книги термин «связанный цикл», т. е. объединенный не сюжетно или системой общих персонажей, но на идейно-тематическом уровне. Как известно, одно из последующих изданий книги содержало в себе только четыре «повести о легких концах». Мы полагаем, что главным для выделения этой книги рассказов в отдельный цикл является ее метаидея, сохраняемая в том числе и в случае сжатия текста вплоть до микроцикла¹⁶.

В сюжетном плане авторское заглавие содержит в себе род авторской иронии, граничащей с сарказмом: каждая из новелл заканчивается гибелью протагониста, однако общий карнавализованный ход действия большинства «повестей» не располагает к ожиданию такого финала. Исключение составляют повести «Опытно-показательная колония № 62» и «Шифс-карта», в которых происходит постепенное нарастание тревожности атмосферы:

«С каждым днем всё хуже. <...> У вокзала стоит приказчик Берка из корсетного, весь в пулях. Может стрелять сразу и куда захочет. <...> Какие-то мальчишки собрались в саду, постановили: тору отменить, на косяках дверей прибить десять пунктов революционной дисциплины»¹⁷ («Шифс-карта»).

Известно, что эпиграф к «Шести повестям...» – цитата из «Скорбных элегий» Овидия Назона *Haec est poenam terra reperta meam*¹⁸ – был предпослан автором, дабы, обойдя цензурные препоны, провести параллель между своим пребыванием вдали от родины и ссылкой овеянного легендами поэта на окраину империи, к Черному морю. В письме к Елизавете Полонской от 25.11.1922 Эренбург напишет о нем так: «Дошел ли до тебя эпиграф из “Шести повестей” – Овидий о Бессарабии, я (иудей) о России? Это и фабула “Суток”, и тема остального»¹⁹.

Как впоследствии оказалось, эпиграф остался непонятым и близкими знакомыми автора. Между тем одной из главных идейных нитей, соединяющей «повести» в единое целое, станет мотив забытости и отверженности, приводящий к неутешительному финалу.

Инженер Белов не находит любви Лидии Барыковой, несмотря на свое гениальное и актуальное конструктивистское детище – человекоподобного механизма по имени Витрион; французский дипломатический представитель Поль-Луи, сойдя

с поезда в заснеженную послереволюционную Москву, попадает в круговорот комитетов, кабинетов, собраний, представительств, литературных объединений и оказывается окончательно забытым и потерянным в метафизическом урбанистическом пространстве, утратив собственную индивидуальность и, в конечном итоге, по нелепой случайности жизнь; пожилой часовщик Гирш Ихенсон, живущий в ожидании шифс-карты (проездного билета для американских репатриантов), испытывает кризис богооставленности, встречая неожиданную гибель как избавление; наконец, мальчик Балабас, герой «Опытно-показательной колонии № 62», будучи забытым в суматохе устроенного контрреволюционерами поджога, спасается из пламени.

Уже известный к тому моменту читателям как «специалист по разрушению Европы» и автор гротескно-сатирических романов, безжалостно выявляющих недостатки и противоречия европейского послевоенного уклада²⁰, в малой прозе Эренбург также не ограничивается локальными задачами. Принимая в качестве стилиобразующего центра принцип социальности искусства, он полагал одной из главных задач современного писателя поиск новой формы бытования художественного текста с вытекающим из нее намерением разрушения сложившихся канонов.

Структура повествования во всей взаимосвязи ее составляющих – композиция, язык, ритм – неизбежно отражает усложнившийся характер социальных взаимосвязей, их герметичную неразрывность с процессами, происходящими во всем мире. По-новому в этой связи трактовалась и роль фигуры автора – теперь она несла в себе своеобразный эффект присутствия, роднящий представления Эренбурга о поэтике художественного текста с идеями Левого фронта. Один из учеников Хуренито носит имя автора, и эту намеренную автобиографичность Эренбург впоследствии сравнит со стремлением нервного режиссера, который готов выбежать на сцену, не считаясь с ходом действия.

Главное действующее лицо книги «Тринадцать трубок» – это коллекционер курительных аксессуаров, с чьих слов читатель узнает драматические истории людей, стоящими за каждым из экспонатов (цикл создавался Эренбургом параллельно с работой над выпуском международного журнала «Вещь»). Незримо присутствующий в книге «Условные страдания завсегда кафе» повествователь и есть тот самый частый посетитель питейных заведений, чье молчаливое незримое присутствие прерывается с переходом в заключительной новелле на рассказ от первого лица.

Аналогично приведенным примерам, нарратор «Шести повестей...» не являет себя в качестве отдельного действующего лица, но эпиграф, предпосланный всей книге в целом, а не отдельному произведению, а также традиционная для Эренбурга панорамная картина действительности

позволяют сделать вывод об использовании той же техники.

В наибольшей степени декларируемый в манифесте принцип непрерывности искусства воплощен Эренбургом в рассказе «Испорченный фильм». Он представляет собой пародийный киносценарий, повествующий о белоэмигранте, князе Дуг-Дугоновском, выполняющем вместе с кинооператором одной из крупнейших на тот момент киностудий – Pathé – поручение обобщенного Совета Европы по документальным съемкам Гражданской войны в России. Хрестоматийные фабульные приемы, хорошо знакомые читателю и зрителю по ряду аналогичных произведений, представлены в виде пародии на киносценарий, к тому же предваренной цитатами из вымышленной книги, якобы написанной Хулио Хуренито под названием «La Vida Sexual». Подобный интертекстуальный элемент есть и в цикле «Тринадцать трубок», открываемом пространным посвящением на испанском языке учителю Хуренито.

Сам текст «Испорченного фильма» разделен на 14 эпизодов (отдельных локаций в хронотопе произведения), каждому из которых присвоено название: некоторым – по месту происходящих событий или самим событиям – «Заседание Верховного совета», «Кают-компания», «Стратегическое отступление», другим – в виде иронических формулировок.

В соответствии с конструктивистской установкой на «глубинное, исчерпывающее знание всех возможностей материала и умение сгущаться в нем»²¹ Эренбург организует пространство цикла так, чтобы расширить его хронотоп, создав систему максимальной эксплуатации темы, подразумевающую взаимное функциональное взаимодействие всех художественных элементов.

Модернистская техника киноmontажа также использована в рассказе «Акционерное общество “Меркюр де Русси”». В нем действие разворачивается параллельно сразу в двух географических пластах: Бельгии и донецком поселке Халчак. Согласно сюжету, владельцы залежей ртути и киновари, представители иностранного капитала братья Ванденмэры в годы мировой войны принимают решение о возобновлении добычи ртути в иностранном месторождении. Другой персонаж повести, горняк Егорыч, теряет сына, погибшего вследствие ненадлежащих условий работы. Контраст между миром ослепительной роскоши и скудного горняцкого быта является главной антитезой, вокруг которой выстраивается сюжет.

«Где-то война. Здесь клеть, штреки, сера. Трех угнали. Привезли китайцев. В Горбовке – бабий вой и пленные мадьяры. <...> Где-то война. Где-то Халчак. Здесь запах мандаринов, мимоз, духов, бензина Фордов, Монте-Карло» («Акционерное общество “Меркюр де Русси”»)²².

Экспериментальный вид построения сюжета позволяет, во-первых, следить за его развитием одновременно в нескольких локусах, чему спо-

собствует короткий, парцеллированный язык повести. Во-вторых, близкая к экспрессионизму манера повествования выделяет из всей массы явлений и предметов действительности самое запоминающееся, формулирует главную эмоцию, подчеркивает наиболее значимую деталь («топорщатся карманы поставщиков»). Близость к кинематографу заставляет в соответствии с его тогдашними возможностями разворачивать сюжет повести в соответствии с ее фабулой, давая линейную последовательность событий.

Таким образом, в числе главных жанровых особенностей цикла «Шесть повестей о легких концах» уместно назвать повторное обращение Эренбурга к сложному текстовому единству, обладающему некоторыми формальными признаками художественного цикла малой прозы. Стилистические поиски оптимальной формулы романа, подкрепленные идеями неразрывной связи искусств, декларируемыми с проконструктивистских позиций, привели автора к широкому внедрению метода кинематографического монтажа, перенесенного в ткань художественного произведения с максимальной точностью, отчасти для создания комического эффекта, но главным образом на правах современного и актуального эксперимента с формой произведения. Дальнейшие события показали, что в рамках литературных поисков 1920-х гг. этот опыт послужил развитию характерных особенностей стиля Эренбурга-прозаика.

Примечания

- 1 См.: Беляя Г. Закономерности стилового развития советской прозы. М., 1977. С. 120.
- 2 См.: Цейтлин А. Марксисты и «формальный метод» // ЛЕФ. 1923. № 3. С. 114.
- 3 См.: Бор Н. Избранные научные труды : в 2 т. Т. II. Статьи 1925–1961. М., 1971. С. 393.
- 4 См.: Лотман Ю. Структура художественного текста. СПб., 2015. С. 334.
- 5 См.: Агеева Ю. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. С. 20.
- 6 См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей : короткий XX век. М., 2004. С. 16.
- 7 См.: Эренбург И. А всё-таки она вертится. Берлин, 1921.
- 8 Там же. С. 95.
- 9 См.: Пономарева Е. Стратегия художественного синтеза в русской новеллистике 1920-х годов. Челябинск, 2006. С. 41.
- 10 Эренбург И. А всё-таки она вертится. С. 112.
- 11 См.: Ван Пук П. Телеграфный язык Ильи Эренбурга // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 9. М., 1999. С. 139.
- 12 Рецензия на «Шесть повестей о легких концах» // Руль. 1922. 8 окт.
- 13 О «Шести повестях о легких концах» // Петроградская правда. 1922. 3 дек.

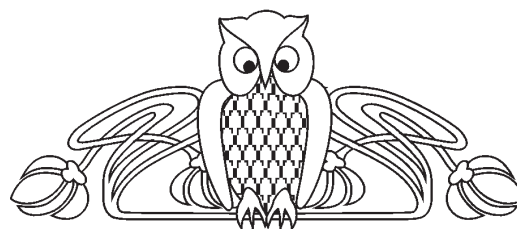
- ¹⁴ Эренбург И. Необычайные похождения. СПб., 2001. С. 464.
- ¹⁵ Там же. С. 465.
- ¹⁶ См.: Пономарева Е. Указ. соч. С. 116.
- ¹⁷ Эренбург И. Необычайные похождения. С. 525.
- ¹⁸ Для наказания мне этот назначен край (лат.)
- ¹⁹ Эренбург И. Письма. 1908–1930 // Эренбург И. Письма : в 2 т. Т. 1 : 1908–1930. «Дай оглянуться...») М., 2004. С. 223.
- ²⁰ Николаев Д. Русская проза 1920–1930-х гг. М., 2004. С. 124.
- ²¹ Чичерин А., Сельвинский Э. Клятвенная конструкция конструктивистов-поэтов // Литературные манифесты. От символизма до «Октября». М., 2001. С. 325.
- ²² Эренбург И. Необычайные похождения. С. 506.

Образец для цитирования:

Федерякин А. Ю. Жанрово-стилистические особенности цикла И. Г. Эренбурга «Шесть повестей о легких концах» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 416–421. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-416-421.

УДК 821.161.1.09-1+929Мандельштам

СТИХИ О ЩЕГЛЕ И ИХ МЕСТО ВО «ВТОРОЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ТЕТРАДИ» МАНДЕЛЬШТАМА. Статья вторая

Б. А. Минц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Статья является продолжением первой и посвящена месту несобранного «щеглиного» цикла в структуре «Второй воронежской тетради». Показаны иерархия циклов, их разнообразные типы, формы циклических связей. Выявлены внутренние сюжетные линии, образно-мотивные комплексы «Второй воронежской тетради» и другие проявления её целостности.

Ключевые слова: цикл, автограф, вариации, семантический субстрат, ритмико-метрические волны, вариативность, коннотации.

Poems of Goldfinch and Their Place in Mandelstam's Second Voronezh Notebook. Article two

В. А. Mintz

The article is the continuation of the first one and is devoted to the place of uncollected 'goldfinch' cycle in the structure of *Second Voronezh Notebook*. The article shows the hierarchy of cycles, their various types and forms of cyclic relationships. Inner story lines, imagery and motive complexes of the *Second Voronezh notebook* and other manifestations of its integrity are revealed.

Key words: cycle, autograph, variation, semantic substrate, rhythmic-metrical waves, variability, connotations.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-421-428

(Окончание. Начало см. 2016. Т. 16, вып. 3.
С. 294–301)

В первой статье, посвящённой мандельштамовским стихам 1936 г. о щегле, был проведён анализ черновой редакции, который позволил выявить пути создания характерного для позднего

Мандельштама лирического единства, а именно открытой, лишённой жёстких рамок циклической структуры с незакреплённой композицией и составом. Подобный «цикл» по природе своей сопротивляется затвердению, ибо отличается избыточностью и вариативностью, присущими зрелой лирике Мандельштама. Рукопись, комбинирующая список и автограф¹, бросает свет на имплицитные смыслы стихов о щегле, в частности, на христианский подтекст (легенда о связи красного пятнышка в оперении щегла с кровью Спасителя от тернового венца) и семантику гибели (образы «красного снега» и «красных сугробов» в черновике – возможно, ассоциация с гибелью Пушкина и метафора смерти Поэта). Сокровенная для Мандельштама тема уничтожения и жертвенности как важнейшая часть его понимания искусства и назначения художника здесь глубоко спрятана. После раннего эссе «Пушкин и Скрябин» она, в частности, находит отражение в мотивах тайной вечера и Голгофы в воронежских стихах. Были также прослежены связи некоторых текстов «Второй воронежской тетради» («Рождение улыбки», «Не у меня, не у тебя – у них...»), «Улыбнись, ягнёнок гневный...», «Я в львиный ров как в крепость погружён...») и «цикла» о щегле, проявленные на уровне лексики, образного строя, поэтической концепции и свидетельствующие о единстве поэтического периода.

В данной работе мы продолжим выявление тех художественных феноменов, которые придают «Второй воронежской тетради» (декабрь 1936 – февраль 1937) целостность, обнажают уникальный узор межтекстовых связей, органическую иерархию, потаённый нерв. Избрана вполне определённая точка зрения, поэтому всё

это рассматривается именно сквозь призму стихов о щегле, казалось бы, ясных и непритязательных. Такой ракурс позволяет за очевидным увидеть потаённый смысл, раскрывающийся в надтекстовом и подтекстовом пространстве, а стихотворения «на случай» вписать в магистральные линии того отрезка пути, который запечатлён в центральной части воронежского «триптиха». Однако вначале целесообразно дать некоторое представление о стихах зимы 1936–1937 гг. как о целом, увиденном с разных точек обзора.

Общий анализ «Второй воронежской тетради» был предпринят Дженифер Бейнс, которая предпослала последовательному разбору ключевых текстов преамбулу. По её словам, «Вторая воронежская тетрадь» включает «самые бодрые и дерзкие стихи за время его (Мандельштама. – Б. М.) ссылки, отмеченные свободой от принуждения в наиболее апокалиптический момент русской истории»². Интенсивность в обращении к внутренним духовным ресурсам, по мнению Дж. Бейнс, объясняется ухудшением политической ситуации, личных обстоятельств Мандельштама (болезнь, изоляция, травля, нищета) и монотонностью воронежского зимнего ландшафта. На деле такая общая оценка не отражает ни драматичных попыток примирения с советским миром и вождём, ни противоречивости, присутствующей даже в самых свободных произведениях этого периода.

Анализ обширного сегмента структуры «Второй воронежской тетради» сделан М. Л. Гаспаровым в специфическом ракурсе – с вершины так называемой сталинской «Оды» («Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», январь–март 1937) и порождённого ею цикла³. От интерпретации «Оды», несомненно, зависит и взгляд на другие воронежские стихи. Это не вошедшее в основной состав «тетради» стихотворение, по мнению Н. Я. Мандельштам, является «маткой» большого цикла⁴, но в ретроспективном прочтении оно может восприниматься как некий «магический кристалл», генерирующий важнейшие элементы подтекста всей «Второй воронежской тетради». Однако взглянуть на это лирическое единство можно и в перспективе начального «щеглиного» цикла, ведущими нотами которого Н. Я. Мандельштам называла «обострённую жажду жизни» и «предчувствие беды»⁵. На одной волне «блаженное, бессмысленное слово» о пёстрой птичке, неуловимых тайнах природной жизни и поразительное в данных обстоятельствах жизнелюбие поэта («Ода» ещё не написана, роковая черта маячит впереди), а на другой, если угодно, встречной, волне – попытка примирения с вождём, надежда на спасение и монументальная образность чуждого Мандельштаму застывшего начала, то в мифопоэтической архаике, то в ключе новейшей сталинской мифологии⁶: «Внутри горы бездействует кумир», «Он мыслит костию и чувствует челом // И вспомнить силится свой облик

человечий» (III, 101)⁷ – «Он свесился с трибуны, как с горы, // В бугры голов» (III, 113), «Глазами Сталина раздвинута гора» (III, 114)⁸.

«Ода» – вызов исследователям. Они дают не просто разные, но часто противоположные трактовки. «Ода», очевидно, чемпион по амбивалентности, и отчасти это отражает её генетическую природу (т. е. характер мироощущения поэта в этот период), а отчасти разницу в установках исследователей. Н. Я. Мандельштам противопоставляет «Оду» как «насильственное» стихотворение свободным стихам того же периода, утверждая, что их борение решало судьбоносный вопрос – сумеет ли Мандельштам задушить собственную поэзию⁹. М. Л. Гаспаров придерживается противоположного мнения, утверждая, что «стихотворения этого цикла подготавливают или развивают мотивы “Оды” в едином с нею направлении»¹⁰, т. е. в направлении искреннего, глубокого приятия Сталина как народного вождя, что было невозможно для поэта без чувства вины и раскаяния. Сама «Ода» некоторыми авторами трактуется как зашифрованное поношение, или сатира, портрет жуткого inferнального существа¹¹, как поэтическая версия Апокалипсиса¹². Интересны попытки интерпретации стихотворения в мифопоэтическом ключе, приводящие к выявлению вариаций близнечных мифов¹³, традиционной оппозиции отца и сына¹⁴, Бога-отца и Христа¹⁵, «века-властелина» и «старшего сына» (II, 50), а в другом разрезе – Зевса и Прометея¹⁶. При этом некоторые мифологические роли (например роль Прометея) приписываются обоим героям оппозиции. Существует идея двоения образа Сталина и всей оценочной структуры стихотворения¹⁷, ставшего, по словам И. Бродского, и одой, и сатирой одновременно¹⁸. Идея двоения представляется наиболее плодотворной. Другой вопрос – использует ли Мандельштам сознательно специальные поэтические средства для достижения такого эффекта двусмысленности или это является непроизвольным результатом двойственности его позиции. А. Г. Мец приводит пример, когда, работая над стихотворением 1935 г. «Мир начинался страшен и велик...», где также речь идёт о Сталине, Мандельштам едва ли не углубил двусмысленность в поздней редакции по сравнению с ранней¹⁹: 1) «Привет тебе, *скрепитель добровольный* / Трудящихся, твой *каменноугольный* / Могучий мозг, гори, гори стране!» (III, 91); 2) «Привет тебе, *скрепитель дальнзоркий* / Трудящихся. Твой *угольный, твой горький* / Могучий мозг, гори, гори стране!» (III, 335). По словам Я. Я. Рогинского, «прочитав это стихотворение, Мандельштам сказал, что его не удовлетворяет похожесть на Пушкина»²⁰, имея в виду слова из «Медного всадника» «Добро, *строитель чудотворный!*.. Ужо тебе!..»²¹. Однако эта реминисценция, если и была непроизвольной, то отражала близость поэтической концепции «Медного всадника» Мандельштаму. Не исклю-

чено, что влияние пушкинской историософии ощущается и в «Оде». Сразу вспоминаются «Петербургские строфы» (1913), где лирический субъект идентифицирует себя с «чудаком Евгением»: «Чудак Евгений – бедности стыдится, / Бензин вдыхает и судьбу клянёт!» (I, 82). Но в «Оде» всё намного сложнее и страшнее, чем в раннем стихотворении. Кроме того, одическая традиция ориентирована на мир идеальный, на утопические представления, даже если предположить, что это и панегирик, и хула, а утопия оборачивается антиутопией, или речь идёт о срастании утопии и антиутопии по образцу платоновских романов. Не берёмся делать здесь какие-либо заключения, однако пройти мимо этого нависающего над трудами и днями Манделштама зимой 1936–1937 гг. замысла невозможно. «Ода» выглядит неким полюсом песенке о щегле, кажущейся на этом монументальном фоне легкомысленной. То, что это не так, не нуждается в доказательствах, но не отменяет необходимости анализа уникальных сцеплений и на уровне образной системы, и на уровне системы лирических текстов.

Об ассоциативных связях лирических текстов «Второй воронежской тетради» сигнализируют вариации мотивов, специфических словесно-образных комбинаций (подчас отброшенных поэтом в поздних редакциях). К примерам, приведённым в первой статье²², можно добавить следующие:

1) «приливы и отливы» («Не у меня, не у тебя – у них...», 9–27 декабря 1936, и «Внутри горы бездействует кумир...», 10–26 декабря 1936); 2) «и радужный уже строчится шов» (III, 100) («Рождение улыбки», 8 декабря 1936–17 января 1937) – «его индийской радугой кормили» (III, 101) («Внутри горы бездействует кумир...», 10–26 декабря 1936) – «Он глядит уже покорно / В мимолётные века – / Светлый, радужный, бесплотный, / Умоляющий пока» (III, 107) («Твой зрачок в небесной корке...», 2 января 1937); «И собирался плыть, и плывал по дуге / Неначинающихся путешествий» (III, 111) («Не сравнивай: живущий несравним...», 18 января 1937); 3) «Длинней товарных поездов, / Гуди за власть ночных трудов... Гуди протяжно в глубь веков, Гудок советских городов» (III, 99 – 100) («Из-за домов, из-за лесов...», 6–9 декабря 1936) – «В гуще воздуха степного / Перекличка поездов / Да украинская мова / Их растянутых гудков» (III, 105) («Эта область в темноводье...», 23–27 декабря 1936); 4) «Ночлеги, ночи, ночки – / Как бы слепых везут» (III, 109) («Я около Кольцова...», 9 января 1937) – «Сам себе немил, неведом – / И слепой и поводырь...» («Дрожжи мира дорогие...», 12–15 января 1937); 5) «И сладкогласный труд безгрешен» (III, 110) («Ещё не умер ты, ещё ты не один...», 15–16 января 1937) – «И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен...» (III, 110) («В лицо мороза я гляжу один...», 16 января 1937).

Каждая из этих цепочек содержит значимые метаморфозы смыслов, иногда близких, иногда

противоположных. Скажем, «приливы и отливы» могут передать общий ритм эмоциональной жизни человека с положительной коннотацией: «Изобразишь и наслажденья их, / И то, что мучит их, – в приливах и отливах» (III, 101) («Не у меня, не у тебя, у них...»). В другом случае это ритм угасающей человечности кумира с явным негативным оттенком, но в то же время с балансированием на грани человеческой и нечеловеческой природы: «И с шеи каплет ожерелий жир, / Оберегая сна приливы и отливы» (III, 101) («Внутри горы бездействует кумир...»). При этом в виде семантического субстрата сохраняется и прямой смысл этой словесной пары, поэтому она коррелирует с «морским»/«океанийским» образным кодом «Второй воронежской тетради», озвучивая естественный ритм природной жизни в его первозаданной и вечной ипостаси. «Морской» код, в свою очередь, вступает в определённые мифопоэтические отношения с «равнинным», «чернозёмным». Здесь, как и в других примерах, остаётся только поставить многоточие, ибо смыслы, высекаемые подобными повторами-отражениями-превращениями, не имеют обозримых границ и требуют специального исследования.

Образно-мотивный комплекс, подразумевающий слепых, ведомых неизвестной силой («как бы слепых везут»), или слепого-поводыря (аллюзия на картину Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых»), привносит в «тетрадь» характерный для позднего Манделштама синтез новозаветной²³ и живописной традиций, спроецированный на судьбу самого поэта и на судьбу страны. В этом синтезе важна исходная притча о слепых, ведомых слепым, и её живописная версия. Живописный и евангельский сюжет получает прямое развитие в стихотворениях «Улыбнись, ягнёнок гневный, с Рафаэлева холста...», «Как светотени мученик Рембрандт...» и далее, уже в «Третьей воронежской тетради» – в «Тайной вечере» («Небо вечери в стену влюбилось...»), в основу которой положена история фрески Леонардо да Винчи. В этой группе текстов иногда значимой для поэта становится судьба картины и судьба художника. Так поэтические сцепления, выраженные повторами слов, словесно-образных комбинаций, распаивают всё новые и новые смысловые горизонты.

Вербальные сигналы как бы прошивают «Вторую воронежскую тетрадь» и её лирические единства, указывая на корневую систему и демонстрируя свой семантический потенциал в разных контекстах. Ядерной циклообразующей силой становится не тема, а именно глубинные творческие феномены ассоциативной природы, коррелирующие с определённым временным отрезком и его духовным содержанием. Ритмико-метрические волны, объединяющие цепочки текстов и естественные для природы циклизации в лирике Манделштама²⁴, возможно, подчиняются трудноуловимым концептуальным скрепам или, по крайней мере, становятся равноценным тексто-

порождающим и циклопорождающим фактором. В целом же трудно с уверенностью утверждать, что генерирует межтекстовые связи в первую очередь – ритм, слово или образ-переживание.

Говорить о композиции циклов и всей «тетради» затруднительно, поскольку существуют различные текстологические решения. Тем не менее, можно констатировать сочетание хронологического принципа, осмысленного в личностном духовно-биографическом ключе, с причудливым разграничением внутри комплекса текстов, которые писались подчас одновременно, в едином порыве. Можно было бы говорить о сочетании симультанности с линейностью, если бы эта условная линейность, т. е. вытянутость текстов во временную линейку, не носила сугубо нелинейного характера.

Ещё один композиционный принцип, рождающийся из органики творческого процесса, а не привнесённый в ворох созданных стихотворений, – это различные отношения родственности и вариативности между текстами, порождающие лирические единства самой различной природы и конфигурации. Тексты сдваиваются, срastaются в более причудливые группы, прорастают друг в друге, взаимно отражаются один в другом, создавая безграничную смысловую перспективу²⁵. «Двойняшками» «на одном корню»²⁶ называла Н. Я. Мандельштам стихотворения «Когда в ветвях понурых...» и «Я около Кольцова...» (оба – 9 января 1937), продолжающие тему поэта-птицы. В первом идёт речь о снегире, переставшем петь и приготовившемся к смерти, во втором – о пленённом и закованном соколе. Вместе с циклом о щегле они развивают орнитологический код «тетради» и вплетаются в некий внутренний сюжет о поэте-птице.

Общий «ген» есть и у стихотворений с разным (противоположным?) смыслом: «Оттого все неудачи...» («Кашей», 29–30 декабря 1937) и «Твой зрачок в небесной корке...» (2 января 1937). Объединены они эпитетом «умоляющий», парадоксально «равняющим» «ростовщичий глаз кошачий» и «омут ока удивлённый» подруги: «И в зрачках тех леденящих, / Умоляющих, просящих, / Шароватых искр пирь» (III, 107) – «Он глядит уже охотно / В мимолётные века – / Светлый, радужный, бесплотный, / Умоляющий пока» (III, 107). Кажется, в этом обидном для Н. Я. Мандельштам сравнении²⁷ вольно или невольно пульсирует некий нерв «Второй воронежской тетради». Поэта явно завораживает и пугает не только пропасть между инфермальным царством и миром света и духовности, но и сам процесс потери человеческой природы, его промежуточные колебания. Стихотворение «Оттого все неудачи...» вроде бы шутивное, вдохновлённое домашним котом, но в контрапункте с сакральным посвящением «блаженной жене», «нищенке-подруге» проступает поединок двух миров: один держится злыми чарами²⁸, другой почти дематериализован

(«бесплотный»), ибо устремлён к божественному и небесному и держится в земном настоящем удивлением, мольбой и любовью. Это мир человека, вытесняемого из жизни силой небытия, но увиденного поэтом в измерении вечности. Тяга к спасительному примирению не только с советской действительностью, но и с вождём вступает в конфликт с образом мира как кашеева царства. О. Ронен трактует стихотворение о кашеевом коте парадоксально, усматривая в нём тему поэтического «богатства, потенциально опасного для своего обладателя»²⁹, но не принятого теми, для кого оно предназначено. Однако образы инфернальной нечисти, обладающей гипнотической силой³⁰, в поэзии Мандельштама ассоциируются с несправедным, искажённым порядком жизни, поэтому правы те исследователи, которые соотносят стихотворение о Кашее и его коте со стихами о кумире и вожде³¹.

В метрической волне, охватывающей стихотворения «Ещё не умер ты, ещё ты не один...» (15–16 января 1937), «В лицо мороза я гляжу один...» (16 января 1937), «О, этот медленный, одышливый простор!...» (16 января 1937), «Что делать нам с убитостью равнин...» (16 января 1937), «Не сравнивай: живущий несравним...» (18 января 1937), «Я нынче в паутине световой...» (19 января 1937), «Где связанный и пригвождённый стон?...» (19 января – 4 февраля 1937), выделяется первая пара. В ней наряду с лексическим повтором связующую роль выполняет система рифм. Вторая строфа первого и последняя второго стихотворения выглядят соответственно так: «В роскошной бедности, в могучей *нищете* / Живи спокоен и *утешен*. / Благословенны дни и ночи *те*, / И сладкогласный труд *безгрешен*» (III, 110); «А солнце щурится в крахмальной *нищете* – / Его прищур спокоен и *утешен*... / Десятизначные леса – почти что *те*... / И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, *безгрешен*» (III, 110). На фоне такого сходства бросается в глаза смысловой контраст первых строк стихотворений: «Ещё не умер ты, ещё ты *не один*» – «В лицо мороза я гляжу *один*». Лирический субъект пребывает одновременно в двух измерениях. В одном – он утешен верной нищенкой-подругой, свободой творчества (оплаченной дорогой ценой) и, главное, безгрешностью «сладкогласного труда», который не замутнён конъюнктурными соображениями или даже просто жаждой спасения. В другом – он оказывается один на один с суровым и прекрасным миром, и только этот мир наделён покоем и безгрешностью. Взаимными отражениями двух стихотворений передаётся двойственность духовного самочувствия поэта, червоточина в чувстве поэтической правоты. Впрочем, эта противоречивость есть внутри каждого из стихотворений.

Длинное вступление понадобилось для того, чтобы очертить хотя бы некоторые особенности «Второй воронежской тетради» как лирического единства с множеством несобранных циклов

и вариаций. Начальной частью подвижной структуры «тетради» становится обозначенный Н. Я. Мандельштам цикл из 10 стихотворений, целостность которого проявляется на большой глубине³². Н. Я. Мандельштам называла его «цикл “возрастов”, реминисценций и предчувствий»³³ и считала ключевыми для него «Щегла» и «Улыбку»³⁴. Увертюрой же к циклу и всему разделу стало стихотворение о «гудке советских городов», заявляющее несколько тем: советского мира в его глубокой связи с национальным прошлым Руси («Гуди, старик, дыши сладко. / Как новгородский гость Садко / Под синим морем глубоко, / Гуди протяжно в глубь веков» (III, 100)), поэтического труда и голоса. Мандельштам с первой же ноты задаёт вертикаль («Под синим морем глубоко») и горизонталь («Из-за домов, из-за лесов, / Длинной товарных поездов» (III, 99)), а также векторы легендарного прошлого и желанного будущего. В этом «узле» уже содержатся некоторые импульсы и образно-тематические пласты «Второй воронежской тетради». Это и порыв к приятию советской жизни, понимаемой как продолжение нетленных ценностей, и разнообразные проявления «многодонной жизни вне закона». Поэтический труд, голос поэта и его судьба, след, оставленный им в жизни страны, – не просто дань классической традиции, а жизненно важная подоплёка всего для Мандельштама. «Возрасты» и «предчувствия», о которых говорит применительно к циклу Н. Я. Мандельштам, находят выражение в «детской» теме (улыбка ребёнка, «птичьи» мотивы, детство «кумира» – «Когда он мальчик был и с ним играл павлин...» (III, 101)) и мотиве окостенения и памятника, соотнесённые в первом случае с гибелью человеческой природы, а во втором – с предчувствуемой гибелью поэта («А мастер пушечного цеха, / Кузнечных памятников швец, / Мне скажет – ничего, отец, – / Уж мы сошьём тебе такое...» (III, 103)). Так через весь цикл проходит амбивалентная оппозиция хрупкого живого и монументального неживого, претендующего на бессмертие.

Внутри цикла «возрастов, реминисценций и предчувствий» как раз и расположено изучаемое нами лирическое единство, а именно стихи о щегле, или «щеглиный» цикл, который был частично описан в первой статье. Несколько особняком стоит в нём стихотворение «Когда щегол в воздушной сдобе...» (декабрь 1936), написанное в ином ритмико-метрическом ключе, нежели «Мой щегол, я голову закину...» и его стихотворные спутники:

Когда щегол в воздушной сдобе
Вдруг затрясётся, сердцевит, –
Учёный плащик перчит злоба,
А чепчик – чёрным красовит.

Клевещет жёрдочка и планка,
Клевещет клетка сотней спиц,

И всё на свете наизнанку,
И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц! (III, 102–103).

Стихотворение гораздо более ангажированное. Лирический субъект в нём спрятан. В отличие от других стихов «щеглиного» цикла, щегол здесь не является загадочным для лирического «я» носителем безотчётной свободы, он наделён сильной человеческой эмоцией. В основе стихотворения – не краткий миг прикосновения к птичьей жизни, а иносказательная картина состояния мира. Энергичная фоносемантическая игра на небольшом текстовом пространстве (щегол – учёный плащик перчит – чепчик – чёрным; клеветчик клетка) педалирует смысловые связи и эмоциональные коннотации, отражаясь и на лексическом уровне (перчит злоба – клеветчик клетка). Сказано явно не о равнодушной природе, а о двух силах, которые яростно схлестнулись не на жизнь, а на смерть. Вряд ли правомерно трактовать строку «клеветчик клетка сотней спиц» как «”колочую”, “клеветущую” поэтическую правоту»³⁵, где эпитет «клеветущий», очевидно, подразумевает точку зрения официальной литературы и органов на опального поэта. Нет, здесь ясно обозначено именно торжество неправды в стране-клетке и в перевёрнутом наизнанку мире («И всё на свете наизнанку»). Такая обнажённая конфликтность бросает свет и на остальные, более мягкие и элегичные стихи цикла о щегле.

Мандельштам открыто проецирует поэтическое иносказание на свою ситуацию, придавая ей характер общего трагедийного конфликта. Может быть, эта ясность стихотворения и его клокочущая энергия и смутили поэта, включившего текст в основной корпус только в Калинин «при просмотре черновики и составлении списка»³⁶. Испанские реалии, по мнению Ирины Месс-Бейер, связаны с двумя поэтами. Один из них, Мигель де Унамун, был ректором университета в Саламанке и в октябре 1936 г. был по декрету Франко смещён со всех должностей за осуждение фашистского мятежа. Другой – Луис де Леон, испанский еврей, профессор Саламанкского университета и поэт XVI в., жертва инквизиции³⁷. Если эти догадки справедливы, то «лесная Саламанка для непослушных умных птиц» совмещает в себе значения утопии и ловушки. Ни в каком университетском уединении, ни в какой внутренней эмиграции не скрыться от насилия и лжи. При этом соединение образов щегла и университета, по сути, модифицирует поэтическую характеристику Андрея Белого в поминальных стихах: «сочинитель, щеглёнок, студентик, студент, бубенец» (III, 82).

Более широкий контекст стихов о щегле не в последнюю очередь связан с временем года, когда рождалась «Вторая воронежская тетрадь». Это зимняя книга. Зима становится одной из центральных тем «Второй воронежской тетради», сплавливая реальное время творческого и жизненного опыта

с многослойной семантикой холода. Дыхание зимы впервые ощущается именно в стихах о щегле: «*Зимний день, колючий, как мякина, / Так ли жёстк в зрачке твоём?*» (III, 102). В первом катрене в одно поле попадают зима и мякина, объединённые признаками колючести и жёсткости и перекликающиеся по разным семантическим признакам с более поздними стихами «тетради». Холод напоминает о жизни беспощадной и максимально суровой, но величественной: «*Ты наслаждаешься величием равнин / И мглой, и холодом, и вьюгой*» (III, 110) («Ещё не умер ты, ещё ты не один...»); «*В лицо мороза я гляжу один, / Он – никуда, я – ниоткуда, / И всё утجوится, плоится без морщин / Равнины дышащее чудо*» (III, 110). Образы холода и снега – спутники темы русской гибели: «*И в яму, в бородавчатую тему / Скольжу к обледенелой водокачке / И, спотыкаясь, мёртвый воздух ем, / И разбегаются грачи в горячке – // А я за ними ахаю, крича / В какой-то мёрзлый деревянный короб: / – Читателя! Советчика! Врача! / На лестнице колючей разговора б!*» (III, 119) («Куда мне деться в этом январе?», 1 февраля 1937). Мандельштам модифицирует свой давний мотив «звёздной колючей неправды» (II, 56). Вместе с тем «зимняя» образность аккомпанирует пространству чернозёмной глубинки. Зима вдохновляет поэта на «пушкинские» реминисценции, образы русского мира, иногда близкие к фольклорной традиции, и сакральные символы: «*И мальчик, красный как фонарик, / Своих салазок государик / И заправила, мчится вплавь*» (III, 117) («Люблю морозное дыханье...»); «*Въехал ночью в рукавичный, / Снегом пышущий Тамбов, / Видел Цны – реки обычной – / Белый-белый бел-покров*» (III, 105) («Эта область в темноводье...»); «*И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб, безгрешен*» (III, 110) («В лицо мороза я гляжу один...»). Последняя строка – антитеза строки из «Щегла»: «*Зимний день, колючий, как мякина, / Так ли жёстк в зрачке твоём?*». Контрастные признаки зимы/снега: жёсткость/колючесть – чистота/безгрешность. Такой же антитезой становится пара «*мякина – чистый хлеб*». Мандельштам открыто возвращается к евангельской хлебной символике, которой отдал щедрую дань в 1920-е гг.³⁸

Образ мякины Н. Я. Мандельштам считала циклообразующим для всего комплекса стихов о щегле³⁹. В смысловом узоре приведённого стиха о мякине небеследно растворяется и пословицная коннотация («стреляного воробья на мякине не проведёшь»), акцентируя семантику обмана, подмены истины ложными ценностями, шелухой, суррогатом. Мандельштам варьирует этот мотив в другой редакции стихотворения: «*Детский рот жуёт свою мякину*». Это чрезвычайно важная тема «Второй воронежской тетради», проступившая и в образе сбитой оси: «*Скучно мне: моё прямое / Дело тараторит вкось – / По нему прошлось другое, / Надсмеялось, сбило ось*» (III, 110). В какой-то мере контрапункт

«*мякина – чистый хлеб*» коррелирует с образом доброго семени и плевел евангельской притчи (Мф. 13: 24–30).

Возможно, мякина ассоциируется и с «несладким хлебом» изгнания в стихотворении, соединяющим «дантовский» и «петербургский» код: «*Или тень баклуши бьёт / И позёвывает с вами, / Иль шумит среди людей, / Гремясь их вином и небом, / И несладким кормит хлебом / Неотвязных лебедей*» (III, 116) («Слышу, слышу ранний лёд...», 22 января 1937). Одновременно «мякина» встраивается в широкое смысловое поле, включающее в себя образы земли, чернозёма, плуга, жатвы, косьбы.

Итак, стихи о щегле представляют собой несобранный цикл о непокорной птице и одновременно о поэте. При рассмотрении циклических связей, восстанавливаемых, в частности, благодаря анализу черновика ранней редакции стихотворения «*Мой щегол, я голову закину...*», проступают сознательно отброшенные поэтом христианские аллюзии, метафоры гибели поэта на снегу, трагизм противостояния поэта и режима лжи и насилия. «Щеглиный» цикл, в свою очередь, встраивается в более обширный начальный цикл «Второй воронежской тетради», который во многом строится на многозначном контрапункте естественной хрупкой жизни природы/культуры и, с другой стороны, монументального небытия, потерявшего «свой облик человеческого». Стихи о щегле теснейшим образом связаны и с другими текстами и циклами «Второй воронежской тетради», например, через темы приятия мира и необходимой/неизбежной жертвы. В определённой степени этот цикл бросает свет и на так называемую «Оду» о Сталине, создавая такой запас внутренней свободы, который исключает безоговорочное примирение с режимом и вождём. В этой статье обозначены лишь некоторые проявления органической целостности и естественной иерархии в структуре «Второй воронежской тетради», включающей множество лирических единств разной конфигурации.

Примечания

- 1 См.: РГАЛИ. Ф. 1893 (О. Э. Мандельштам). Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 7–7 об.
- 2 Baines J. Mandelstam : The Later Poetry. L. ; N.Y. ; Melbourne, 1976. P. 145.
- 3 Так М. Л. Гаспаров называет метрическое сопровождение «Оды» (См.: Гаспаров М. «Ода» Сталину и её метрическое сопровождение // Гаспаров М. Гражданская лирика Мандельштама 1937 года. М., 1996. С. 78–112). Назовём наиболее важные из стихотворений этого «цикла»: «Ещё не умер ты, ещё ты не один...», «В лицо мороза я гляжу один...», «О, этот медленный, одышливый простор...», «Что делать нам с убитостью равнин?..», «Не сравнивай: живущий несравним...», «Где связанный и пригвождённый стон?..», «Куда мне деться в этом январе?..», «Обороняет сон мою донскую

- сонь...», «Как светотени мученик Рембрандт...», «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...», «Вооружённый зрением узких ос...», «Как дерево и медь – Фаворского полёт...», «Я в львиный ров и в крепость погружён...». Даже беглый взгляд на эту группу стихов подсказывает, что у них разные отношения с «Одой».
- ⁴ Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 288.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Лекманов О. Сталинская «ода». Стихотворение Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» на фоне поэтической сталинианы 1937 года // Новый мир. 2015. № 3. С. 171–186.
- ⁷ Здесь и далее тексты Мандельштама цит. по: Мандельштам О. Собр. соч. : в 4 т. / сост. А. Никитаева и П. Нерлера. М., 1993–1997, с указанием в скобках тома римской цифрой и страницы – арабской. Курсив везде наш. – Б. М.
- ⁸ См. сравнение стихотворения «Внутри горы бездействует кумир...» и «Оды»: Мейлах М. «Внутри горы бездействует кумир...». К сталинской теме в поэзии Мандельштама // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама : Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 421.
- ⁹ См.: Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 1. С. 287–292.
- ¹⁰ Гаспаров М. Гражданская лирика Мандельштама 1937 года. С. 89.
- ¹¹ См.: Чернов А. Ода рябому черту. Тайнопись в «покайных» стихах Осипа Мандельштама // Чернов А. Хроники изнаночного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 361–388.
- ¹² См.: Фролов И. Откровение Мандельштама // Бельские просторы. 2004. № 12 (73) Декабрь. С. 115–135.
- ¹³ См.: Глазова Е., Глазова М. Подсказано Дантом. О поэтике и поэзии Мандельштама. Киев, 2011. С. 456.
- ¹⁴ В частности, подразумевается вариация оппозиции «отец – сын» в притче о блудном сыне (См.: Кацис Л. Осип Мандельштам : Мускус иудейства. Иерусалим ; М., 2002. С. 137–141).
- ¹⁵ См.: Freidin G. Mandelstam's Ode to Stalin : history and myth // Russian Review. 1982. Vol. 41. P. 400–426.
- ¹⁶ См.: Глазова Е., Глазова М. Указ. соч. С. 457.
- ¹⁷ См.: Кацис Л. Поэт и палач : опыт прочтения сталинских стихов // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 46–54 ; Глазова Е., Глазова М. Указ. соч. С. 453–459.
- ¹⁸ См.: Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998. С. 33.
- ¹⁹ См.: Мец А. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005. С. 190.
- ²⁰ Рогинский Я. Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама... С. 43.
- ²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. IV. Л., 1977. С. 286.
- ²² «Улитки рта» в «Рождении улыбки» и «улитки губ людских» в стихотворении «Не у меня, не у тебя, у них...» ; «ягнёнок гневный» в черновике «Рождения улыбки» и в стихотворении «Улыбнись, ягнёнок гневный», с Рафаэлева холста...» и др.
- ²³ «Оставьте их, они – слепые вожди слепых ; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14).
- ²⁴ См.: Гаспаров М. «Ода» Сталину и её метрическое сопровождение. С. 78–112 ; Нерлер П. Метрические волны и композиционные принципы позднего Мандельштама // Нерлер П. Conamore. Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 131–159.
- ²⁵ Н. Я. Мандельштам использует разные термины и метафоры для передачи этих отношений между лирическими текстами: двойняшки, двойники, двойчатки, тройчатки, побег на одном корню, темы с вариациями. Чтобы упорядочить терминологический аппарат, мы будем называть двойчатками только те двухчастные циклические структуры, которые имеют общий стихотворный период, а не отдельное слово или комбинацию слов. К такому как раз можно отнести стихотворную пару «Второй воронежской тетради» «Мой щегол, я голову закину...» и «Детский рот жуёт свою мякину...», с оговоркой, что второе стихотворение включается не во все издания и его статус неясен. Наиболее точно было бы использовать для определения родственных стихов, разошедшихся в поздней версии, метафору Н. Я. Мандельштам «побеги на одном корню». Она указывает на происхождение, в результате же получается тема с вариациями. К такому относятся стихотворения «Дрожжи мира дорогие...» и «Влез бесёнок в мокрой шёрстке...», объединённые развёрнутой метафорой следов/вмятин (в черновых и окончательных редакциях) и целыми строфами (в черновой редакции) (См.: Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 2. С. 786–787). Объединяет Н. Я. Мандельштам и следующие три стихотворения: «Эта область в темноводье...», «Вехи дальние обоза...» и «Как подарок запоздалый...» (Там же. С. 779–784). К этой группе стихов, в свою очередь, примыкают её метрические спутники: «Оттого все неудачи...», «Твой зрачок в небесной корке...», «Улыбнись, ягнёнок гневный...».
- ²⁶ Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 2. С. 785.
- ²⁷ Там же. С. 784.
- ²⁸ Явная перекличка со стихотворением «Внутри горы бездействует кумир...». Объединяют их мотивы заколдованной горы, магических покоев. Мотив горы, в свою очередь, ведёт к зловещей строке «Оды»: «Глазами Сталина раздвинута гора...» (III, 114).
- ²⁹ Ronen O. Mandel'stam's Кашей // Studies presented to professor Roman Jakobson by students. Cambridge, Mass : Slavica Publishers, 1968. P. 255.
- ³⁰ Возможно, Кашеев кот ассоциируется с Котом-баюном, обитающим в тридцатом царстве и наводящим на противников дремоту своими историями (См.: Королёв К. Энциклопедия сверхъестественных существ. Иллюстрированный путеводитель по мифам, преданиям и сказкам. М. ; СПб., 2005. С. 583–584).
- ³¹ См., например: Baines J. Op. cit. P. 170–173.
- ³² «Из-за домов, из-за лесов...», «Рождение улыбки», «Детский рот жуёт свою мякину...», «Мой щегол, я голову закину...», «Когда щегол в воздушной сдобе...», «Нынче день какой-то желторотый...», «Я в сердце века, путь неясен...», «Не у меня, не у тебя – у них...», «Внутри горы бездействует кумир...», «А мастер пушечного цеха...».

³³ Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 2. С. 778.

³⁴ Там же. С. 773. Имеются в виду стихотворения «Мой щегол, я голову закину...» и «Рождение улыбки».

³⁵ Глазова Е., Глазова М. Указ. соч. С. 476.

³⁶ Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 2. С. 774.

³⁷ См.: Месс-Бейер И. Эзопов язык в поэзии Мандельштама 30-х годов // Russian Literature. 1991. Vol. 29, iss. 3 (April 1). P. 365. В. В. Мусатов оспаривает присут-

ствие в подтексте мысли о судьбе Мигеля де Унамуно (См.: Мусатов В. Лирика Мандельштама. Киев, 2000. С. 478).

³⁸ См. об этом: Тоддес Е. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов // Тыняновский сборник : Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 184–217.

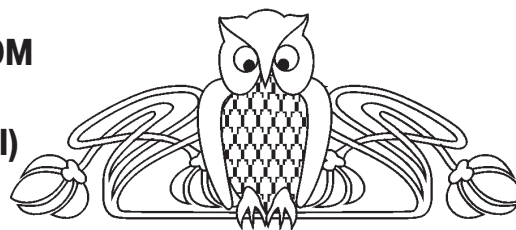
³⁹ См.: Мандельштам Н. Указ. соч. Т. 2. С. 773.

Образец для цитирования:

Минц Б. А. Стихи о щегле и их место во «Второй воронежской тетради» Мандельштама. Статья вторая // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 421–428. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-421-428.

УДК 821.161.1.09-3+929[Солженицын+Аксёнов]

АНАТОМИЯ «СОВЕТСКОГО» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ КОНЦА XX – XXI ВЕКОВ: А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И В. П. АКСЁНОВ (Часть I)

А. А. Суворов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: suvorov@list.ru

Первая часть публикации посвящена постановке и обоснованию самой литературоведческой задачи – параллельного анализа произведений двух значимых для русского литературного процесса писателей, а также обозначению магистральных направлений предпринимаемого филологического разбора. Материалом послужили тексты Солженицына и Аксёнова, созданные и опубликованные на рубеже XX–XXI вв., а ключевым аспектом исследования стал мотивно-тематический комплекс, объединяющий интересы двух литераторов (именуемый художественной реальностью «советского»).

Ключевые слова: русский литературный процесс, советское, А. И. Солженицын, В. П. Аксёнов, проблема читателя, автор.

The Anatomy of the 'Soviet' in the Literary Process of the Turn of the XX–XXIst Century: A. I. Solzhenitsyn and V. P. Aksyonov (Part I)

A. Suvorov

The first part of the article deals with the definition and substantiation of the literary criticism task itself – a parallel analysis of the works of two significant writers in the Russian literary process. Another object is to identify the major perspectives of the philological examination in progress. The subject of this research is the texts by A. I. Solzhenitsyn and V. P. Aksyonov, written and published at the turn of the XX–XXI centuries. This research focuses on the motive and theme complex that encompasses the interests of two writers (called the creative reality of the 'Soviet').

Key words: Russian literary process, Soviet, A. I. Solzhenitsyn, V. P. Aksyonov, problem of the reader, author.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-428-438

Конец XX – начало XXI вв. в русской литературе и – шире – в общественной жизни можно

назвать периодом множественных открытий. Вместе с социальными и политическими реформами, последовавшими за перестройкой и распадом Советского Союза, развиваются новые явления словесности – теперь свободной от государственной цензуры¹. Такие словесные номинации, как «самиздат», «иммигрантская литература» и «литература запрещённая», из категории опасных для произносящего становятся предметом открытых дискуссий, а также входят в круг официальных интересов филологии. Появление многочисленных новых и возвращение «запрещённых» имён происходят на фоне развития и тех магистральных тенденций, которые определили «облик» двадцатого столетия в истории русскоязычного художественного творчества.

Одним из важнейших событий финального десятилетия XX в. в жизни всей страны становится возвращение на родину Александра Исаевича Солженицына в мае 1994 г. Эпоха, ассоциирующаяся в сознании большой читательской аудитории с этим именем, продолжается и после смерти писателя (2008 г.), до последних дней занимавшегося активной подготовкой к печати своих произведений и общественной деятельностью. Предпринимаемое нами исследование проблемы читателя и русского литературного процесса рубежа XX и XXI вв. было бы невозможным без обращения к творчеству Солженицына, а точнее, к тем его произведениям, которые были написаны и опубликованы в 1990-х и 2000-х гг. «Эпоха Солженицына» – по объёму смыслов это понятие выходит за пределы творчества самого писателя, шире оно и терминологических сочетаний «лагерная литература» и «русская литературная иммиграция XX века». Семантический состав названного понятия (эпоха Солженицына) также включает

огромный объём публицистики, литературной критики и филологической рефлексии.

Предложим свой взгляд на те произведения признанного классика, которые были написаны и издавались в конце XX в. Однако рассматривать эти тексты мы будем параллельно с произведениями другого безоговорочно значимого писателя, также оказавшего влияние на русский литературный процесс конца XX – XXI вв., – Василия Павловича Аксёнова.

Необходимо уточнить предмет нашего исследовательского интереса: он связан с рассмотрением проблемы читателя в произведениях, определивших векторы развития русского литературного процесса указанного периода. Таким образом, нас будут интересовать читательская направленность² художественных текстов, имплицитные категории «автор», «адресат художественного произведения» и формы существования внутренних интерактивных потенциалов произведений словесности.

Тематика попадающей в область наших интересов поздней прозы Солженицына и Аксёнова (особенности построения характеров и формирования авторских стратегий, писательские интересы в целом) связана с переосмыслением неоднозначного исторического наследия советской России. Именно «советское прошлое» становится фоном для размышлений писателей, изменчивой (от одной частной судьбы к другой), но имеющей и устойчивые характеристики творческой основой – базовой матрицей, позволяющей как раскрывать глубинные исторические процессы, так и создавать многочисленные художественные образы.

Понимание таких значимых (не обязательно масштабных по объёму) текстов Солженицына, как «Двучастные рассказы» (1993–1998), цикл миниатюр «Крохотки» (1996–1999), повести «Адлиг Швенкиттен» и других произведений конца XX – начала XXI вв., требует, на наш взгляд, включения в пространство филологических наблюдений соответствующего по тематике художественного контекста.

Частным открытием, которым мы хотим поделиться, стало тематическое сопоставление созданных и опубликованных в одном временном периоде (определённом выше) прозаических текстов Александра Исаевича Солженицына и Василия Павловича Аксёнова.

«Литературоведческих прав» на подобное сопоставление у нас достаточно. В жизни писателей много общих и, можно сказать, значительных дат и событий. Не углубляясь в хорошо известные подробности биографий³, напомним сейчас о том, что Солженицын был изгнан из страны и лишён гражданства в 1974 г. (после выхода сборника «Из-под глыб» и «Архипелага ГУЛАГ» в зарубежных издательствах); Аксёнов в 1978 г. принимает участие в издании неподцензурного альманаха «Метрополь», а выезжает из страны в 1980-м (также с лишением гражданства). В

1990 г. и Солженицыну, и Аксёнову возвращают юридический статус. В 2008 г. уходит из жизни Солженицын, в 2009-м – Аксёнов. Однако наша задача состоит не в поиске общих биографических дат или объединяющих писателей событий; мы концентрируемся на их позднем творчестве с целью обнаружить общие тематические интересы и различия в их текстовой реализации, важные для аналитического рассмотрения интересующей нас проблемы.

Наиболее интересные и перспективные направления сопоставительного анализа произведений Солженицына и Аксёнова (в рамках заявленных литературоведческих задач) ведут нас в области тематических и идейных «разногласий». Действительно, оба писателя предпринимают художественное исследование различных этапов становления и развития советского государства (революция и Гражданская война, эпоха репрессий и коллективизации, Великая Отечественная война, периоды «оттепели» и перестройки). Но даже самое поверхностное знакомство с текстами не оставляет сомнений – художественная реальность, созданная автором «Одного дня Ивана Денисовича» и «Красного колеса», будет отличной от литературных миров, построенных в романах «Москва Ква-Ква» или в трилогии «Московская сага» (именно эти произведения Аксёнова будут в центре нашего внимания⁴).

Предпринимаемое аналитическое сопоставление связано с общими тематическими интересами писателей; оба – и Солженицын, и Аксёнов – в своих произведениях конца XX – XXI вв. выстраивают системы индивидуальных литературных представлений о «прожитой» советской действительности, оба творят свою динамичную словесную картину: населяют художественные миры персонажами, наполняют их образами и бесчисленными деталями. *Нас будут интересовать существенные различия (и, конечно же, общие черты) в тех компонентах поэтики Солженицына и Аксёнова, которые формируют авторское представление о феномене «советского».*

Особенно важным фактором литературоведческого разбора является исследовательский материал – проза, созданная в 1990-х и 2000-х гг., т. е. в том пространстве-времени, которое уже «позволяло» переосмыслить ушедший режим (постепенно уходящий?) в его исторических и этнокультурных масштабах. Обратимся к текстам Солженицына и Аксёнова (говоря далее о «писателях», мы называем таким образом сразу двоих).

Подчеркнём – сравнительный анализ столь значимых и кардинально различных авторских стратегий не создаётся из расчёта на формирование объёмного представления о творческих судьбах Солженицына и Аксёнова или об их профессиональной эволюции, не предполагается здесь и попытки сближения диаметральных по идейному заряду литературных полюсов. Напротив, наш «двойной» литературоведческий взгляд

всеми обозначенными различиями и продиктован: невероятно актуальным и филологически интересным оказалось параллельное «медленное чтение» текстов, имеющих свои историко-культурные орбиты, но парадоксальным образом оказавшихся в зоне гравитационного воздействия сверхновой – в нестабильном пространстве русской словесности 1990-х и 2000-х гг. И Солженицын, и Аксёнов для огромной читательской массы, рождённой демократическим взрывом (той самой сверхновой), оказались явлениями, сближенными логикой социальных преобразований. Оба писателя представляли «старшее» поколение, оба были иммигрантами (конечно, с индивидуальными судьбами и опытом), оба антисоветчики (при всём внутреннем драматизме личных идейных и политических убеждений). Для филолога важно, что оба были ещё и прозаиками, к тому же влиятельными; к концу перестройки у Солженицына и Аксёнова были сформированы собственные читательские группы, ориентированные как на личность, так и на эпоху, породившую литературное имя. Что же объединяет морально неколебимого, документально жёсткого и принципиально последовательного в борьбе с «Красным колесом» Солженицына с литератором-джазменом, легендой «шестидесятников», писателем-иллюзионистом Аксёновым?

Ответ на этот вопрос находится в области гипотез и, конечно, не может быть сформулирован как безупречная в своём лаконизме формула. Очевидно, крах Советского Союза, а вместе с ним и всей системы смыслов, которая своим противодействием сформировала наших писателей, был воспринят ими неоднозначно. Реалии, пришедшие на смену советским, не соответствовали (да и не могли соответствовать) индивидуальным представлениям о «правильном» векторе развития российского общества. Наш литературоведческий интерес заключается в попытке параллельного анализа художественной прозы, ставшей, уже по факту публикации, ответом опытных мастеров слова на волну изменений 1990-х гг.

Один из общих тематических интересов писателей – драматические военные страницы истории Советского государства: через Гражданскую и Великую Отечественную проходят персонажи как Солженицына, так и Аксёнова. Обратим внимание на образы и мотивы, связанные с переживанием и «проживанием» этого опыта героями текстов, социальное положение и происхождение которых определяется авторами через понятие «интеллигенция».

Двухчастный рассказ Солженицына «Эго», герой которого – Павел Васильевич Эктов (автором почти точно воспроизводится реальный участник послереволюционных событий, добровольный участник крестьянских восстаний), посвящён периоду становления советской власти: «Годы Гражданской войны Эктов прожил в душевной потерянности: за жестоким междоусобным уничтожением соотечественников и под железной по-

дошвой большевистской диктатуры – потерялся смысл жизни и всей России и своей собственной»⁵. Война делит жизнь и мир Эктова на две части; фактически, она уничтожает его жизнь в мирной логике. Солженицын категоричен и прям в масштабных оценках: «уничтожение соотечественников» как исторический и несомненный факт он соотносит с представлением о «железной подошве большевистской диктатуры». Так осуществляется литературное противопоставление двух миров: праведного (жизнь Эктова до кровопролития) и разрушительно-греховного (герой, следуя голосу совести, идёт защищать растоптанные народные идеалы и уклад): «Павел Васильевич всем своим воспитанием и гуманистической традицией был всегда всей душой против всякого кровопролития. Но теперь, особенно после этого святого народного похода на Кузьмину Гать, соотношение безысходной правоты и неумолимого насилия проступило столь явно, что и правда же: не оставалось крестьянам ничего иного, как поднять оружие» (276). Сочетания «гуманистическая традиция», «против всякого кровопролития», «бессильная правота»⁶ – сгруппированные в авторском повествовании от третьего лица – создают образ «героя-глашатая». Эктов на протяжении всего рассказа остаётся хорошим семьянином, вынужденным пойти на праведное преступление; его мысли о стране и семье выполняют роль этической шкалы, а все события и перипетии сюжета уже располагаются в той или иной степени близости к *одушевлённой точке отсчёта справедливости* – к персонажу с нелёгкой судьбой.

У Аксёнова (в «Московской саге») выведена семья Градовых, также представителей русской интеллигенции; мысль о массовом кровопролитии и этической составляющей «жизни без выбора» лейтмотивом проходит через их судьбы. Обратимся к созвучному литературной судьбе Эктова высказыванию – внутреннему монологу героя романа «Война и тюрьма» Никиты Градова: «Цивилизованные войны, элегантные мясорубки. Суть войны, которой я, мальчик из династии русских врачей, отдал всю свою жизнь, все-таки выявляется здесь, где пленных гонят как грязный скот и при первой возможности просто избавляются от них, все мы знаем как; где идет террор гражданского населения, где мы уходим, за собой поджигая и взрывая все, не думая о тех, кто остался...»⁷. У Аксёнова понятие «цивилизованная война» созвучно сочетанию *цивилизация войны*: окружающую Градова действительность, бытового уклад и культуру взаимоотношений формируют именно кровопролитные конфликты, сопровождающие его семью (и постепенно её уничтожающие – как и у Эктова). Отметим, что интонационный рисунок фразы и лексический состав предложений у Аксёнова, при всей серьёзности тона и значимости высказывания Градова, отличается от стилистики Солженицына. *Размышления Градова максимально персонафицированы* (личное «я», а затем уже «мы»), для него

война и всеобщие потрясения – опыт, в первую очередь, частных потерь и лишений. У Солженицына, наоборот, *персонаж иллюстрирует собой* самое значимое с общественной точки зрения (а затем уже его семья и его боль). Очевидна связь заглавия произведения с судьбой главного героя – героя-иллюстрации – слово «Эго» *срабатывает* как форма авторского отношения к событиям Гражданской войны и крестьянского восстания: «Вместе с главным штабом и Эго был в этих рейдах, и уже привык к такой жизни, конной, бродячей, бездомной, на холодах и в тревоге, в уходах от погони. Стал военным человеком? – нет, не стал, трудно было ему, никогда к такому не готовился. А – надо терпеть. Разделял крестьянскую боль – и тем насыщалась душа: он – на месте» (283). Крестьянская боль рассматривается автором как главная мотивация персонажа-зеркала: Эго – это отражение авторской морали, той самой стратегии поведения, которую в предлагаемых исторических условиях он (автор) считает единственно приемлемой и нравственно оправданной. Оставляющие в памяти главного героя противоречивые воспоминания кровавые «рейды» (операции антоновских повстанцев) таким образом уравниваются этически безупречной мотивацией *абсолютно положительного персонажа*; он и называется автором уже не по имени, а с помощью слова-заглавия. Душа Эктова «насыщалась» той самой «крестьянской болью», отзываясь таким неоднозначным способом на разросшееся чувство вины и ответственности интеллигенции за события, послужившие причиной Гражданской войны. В удивительно созвучной манере тема криминализации целой страны в эпоху становления власти Советов реализуется в «Московской саге».

Персонаж романа «Война и тюрьма» (семантика этого заглавия соответствует разбираемым темам и мотивам) – «знаменитый американский журналист» Тоунсенд Рестон, прибывший в Москву для освещения военных событий, рассказывает своим согражданам в посольстве США о вскрытой им логике загадочной советской власти: «Он начал говорить о событиях всего лишь четырехгодичной давности, о том, как приехал тогда в Москву и как сначала ничего не мог понять, а потом пришел к простейшей отгадке, стал ее прикладывать ко всем сложным советским ситуациям, и все совпало. Отгадка состояла в том, что если страной правит банда, то и все неясности надо объяснять простейшей уголовной логикой»⁸. Так, вечерний разговор иностранцев в столице, к которой приближаются немецкие войска, расставляет столь значимые для всего сюжета смысловые акценты. Мотив криминального перелома (всех систем в сложном живом организме огромной страны) возникает у обоих писателей в отчетливой связи с приходом к власти «банды» большевиков.

Государственный аппарат высшего уровня в художественных мирах Солженицына и Аксёнова изображается как иерархическая машина, по-

требляющая энергию, во-первых, бесчисленных *персональных актов лояльности* и, во-вторых, *тотального страха*, пронизывающего систему насквозь – являющегося главной осью всего «советского» механизма. Обратимся к материалу, который поможет нам обосновать сформулированную гипотезу.

В центре двучастного рассказа Солженицына «На краях» – *история личности* маршала Жукова, сформировавшаяся в эпоху борьбы с антоновским восстанием крестьян (тематическая связка с рассказом «Эго») и переданная читателю как размышления уже находящегося в почётной отставке маршала Советского Союза, занимающегося подготовкой своих мемуаров: «Жуков – рад был, рад был состоять под таким командованием (Тухачевский). Это – так, это – по-солдатски: прежде чем командовать самому, надо уметь подчиняться. И научиться выполнять. И – изымали, сколько нагребли. Отправляли в концлагеря, семьи тоже. Отдельно» (305). В диалоге с самим собой одно из главных действующих лиц исторической драмы Советского государства раскрывает историю собственного подъёма по ступеням властной иерархии; и уже на уровне низших командных должностей он исполнен вдохновения, возглавляя по факту карательный отряд. Характер этого «исторического» персонажа (черты и поступки которого почерпнуты Солженицыным из документальных источников) позволяет пройти вместе с читателем через наиболее болезненные этапы становления государства. Эти эпизоды, выведенные в тексте как «флешбэки» Жукова, способны как включить *внимание* адресата, так и активизировать модальность *соучастия* – спровоцировать сопереживание воспринимающего текст⁹.

Автор создаёт визуально восстанавливаемую (через документально проверяемую серию эпизодов) карту совместного путешествия по «вехам» в советской истории, а проводником избирает главнокомандующего Красной армией во время Великой Отечественной войны. Каждый эпизод воспоминаний маршала – это очередной его шаг наверх и... Смерть, которая сопровождает все его действия. «Построенные» автором эмоциональные реакции Жукова служат катализатором *соучастия* адресата. В большинстве эпизодов иной читательской реакции, кроме как не приемлющей позицию советского военачальника, автор не предполагает. Свою оценку всех событий создатель произведения помещает в «зону *сопереживания* адресата», т. е. выстраивает сюжет таким образом, чтобы факты истории прошли сначала через память престарелого маршала, получили его прогнозируемое «самоодобрение», а уже затем могли быть восприняты потенциальным читателем. Например, таковы воспоминания Жукова об исполненном в своё время приказе Тухачевского, связанном с применением химического оружия против крестьян-повстанцев: «...“Точно рассчитывать, чтобы облако душливых

газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нём прячется. Командующий войсками Тухачевский? Слишком крепко? А без того – больших полководцев не бывает» (306). В аналогичных исторических условиях у героев Аксёнова возникают совершенно отличные чувства. Мы ещё обратимся к образу Жукова, созданному в «Московской саге», а сейчас рассмотрим другой – полужанровый – эпизод возвращения Никиты Градова из лагеря (роман «Война и тюрьма») прямо в генералитет Красной армии.

Этот фабульный поворот становится событием-импульсом для возникновения противоречивых и новых чувств у бывшего зэка, семья которого также была несправедливо разорвана и разбросана по лагерям. Даже эйфория внезапного освобождения и готовность бороться с фашистской агрессией выражаются через наблюдение Градова за «порученцем» верховной власти, принесшем весть о его реабилитации; внутренняя речь героя, его размышление о «гонимости власти» на уровне лексики являет читателю образец тюремного жаргона, отчего сам смысл всей предстоящей Градову службы меняется: «Никита посмотрел порученцу в глаза, там у него уже плескалась сталинская эйфория, джугашвилиевский восторг, гипнотическое счастье от причастности к пахану. Бороться за родину, защищать тем самым кремлевских уголовников, что за страшная и извечная доля! Драться против гитлеровской расовой гегемонии за гегемонию сталинского класса, за хевру!»¹⁰. Аксёновская трактовка череды событий, которые привели страну к Великой Войне, на первый взгляд принципиально отличается от историко-философских оценок Солженицына: наравне с персонажем, имеющим «безупречную документальную биографию» (Жуковым), в «Войне и тюрьме» действует герой с невероятным карьерным скачком: вчерашний зэк, имя которого уже вскоре в разговоре с Берией вспоминает сам Сталин, причём в ряду «благонадёжных» военачальников. Фантастические и даже фантазмагорические гиперболы – один из излюбленных приёмов Аксёнова; но логику истории писатель не искажает, советская власть имела опыт подобных решений об «экстренной» реабилитации. Удивительны не привычные для автора «Московской саги» преувеличения, а очевидные совпадения в оценках двух писателей.

Вся мемуарная история Жукова («На краях») – это путь к Сталину и, после смерти вождя, провальная попытка удержаться на ведущих властных позициях. Личная история маршала замкнута на фигуре первого человека; прямо или косвенно Сталин управляет судьбами и героев Аксёнова. Прочитанные нами внутренние, глубоко личные и даже интимные оценки властной системы, возглавляемой тоталитарным лидером, совпадают у обоих авторов. *Обращение к различным темам, мотивам и образам в произведениях Солженицына и Аксёнова неизменно приводит нас к прямому*

или косвенному влиянию личности Сталина на все формы «советского» бытия.

Будет справедливым от понятия «личность» перейти к понятию «мифы о вожде», поскольку количество документально подтверждённых (преимущественно Солженицын) и созданных авторским воображением (по преимуществу Аксёнов) сюжетов с участием Иосифа Виссарионовича в рассматриваемых нами произведениях значительно. У обоих писателей личность вождя представлена не только в авторских отступлениях и повествовательных отрезках «от третьего лица», но и через систему рассказчиков. Одним из главных посредников между автором и читателем в таких случаях является уже упомянутый маршал Жуков: «(Когда сердился, Сталин не выбирал выражений, мог обидеть совсем незаслуженно, барабанную нужно было шкуру иметь. А погасшая трубка в руке – верный признак беспощадного настроения, вот сейчас обрушится на твою голову.) Но бывали и минуты – поразительного сердечного доверия. И – как теперь написать об этом честно и достойно?» (310). Маршал-мемуарист размышляет о том, что вынужден выбирать те черты вождя, которые впишутся в уже существующий официальный миф. Сама постановка вопросов, адресованных самому себе, означает развенчание пропагандистской модели лидера народов. Автор «не знает пощады» культу Сталина: многочисленные факты и исторические детали разрушают *его* величие (от бытовых деталей до самых важных – государственных – просчётов): «Грянула война – и в эти первые часы своей небывалой растерянности, которой не мог скрыть, – только через четыре часа от начала войны посмели дать военным округам команду сопротивляться, да было уже поздно... Но всё Верховное командование велось наугад» (311). Последовательное развенчание «успехов и достижений» осуществляет не только рассказчик в процессе обдумывания готовящихся мемуаров, но и сам автор: «По полной стратегической и оперативной неграмотности, при никаком предположении о взаимодействии родов войск (в багаже – что осталось от Гражданской войны), Сталин в первые недели войны нараспоряжался беспрекословно, наворотил ошибок, – теперь стал осторожнее» (312). Обратим внимание на лексический состав этого прямого авторского высказывания – оно не предполагает сомнений или исторических альтернатив: «полная стратегическая и оперативная неграмотность», «никакое представление о взаимодействии родов войск», «нараспоряжался». Читателю предложена абсолютная фактологическая истина, а не вариативная, сложная и неоднозначная ситуация начала 40-х гг.¹¹. Интересным будет сопоставление с другим Сталиным – тем персонажем, который создан в творческой лаборатории Аксёнова.

Обращаясь к роману «Москва Ква-Ква», мы обнаруживаем систему персонажей и образов, не просто воссоздающую атмосферу эпохи (послево-

енное время), но полностью *погружающую читателя в пространство советской мифологии*. Герои Аксёнова совершают невероятные лихие перелёты (Моккинаки), подвиги – десятками (Смельчаков), а всевластный лидер СССР из пропагандистской константы превращается в сатирико-абсурдистскую литературную модель. Опасения Сталина по поводу готовящегося убийства из навязчивой идеи разрастаются до полномасштабной фобии, завладевшей умом вождя: «А что если Тито забросит сюда целую замаскированную колонну? Что если начнётся штурм Кремля? На кого можно положиться? На чекистов? Предадут за милую душу. Сталин страдал и даже временами стонал, пугая весь персонал»¹². В процитированном отрывке можно наблюдать, как авторская ирония переходит в саркастическую литературную насмешку. Хорошо известные историкам меры предосторожности и система охраны главы государства усиливаются писателем до уровня абсурдных страхов; в романе создаётся реальность «кривого зеркала», где все предметы приобретают очертания, им несвойственные. Для нашего сравнения важным будет не только аспект *смехового начала*, явно отличающий стилистику Аксёнова от последовательного и основанного на фактах повествования Солженицына, но и *удивительное сходство в идейной основе художественных текстов обоих писателей – советская реальность противостоит естественна, губительна для человека и является созданием искусственным*.

Предложим дополнительную аргументацию нашего тезиса. Культ личности, а точнее, *миф личности* (со всеми его последствиями), ярко и детально воссоздан как у Солженицына, так и у Аксёнова. Различаются лишь средства языковой и литературной выразительности, которыми пользуются литераторы. Из занимающего высший государственный пост человека Иосиф Джугашвили превращается в удивительное явление, в «советское божество». Цитируем рассказ Солженицына «На изломах»: «Смерть Сталина – сотрясла! Не то чтобы считали Его безсмертным, но казалось: он – Явление вечное, и не может *перестать быть*. Люди рыдали. Плакал старый отец. (Мать – нет). Плакали Дмитрий с женой. И все понимали, что потеряли Величайшего Человека...» (410). Мотив всенародного горя об утрате вождя связывается автором именно с чертами *сверхчеловека*, присущими Сталину как до, так и после смерти: «явление вечное», «Величайший Человек». Показательно, что мать Дмитрия не оплакивает вождя, её вера не столь сильна. Именно уход лидера делает его фигуру столь значимой в восприятии стоящих на нижних ступенях советской иерархии граждан.

«Миф Сталина» в романе «Москва Ква-Ква», как мы уже указывали, связан с художественной гиперболизацией и даже пародией на миф; искреннее восхищение вождём автор преподносит через «пылкую интерпретацию» бесконечно преданного вождю поэта Кирилла Смельчакова:

«Он не раз признавался себе, что любит вождя с полной искренностью, проще – он его боготворит. Вместе со всеми миллионами он творит из него Бога. И когда Бог будет полностью сотворен, монстр уйдёт и возникнет новая религия. Пока что мы с ним надираемся по телефону. Ну как тут обойтись без легкой иронии?»¹³. Мы прокомментируем взаимоотношения поэта и вождя чуть ниже (в аксёновской фантазмагии Смельчаков действительно «надирается» с вождём во время телефонных разговоров), а сейчас отметим противоречивую смесь бравурного преклонения и иронии во внутренней речи персонажа. В предложенном отрывке обнаруживает себя авторский приём *удвоения иронии*; мы наблюдаем и признание героя в беззаветном восхищении своим лидером, и сохраняющуюся при этом способность к саморефлексии. Так осуществляется двоякая ситуация: «боготворю, вместе с миллионами» и неизбежное «монстр уйдёт».

Кроме очевидного набора смыслов – в советской данности мир строится вокруг монстра, – в размышлениях поэта есть и мотив «ухода». Этот же мотив появляется в поэме Смельчакова, где выведено мифическое чудовище в лабиринте. Каким может быть уход всемогущего существа, кроме его смерти? Осознание персонажем абсурдной жизненной данности, с одной стороны, и неотвратимости краха такого построения, с другой, сопровождается прямой декларацией иронического подхода («как тут обойтись без легкой иронии?»). Такой художественный приём характеризуется как *постмодернистский*.

При всех различиях в стилистическом рисунке и мотивно-тематических «решениях» Аксёнова и Солженицына, достигающих в своих трактовках исторических событий порой противоположных этических полюсов, всё же *нужно указать на принципиальное сходство в литературной реализации «сталинского мифа*». Не только Аксёнов, но и Солженицын доверяют своим персонажам развенчание пресловутого персонального культа. Вернёмся к сюжетной линии рассказа «На краях» – к процессу создания мемуаров и, соответственно, к внутреннему диалогу маршала Жукова: «Вот тут-то – и главная трудность мемуаров. (Хоть вообще брось их писать?..) Как о главе правительства, Генеральном Секретаре партии и вскоре Верховном Главнокомандующем писать – генералу <...> Участнику той войны – поверить нельзя, как с тех пор Верховного развенчали, балабаны, чуть не оплевали разными баснями...» (310). Горечь осознания конца «срока годности» культа переплетается в сознании Жукова с очевидной приязнью к вождю и временам его величия. Как и у персонажа-насмешки (Смельчаков), у оставшего мемуариста *возникает эмоциональная связь с уходящим временем властвующего мифа*. *Фигура Сталина может рассматриваться как один из ключей к литературному миру рассказа «На краях» и в качестве одной из смысловых до-*

минант воплощённого в изучаемых произведениях «советского эпоса».

Какие же компоненты формируют этот эпос? Какими категориями, кроме всепроникающей личности генерального секретаря, характеризуется феноменология советской власти в произведениях Солженицына и Аксёнова? Если следовать структурной логике советской власти, отображённой в изучаемых литературных произведениях, то от фигуры вождя мы должны проследовать вниз – в согласии с системой управленческой вертикали. Реализовать потенциал почти безграничного влияния на судьбы граждан советского государства народному лидеру помогает класс приближённых – так называемая номенклатура.

Как в произведениях Солженицына, так и у Аксёнова тема «номенклатурного класса» подробно разработана и требует аналитического комментария. Кто же эти *люди особого назначения* и чем их судьба отлична от большинства граждан Республики Советов? Обратимся к роману «Москва Ква-Ква», который с первых страниц знакомит читателя с выдающейся по всем возможным критериям семьёй Новотканых (смысловая символика самой фамилии, на наш взгляд, не нуждается в специальном разборе). Вот какими бытовыми условиями за несомненные заслуги были одарены члены этой «ячейки общества»: «Поговаривали также, что живёт она [Гликерия Новотканая] с двумя своими родителями, т. е. вторым, в восьмикомнатной квартире на восемнадцатом этаже в одном из новых высотных колоссов. Кто-то однажды добавил, что такие квартиры снабжены двумя (!) ванными и двумя (!) туалетами, но этому кому-то тут же советовали помолчать, дабы не расхотелось по городу дурацкие сплетни»¹⁴. Отец Гликерии – «засекреченный научный сотрудник», который разрабатывает сверхмощное оружие, мать – видный общественный и государственный деятель. К образу самой Гликерии мы ещё обратимся, а сейчас отметим, что семья-символ поселена автором в здание-символ (новая «сталинская» высотка). Другой житель этого дома – уже знакомый нам Кирилл Смелчаков – как поэт готов воспевать новый дом, олицетворяющий новую власть: «Нет, ни на что он не похож, этот чертог, и никаким предыдущим урбанистическим стилям он не следует! Это уникальный чертог нашего уникального и величайшего социализма! Только посмотри, какая в нем заключена могучая тяжесть, сопряженная с ощущением неумолимого полета! В нем чувствуется мощный исторический посыл!»¹⁵. Так московская высотка, в которой получает квартиру литератор Кирилл Смелчаков, становится архитектурным поэтизированным символом Советского государства. Наиболее важным для нашего наблюдения в приведённом отрывке является имитация высокопарного стиля; составленный «режимным поэтом» дифирамб, будучи перегруженным официальной лексикой, превращается в пародию на самого себя. Язык

плаката и лозунга в интерпретации сатирика позволяет читателю «от противного» представить картину «быта большинства» в послевоенном СССР.

Для творчества Солженицына конца XX в. тема лексики «специального назначения» также крайне важна. Проводниками или официальными носителями этих маркированных словоформ и сочетаний у классика также являются представители номенклатуры. Однако форма литературной реализации названной темы принципиально отличается от приёмов Аксёнова¹⁶. Обратимся к рассказу «Настенька» (написан в 1993–1995 гг., опубликован в 1995 г.), главная героиня которого начинает преподавать литературу в школе. Такому важному предмету, с точки зрения задач пропаганды, власти уделяют особенное внимание: «...пошло в районо, приехала инструкторша из методкабинета, села, как жаба, на заседании кружка. И – подкосила всю свежесть и смысл, всё вдохновение, и голоса своего не узнать. А вывод жабы был: довольно пережёвывать классику! Факт, что это отвлекает учеников от жизни. Слово “факт” к этим годам стало из самых ходовых, оно звучало неопровержимо и убивало как выстрел» (369). В приведённом отрывке мы встречаемся и с представителем власти, т. е. класса политически подкованных и влиятельных, и с важнейшей лексемой своего времени – с понятием «факт». Ни Настенька, ни её ученики, конечно, не способны понять этот пресловутый факт. Речь «инструкторши из методкабинета» (оценочная форма слова «инструктор» *как бы* проникает в авторскую речь из мыслей Настеньки) – не об историческом или документальном свидетельстве, а о принципах отбора произведений для школьной программы и систем комментирования литературной классики. Мало того, что классовый подход отказывает произведениям «золотого века» в актуальности, он властно требует от учителя и учеников не столько понимания, сколько *верных советскому режиму морально-этических оценок в трактовке художественных текстов*.

В рассматриваемых сюжетах Солженицына и Аксёнова практически все события разворачиваются в обществе, построенном по классовой модели. Верхняя «прослойка» – номенклатура – имеет наиболее строгую внутреннюю структуру, что предполагает точно срабатывающие механизмы социальных лифтов. Попасть в номенклатурные высоты практически невозможно (как в случае с Гликерией Новотканой – это вопрос семейный, т. е. право, данное от рождения); однако любой организм нуждается в обновлении, потому в советской системе особое место занимают молодые «выдвиженцы».

Голос комсомольского организатора студенческой группы, в которой учится героиня рассказа Солженицына «Настенька», транслирует выверенную политическую позицию: «...и наши антиподы по идеологии не дремлют: попутчики

– это литераторы наших вчерашних врагов и завтрашних мертвецов, у них реакционное нутро, и они клеветнически искажают революцию, и тем опасней, чем талантливей они это делают. А литература не предмет наслаждения, но поле борьбы <...> Окопы наших литературных позиций не должны зарости чертополохом! И мы, молодёжь, – все мы Октябrevичи и Октябrevны, – тоже должны помогать устанавливать единую коммунистическую линию в литературе. Сколько бы ни пугали нас меланхолические беллетристы, основной тон нашего молодняка – бодрость, а не уныние!» (360). Virtuозное фехтование властной терминологией, которая в обращении молодого «выдвиженца» приобретает все черты наступательного оружия, заставляет героиню Солженицына оцепенеть. Её состояние подобно гипнотическому восторгу. «Октябrevичи и Октябrevны», которые держат «коммунистическую линию» обороны в литературе (и, конечно, в способах её интерпретации), получают право решающего голоса. За словоформами скрываются вполне конкретные социальные роли. Именно среди носителей нагромождённых в речи организатора студенческой группы номинаций и будет проводиться отбор, маркированные этими «понятиями режима» молодые кадры получают шанс оказаться в категории высших слоёв общества.

В двучастном рассказе Солженицына «На изломах», который «покрывает» сразу несколько периодов развития советского строя, читателю явлен принцип столь интересного нам выдвижения – пути вверх по вертикали, дающей молодому человеку возможность прийти к власти: «Все замечают, что ты по природе динамичен, что ты подаёшь самые быстрые предложения, как с чем быть коллективу; что твои мнения одерживают верх над другими. Так – садись в президиум собрания! Сделаешь доклад? Отчего бы и нет? И слова в речи легко сцепливаются. Кого там поддерживать, кого разоблачать? И ребята аплодируют. И за тебя голосуют. И так это гладко, само из себя: комсомольский вожак» (406). Несобственно-прямая, внутренняя речь Мити Ямцова (которая сформулирована таким образом, что не может быть отделена от авторского высказывания в третьем лице) формирует в сознании читателя динамическую картину карьерного роста. Происходит это за счёт коротких назывных фраз-воспоминаний, что также даёт создателю текста необходимую для характеристики ещё не полностью «политически окрепшего» мышления молодого комсомольца.

Деятельность выдвиженца по линии партии – новой и абсолютной элиты советского государства – одна из центральных сюжетных линий романа Аксёнова «Москва Ква-Ква». Поставим, в соответствии со сделанным выше анонсом, в центр нашего внимания образ Гликерии Новотканой: «Между прочим, Глика (полное имя – Гликерия) и сама вносила свой веский, хоть и юный, вклад в первостатейную семейную устойчивость. Будучи

комсомольским лидером студенческого потока на журфаке МГУ, да к тому же первозрядницей по гребле на байдарках, она ничего, кроме стопроцентного одобрения, не снискала в том высотном дворце, который с Ленинских гор ежечасно посылал привет своему собрату в междуречье Москвы-реки и Яузы»¹⁷. Параллельное рассмотрение текстов двух исследуемых нами авторов позволяет заявить о сходстве используемого писателями художественного инструментария. Как и Солженицын, Аксёнов сознательно перегружает предложение официозной лексикой: «первостатейная семейная устойчивость», «стопроцентное одобрение», – а также пародирует саму логику одобренного режимом высказывания: «внести – вклад», «быть – первозрядницей», «снискать – одобрение».

Существенная разница, а скорее, даже противоречие, между рассматриваемыми образами молодых выдвиженцев заключается в уровнях задаваемой авторами эмоциональной напряжённости (мы говорим о таком уровне интерактивного потенциала произведения словесности, как *соучастие*). Если у Солженицына приём *стилистической пародии* формирует образ представителя власти («инструкторша из методкабинета»), полностью уничтожающего внутренний порыв молодого преподавателя, – картину трагическую, то у Аксёнова этот же приём, за счёт гиперболизированного и даже абсурдистского объёма официозных лексем (а также с помощью игровых сравнений – «высотный дворец, который с Ленинских гор ежечасно посылал привет своему собрату...»), позволяет достичь обратного художественного эффекта. «Советская» лексика у Аксёнова является основой для формирования, на уровне читательского *внимания*, иронико-сатирической позиции автора. Но на этапах более близкого знакомства с персонажами и тематическими линиями (уровень *соучастия*), когда общая картина созданной в романе литературной реальности начинает складываться в читательском сознании в стройную систему, столь любимый Аксёновым стилистический приём «срабатывает» уже как форма проявления свободы от болезненных переживаний – через сатирическое осмеяние, последовательно доводящееся до абсурда. Уточним сформулированное положение.

Авторское сознание вынуждено мириться с тем опытом, который является объективным, т. е. с теми образами (и с *провоцируемыми* этими образами эмоциями), которые остались в памяти как результат событий (раздражителей) из реального прошлого. Однако в *другой реальности*¹⁸ – в художественном мире словесности – в рамках вымышленного опыта, не имеющего прямой связи с объективным прошедшим, авторскому сознанию не обязательно держать себя в каких-либо границах (это уже вопрос выбора, а не здравого смысла, как в первом случае). *Воссоздание картины «советского» в литературных произведениях*

Солженицына осуществляется в рамках авторской стратегии максимально точного отображения фактологически оправданных образов и эмоциональных реакций (как автора, так и всего «населения» литературного мира). Писатель не случайно перепроверяет все данные, лежащие в основе своих художественных сюжетов, вводит в пространство повествования максимально возможное количество исторических персонажей (или имеющих прототипов) и прорабатывает реалистичную мотивировку действий героев¹⁹. Художественное начало произведений Аксёнова, напротив, предполагает полную свободу от обязательств реализма и поисков «исторической правды». Исторические деятели в прозе «шестидесятника» могут в одночасье обрести фантастические черты, совершить никак и ничем, на уровне внимания, неоправданные поступки, даже шокировать настроенного на соблюдение формальной логики читателя. Таким образом, автор, готовый к активному диалогу, осуществляет идентификацию по принципу «свой – чужой»: готового только на поверхностные реакции внимания (смех, удивление, несогласие) читателя ждёт фантастическое повествование о героях, иногда получающих имена из учебника истории России, а порой и внешне напоминающих своих прототипов, но не более. Для читателя, готового на сопереживание, автор готовит целый набор скрытых смыслов, рассчитанных на хорошее знание того самого учебника – и не только истории; текст, как семантический лабиринт, требует обширного читательского опыта. Восприятие авторской стратегии Аксёнова как подсознательное (или какое-то иное по своей природе) желание уйти от советского опыта и создать картины фантазмагорической Москвы 1950-х²⁰ может быть свидетельством неглубокого погружения в художественный мир, созданный писателем. Скоропалительное предположение о том, что автор в целом ряде эпизодов романа попросту не сверился с архивом, конечно, было бы наивным. Все стилистические и сюжетные гиперболы «кодируют» свой набор глубинных смыслов.

Продолжая параллельный анализ произведений Солженицына и Аксёнова, проиллюстрируем важнейший для нашей работы тезис о принципиальной разнице в авторских стратегиях писателей, столь точно соответствующих друг другу в серии исторических прототипов и тематических интересов. Среди последних необходимо выделить мотивно-тематический комплекс, который мы условно назовём «писатель и вождь». В контексте двух «советских» миров, воссозданных в исследуемых произведениях, особо важное место занимает тема творческой службы режиму и мотив личного внимания главы государства к литератору, в меру таланта поддерживающему и развивающему «советский эпос».

Тема личного – даже дружеского – знакомства Сталина и писателя раскрывается у Солженицына в двучастном рассказе «Абрикосовое

варенье»: «А Писатель, это всем ясно, в каком-то личном фаворе у Сталина. Не говоря о тесных отношениях с Горьким» (382). В этом рассказе выведен «Писатель», всеми внешними чертами напоминающий Алексея Толстого, а его высказывания являются авторским парафразом тезисов выступлений, статей и произведений этого реального исторического лица. Герой Солженицына не только живёт в роскошных условиях, но и имеет индивидуальную возможность выезда за границу, что делает его жизнь недостижимым идеалом и даже фантастикой для советского обывателя. Его олицетворяет Фёдор Иванович – контрастирующий образ человека из масс. Первое предложение рассказа, одна из главных тем которого связана с литературным трудом и «обслуживанием» советской власти литераторами и критиками, может быть воспринято как прямое авторское обращение к читателю (письмо Фёдора Писателю): «... Нахожусь я в ошалелом рассудке, и если что не так напишу – вы всё ж дочитайте, пустого не будет. Мне сказали – вы знаменитый писатель» (373). Максимально реалистичная картина советских столовых, тюрем, заводских (отнюдь не добровольных) работ, военкоматов и комиссаров – созданная в «Абрикосовом варенье» – может служить примером документального подхода, лежащего в основе авторской стратегии Солженицына. Здесь Писатель «в каком-то личном фаворе у Сталина», но на этом художественном свидетельстве, оставленном на уровне логических заключений («почести» такого уровня попросту нельзя было получить без личного согласия вождя), автор и реализует тему «писатель и вождь». Более обширного исторического материала, документально подтверждающего детали и подробности возможных личных встреч Сталина и Толстого, нет, а значит, и художественное воображение может «работать» в имеющихся рамках. Обратимся к прозе Аксёнова, где также раскрывается интересующая нас тема.

Вот так происходит знакомство Сталина с творчеством перспективного поэта, героя войны (роман «Москва Ква-Ква»): «Он умолчал о том, что третьего дня на пиршестве у Микояна он преподнес вождю сборник стихов Смелычакова под титулом “Лейтенанты», вперед!”». Здесь вы, Иосиф Виссарионович, найдете героев нашего времени, поколения победителей. Сталин полистал книжечку, попыхтел в трубочку, потом произнес тост: за поколение лейтенантов, за поколение победителей!»²¹. Снова отметим реализацию приёма лексической пародии и сознательно провоцируемого автором стиливого диссонанса: просоветские понятия («герои нашего времени» и «поколение победителей») контрастируют с уничтожительными для всевластного лидера СССР «полистал книжечку» и «попыхтел в трубочку». Ироническое начало в изображении фигуры, наводившей трепетный ужас на подчинённых и врагов, переходит у Аксёнова в прямую сатиру и даже буффонаду: «У Сталина к старости стали

проявляться разные чудачества, и одним из таких чудачеств была его склонность к Кириллу Смелчакову, вернее, его уверенность в том, что на эту полуполулегендарную личность можно полностью положиться, что он в лихую минуту отбросит все свои дела, включая и женщин, и придет на помощь народной легенде, т. е. Сталину Иосифу Виссарионовичу, 1879 года рождения»²². Обратим внимание на художественный приём, позволяющий автору достичь сатирического эффекта: совершенно фантастические подробности жизни вождя, «приписанные» ему в романе, находят *псевдоподтверждение* в заключительной части предложения – «то есть Сталину Иосифу Виссарионовичу, 1879 года рождения». Таким образом, *происходит двойное самопровержение*: мало того, что Сталин положился во всём на одного поэта (преувеличение на уровне *фабулы*), так читатель ещё и получил справочное указание на того самого Иосифа Виссарионовича, который действительно возглавлял страну (*стилизация псевдодокумента*). Поверить в анкетную формулу «ФИО и год рождения» читатель уже никак не может. *Пласт смешного* выводит внимание воспринимающего текст *на уровень абсурда*, а такое авторское решение уже не может быть рассчитано на положительную реакцию осмеяния; оно заставляет задуматься об истинной цели автора, который заводит *сопереживающего* читателя в тупиковый коридор своего же литературного лабиринта.

Понять, какой цели в художественном мире Аксёнова служит обнаруженный смысловой тупик, нам поможет внимание к сюжетному развитию темы «писатель и вождь» в романе «Москва Ква-Ква».

Дружба Сталина и Смелчакова раскрывается читателю в диалогах поэта и лидера советского режима, выходящих за рамки всех возможных формальностей (реплика вождя в ночном телефонном разговоре): «Послушай, Кирилл, мы с тобой наедине по-дружески говорим глубокой ночью. Нас никто не слышит. – Он покашлял со смешком. – Никто, кроме маршала Тито, может быть. Ну и пусть слышит, кровавая собака. Пусть знает, что я по ночам говорю со Смелчаковым, с другом. Знаешь, в таком интимном разговоре называй меня просто Иосифом»²³. Подобной фамильярности нельзя предположить даже в самых смелых исторических ретроспективах – Сталин настолько доверяет незнакомцу-Смелчакову, что переходит с ним «на ты». Интимный телефонный диалог, по мнению вождя, никто не слышит, кроме «маршала Тито», которого воображение аксёновского генерального секретаря наделило демоническими чертами. Полная фантазмагория и сознательный логический (сюжетно-стилевой) коллапс можно понимать как способы воссоздания атмосферы токсичного страха, полностью преобразившего все человеческие отношения и формы деятельности. *Художественная материя* у Аксёнова *приобретает все черты антиматери*;

человеческие отношения и эмоции, суждения и поступки становятся абсурдными и противостественными; так в произведении отразилась картина реального советского прошлого. И в *стремлении к этой художественной цели (расматриваемой в качестве компоненты авторской стратегии), как ни парадоксально, совпадают два столь уникальных и самобытных писателя, как Солженицын и Аксёнов.*

(Окончание в следующем выпуске)

Примечания

- 1 Мы имеем в виду ослабление цензурного прессинга в период перестройки (с 1986 г.), а также упразднение Главлита и принятие Закона РФ «О средствах массовой информации» в 1991 г.
- 2 См.: *Прозоров В.* До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 9–29.
- 3 См. официальный сайт, посвящённый жизни и творчеству Солженицына – <http://www.solzhenitsyn.ru/bibliografiya/>; с биографией Василия Аксёнова дела обстоят иначе – среди множества источников можно выделить лишь авторитетный ресурс, собравший журнальные публикации писателя («Журнальный зал»): <http://magazines.russ.ru/authors/a/aksenov/>.
- 4 Роман «Москва Ква-Ква» опубликован в 2006 г., роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» – в 2004 г. (получил премию «Русский Букер»), трилогия «Московская сага» – в 1992 г. На первом плане в нашей работе – роман «Москва Ква-Ква», который можно считать если не прямо полемичным по отношению к солженицынскому восприятию советской действительности, то, по крайней мере, выражающим принципиально иной взгляд на этот период в истории нашего государства и «расставляющий» подчас диаметрально противоположные оценки.
- 5 *Солженицын А.* Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2013. С. 272. Цитаты из произведений Солженицына далее приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках. Орфография автора сохранена.
- 6 У Солженицына – «безсиловая».
- 7 *Аксёнов В.* Московская сага : роман : в 3 кн. Кн. 2 : Война и тюрьма. М., 2010. С. 171.
- 8 Там же. С. 33.
- 9 О модальностях внимания, соучастия и открытия и интерактивных потенциалах художественного произведения см.: *Прозоров В.* До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. С. 9–29.
- 10 *Аксёнов В.* Московская сага. Кн. 2. С. 72–73.
- 11 В чём любой пылливый читатель Солженицына может убедиться, обратившись к комментариям, подробно представляющим масштабную подготовительную работу Солженицына и реальную фактологическую базу его «литературных» событий.
- 12 *Аксёнов В.* Москва Ква-Ква. М., 2011. С. 32.
- 13 Там же. С. 101.

- ¹⁴ Аксёнов В. Москва Ква-Ква. С. 9.
¹⁵ Там же. С. 39.
¹⁶ Обнаруживаемых нами в рамках исследовательского материала.
¹⁷ Аксёнов В. Москва Ква-Ква. С. 8.
¹⁸ См.: Прозоров В. Другая реальность : Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005.
¹⁹ О принципах литературной работы А. И. Солженицына см. комментарий к используемому здесь собранию сочинений, а также богатый литературоведческий раздел официального сайта, посвящённого жизни и творчеству писателя: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/.
²⁰ Чем и отличились некоторые литературные критики. Не будучи связанными исследовательской целью изучить критику об Аксёнове системно, предложим ввести на сайте «Журнального зала» (<http://magazines.russ.ru>) запрос «Москва Ква-Ква», что позволит познакомиться с огромным количеством разномасштабных критических откликов и с самим текстом романа.
²¹ Аксёнов В. Москва Ква-Ква. С. 16.
²² Там же. С. 31.
²³ Там же. С. 33.

Образец для цитирования:

Суворов А. А. Анатомия «советского» в литературном процессе конца XX – XXI веков : А. И. Солженицын и В. П. Аксёнов (Часть I) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 428–438. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-428-438.

УДК 821.161.1.09-3+929Пелевин

ВИКТОР ПЕЛЕВИН И «МОСКОВСКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ»

О. В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Статья посвящена анализу раннего творчества В. Пелевина, представленного в сборнике «Relics. Раннее и неопубликованное». Сопоставляются ранние и поздние произведения писателя и намечается вектор творческой эволюции прозаика. Апелляция к практикам представителей «московского концептуализма» позволяет обнаружить связи между ранним творчеством Пелевина и тактиками «московских концептуалистов».

Ключевые слова: современная русская проза, постмодернизм, концептуализм, В. Пелевин, В. Сорокин.

Victor Pelevin and 'Moscow Conceptualism'

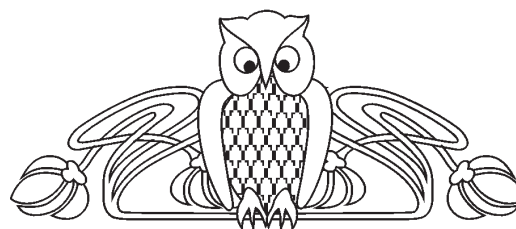
O. V. Bogdanova

The article analyzes the early works of V. Pelevin from the collection *Relics. Early and unpublished*. The author compares the early and late works of the writer and outlines the vector of his creative evolution, finds common ground between different texts of the writer. The author of the article refers to the practices of 'Moscow conceptualism' and outlines the connection between this tactics and Pelevin.

Key words: contemporary Russian prose, postmodernism, conceptualism, V. Pelevin, V. Sorokin.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-438-443

Сборник В. Пелевина «Relics. Раннее и неизданное» появился в 2005 г., когда прозаик был уже не просто известен, но стал культовым писателем целого поколения – так называемого «поколения П», когда уже были написаны «Чапаев и Пустота», «Generation "П"», «Священная книга оборотня», «Шлем ужаса» и многое другое. Между тем в

сборнике «Relics» (Реликвии) Пелевин представил на суд читателя то, что составляло его первые «пробы пера», действительно «раннее и неизданное». С точки зрения литературоведческой науки сборник оказался необыкновенно ценным и интересным – не потому что в нем содержались лучшие (ранее неизвестные) рассказы, но потому что они составили, пользуясь выражением С. Бочарова, «нулевую страницу» творчества писателя. Исследователям Пелевина выпала редкая возможность уже при жизни художника, в период его творческого расцвета, сравнить и сопоставить «что было» и «что стало», проследить истоки и направление его творческой эволюции.

В данной статье на материале сборника «Relics» выдвигается предположение, что ранний этап творчества Пелевина во многом был связан, или ориентирован, на практики «московского концептуализма», в число представителей которого анализируемый писатель не входил, но который со всей очевидностью отталкивался от концептуалистских стратегий, пытаясь найти им место в собственном творчестве.

Среди первых в сборнике оказывается рассказ «Колдун Игнат и люди», о котором известно, что он был первым опубликованным рассказом начинающего писателя¹. Обращает на себя внимание то, что рассказ «Колдун Игнат и люди» располагается в самом начале сборника, но не является первым. Он помещен в раздел «Рассказы» (второй раздел сборника составляют «Эссе»), однако перед ним оказывается «стихотворный» сонет «Пси-

хическая атака», который, как известно, должен был быть включенным в текст романа «Чапаев и Пустота» (о чем сигнализирует его «авторство» – подписи Петр Пустота).

Сонет «Психическая атака» заслуживает внимания уже только потому, что обнаруживает «зависимый» характер раннего творчества Пелевина, в частности, со всей определенностью – от художественных практик «московских концептуалистов». Данное утверждение может показаться необоснованным, ибо известно, что Пелевин никогда не примыкал ни к какому литературному содружеству, не входил ни в одно литературное объединение. Однако опыт визуализации ранней поэзии Пелевина дезавуирует стремление начинающего (тогда) поэта оказаться в среде модного и эпатажного экспериментаторства концептуалистов и соцартистов.

Хорошо известны практики «московских концептуалистов», относящиеся к концу 1980-х гг., и, в частности, работы художника и поэта Д. А. Пригова, который совмещал в своем творчестве визуальное и вербальное, создавал характерные для него «опусы» и «стихограммы», в которых зрительный ряд был не менее значим и существен, чем уровень содержательный. Пробелы между словами помогали Пригову не только акцентировать смысл отдельных слов и строк, но графически выстроить образ-рисунок межстрочия, когда пробелы образовывали геометрические фигуры, выписывали знаковые слова-концепты. Например, стихограммы «Яма», «Эти цветы», «Перестройка и законодательство» и многие другие.

Одним из важнейших приемов концептуального искусства было (и остается) опредмечивание метафоры, реализация и материализация поэтической сущности стихового образа. Именно эту стратегию и использовал Пелевин, создавая сонет «Психическая атака». Он отталкивался от строк В. Маяковского «Я вывожу страниц своих войска...», предпослав их тексту сонета в качестве эпиграфа, и располагал на белом и пустом (принципиально важном для концептуалистов) листе строй рисованных компьютерных солдатиков, ритмически организующих и поэтически структурирующих чистое страничное пространство. Наряду с порождением ритма стихотворного повествования (условно – вербальной сущности стиха), строй вооруженных солдатиков конструировал визуальный абрис звезды, можно уточнить – советской звезды, приближенной как ко времени революционизированного Маяковского, так и к действию романа «Чапаев и Пустота», порождая множественность семантических ракурсов и концептуальных философем, прочитываемых в тексте (и за текстом) сонета.

Собственно отдел рассказов открывала прозаическая «сказочка»-притча «Колдун Игнат и люди». Важность рассказа для творческого становления Пелевина очевидна – в нем заключены определяющие, характерологические доминанты

всего последующего творчества писателя, его важнейшие константы, сущностные интенции, многие ключевые понятия, образы и мотивы. И что еще более важно – своеобразие авторской позиции, необычность взгляда художника на мир, характерный для Пелевина акцент на субъективных мировоззренческих слагаемых.

В рассказе (за)главным героем оказывается колдун Игнат, рядом с которым герой-антагонист, протоиерей Арсеникум. Расстановка и выбор персонажей «первично» философичны: колдун и священник, язычник и человек верующий, одиночка и представитель некоего людского сообщества (один из «людей», упомянутых в названии рассказа). Априорная аксиология персонажей должна быть очевидна: духовное лицо всегда полагается носителем позитивного начала, язычник-колдун – негативного. Однако традиционная антиномия у Пелевина переворачивается, оказывается смещенной и неоднозначной.

Арсеникум пришел в гости к Игнату, и последний хлопчет с самоваром. Исходная позиция как будто бы выглядит добрососедски, дружественно «веротерпимой» – лишенной конфронтации. Более того, Арсеникум приходит за тем, чтобы показать Игнату некие собственные сочинения («Глянь-ка, чего я написал!»²), т. е. герой-протоиерей выражает доверие невоцерковленному колдуну. И тот принимает из рук Арсеникума «папку красного картона» с «откровениями» святого Феоктиста: «Люди! – сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. – Христос явился мне, истинно так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло» (8).

Любопытно, что из текста не ясно – что же «не вышло»: извиниться Христу или донести его извинения св. Феоктисту. Построение фразы семантически туманно. Но оно очевидным образом связано с протоиереем Арсеникумом: намерение Игната прочесть откровения св. Феоктиста вслух повергает Арсеникума в ужас: «Что ты! – испуганно зашипел протоиерей. – Про себя!» (8). Шепот-шипение героя становится знаком того, что либо Арсеникум изложил в «Откровениях» собственные потаенные крамольные мысли, либо боится быть кем-то услышанным.

Вслед за откровением св. Феоктиста Арсеникум показывает Игнату вполне светское изложение истории сумасшествия и смерти некоего Михаила Ивановича, а третий «листок» из красной папки содержит почти постмодернистическое изложение истории о смерти таракана Жу. Во всех трех случаях резюмирующие сентенции Игната, знакомящегося с историями-откровениями, сводятся к глубокомысленной фразе «Неспроста это» (8), «...точно, неспроста» (9).

Обращение Арсеникума с такого рода повествованиями-историями к Игнату выводит последнего из круга обычных людей, настаивает на восприятии образа умного и рассудительного человека, которому можно довериться.

При этом и личность Арсеникума не выглядит ограниченной: очевидно, что герой умеет выйти за пределы неких означенных границ, имеет нечто, что сокрыто в его личностном сознании. То есть в рассказе сводятся два умных и неординарных персонажа, но поведение Арсеникума и его постоянное развязное подхихкивание и нахальное подмигивание (8, 9) снижают образ протоиерея. А когда выясняется, что приход Арсеникума к Игнату был провокацией (или видимостью провокации, так как прочитанные истории Арсеникума, кажется, действительно отражали сущность его смущенной души), то образ протоиерея и вовсе утрачивает положительные коннотации. Изначально предположительные «плюс» и «минус» по-постмодернистски легко меняются местами: симпатии сосредоточиваются на образе язычника-колдуна.

Однако очевидно, что целью Пелевина не было развенчание «богобоязненного» Арсеникума и прославление колдуна Игната. В противостояние двух героев вклиниваются люди, «какие-то мужики в овчинах», которые скрывались за дверью, «пряча ржавые большие топоры» (10), чтобы улучшить момент и убить колдуна: «Всем миром решили. Мир всегда колдунов убивает» (10). Рассказ переходит в иной регистр – повествование наполняется ироническими (и комическими) нотками: мужики пришли исполнять уговор всего мира, но, отвечая на вопрос Игната «Чего вам надо, а?», стоят «стесняясь и переминаясь с ноги на ногу» и отвечают ему по меньшей мере со смущением: «Вот <...> убить тебя думаем» (10). Злодеи, огромные и бородатые, чем-то напоминающие образ вожатого (будущего Пугачева) в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, предстают в образе провинившихся детей, застигнутых родителями или воспитателями. На фоне смущенных бородачей колдун Игнат предстает фигурой много более значительной и авторитетной.

Однако эта рокировка была нужна Пелевину и для того, чтобы высказать мысль и смоделировать ситуацию, которая станет инвариантной и стержневой в последующих текстах писателя: «Мир, мир... – с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, – мир сам давно убит своими собственными колдунами» (10). И разрешается данная философическая сентенция неизменно в иронико-постмодернистском ключе: «Тьфу ты, – сплюнул протоиерей и перекрестился. – Опять не вышло... – Так-то разве убьешь, – сказал кто-то из мужиков, сморкаясь в рукав. – Икону надоть» (10).

«Relics» обнаруживает, что уже в первом рассказе Пелевин опробует ситуацию, которая в отчетливо прописанном виде предстанет в романе «Чапаев и Пустота», в том его анекдоте, который составит зерно романного текста – об изрядно напившихся Чапаеве и Петьке, которые столь хмельны, что не видят друг друга и, следовательно, по их мнению, «хорошо замаскировались», т. е. оказались невидимыми для преследователей-

белогвардейцев. Таким образом, как и в случае с «Психической атакой», сборник «Relics», с одной стороны, свидетельствует, что важнейшие тексты Пелевина рождались одновременно с ранними рассказами, в рамках которых «тестировались» определенные романские ситуации. С другой стороны, текст «Колдуна Игната...» актуализирует тактику концептуалистов, когда писатель и его герой сознательно смещают ракурс восприятия действительности с объективного на субъективный, доверяя не рациональному, но интуитивному.

Особого внимания в сборнике заслуживает рассказ «Водонапорная башня». Текст по-своему удивителен, так как написан одним предложением. В истории литературы хорошо известны не только рассказы, но книги, написанные одним предложением (например, известная книга «Хотят ли русские войны» состоит всего из одного слова-предложения: «Нет»). Однако Пелевин – наоборот – пишет рассказ одним, но едва ли не бесконечно сложным, многосоставным предложением, которое растягивается почти на 14 книжных страниц. А для героя рассказа оказывается длиною в целую жизнь.

Хорошо известно, что пример описания человеческой жизни одним словом, точнее, одним эпитетом – прилагательным «нормальный» – принял в одной из частей романа «Норма» концептуалист В. Сорокин. В нем жизнь некоего героя начиналась со словосочетания «Нормальные роды», а заканчивалась словами «Нормальная смерть». Вполне допустима мысль, что толчком к созданию рассказа-предложения Пелевина вновь послужили практики «московских концептуалистов» и, скорее всего, непосредственно «Норма» Сорокина.

Водонапорная башня, видимая из окна комнаты героя-повествователя, служит толчком для рассуждений рассказчика, что и формирует сюжет повествования, в котором со всей очевидностью обнаруживают себя знакомые пелевинские идеи и образы. Водонапорная башня становится точкой отсчета для множественных наблюдений-размышлений героя-повествователя, открывает жизнь-описание и ею же завершается, создавая кольцевую композицию. Каждая новая мысль или суждение рассказчика-повествователя как бы достраивают эту башню, возводя на ней еще одно кольцо, которое возносит башню до самых небес: «...любая башня или даже труба сначала строится таким образом, будто должна подняться до самого неба, чем обязательно завершилось бы простое добавление новых кирпичных колец изо дня в день, если бы не решение строителей уйти, приводящее к тому, что какой-то кирпич обязательно становится последним...» (48). Образ башни оказывается неким эпицентром, вокруг которого возникают концентрические круги авторских суждений, создаются воображаемые спирали писательских жизненных наблюдений.

Повествование в рассказе организовано сознанием героя, до известной степени могоущего

быть alter ego автора. Кажется, что авторский персонаж смотрит из своей комнаты в окно и наблюдает за строительством водонапорной башни. Однако дата, которую выкладывают солдаты-строители на вершине достраиваемой башни, выходит далеко за пределы возраста автора и не соответствует хронологическим рамкам современной Пелевину действительности. Автор как бы сдвигает вертикаль времени, беря за некий условный ориентир (возможно, случайную дату, виденную на некой башне) 1928 год.

Смещение временной шкалы приводит к тому, что «авторский» персонаж, моделирующий (строящий, подобно башне) свою жизнь, по-постмодернистски ломает хронотоп, оказывается в реальности иной действительности, чем та, в которой мог бы оказаться автор – не в современной Пелевину Москве, не в постреволюционной столице, но (условно) в Москве 1950–1960-х гг. Знаковыми чертами изображаемого времени становятся детское увлечение героя самодельными моделями планеров («бесконечно длинным летним днем буду наклеивать полоски сиреневой папиросной бумаги на узкие фанерные крылья»), школьные уроки по географии (с рассказами «о так называемых материках, возвышающихся над серыми пространствами океанов») или минуты, «когда ты идешь по грязной улице со своей коллекцией спичечных коробков и размазываешь по лицу соплю пополам с кровью, а тебе вслед орут все те, кто уверенно чувствует себя среди этих косых заборов, обещая вломить тебе завтра еще разок так же безнаказанно, как сегодня...» (50). Несколько психологически точными мазками Пелевин рисует детство героя, заставляя домыслить недостающие до полноты картины детали. Более того, уже опубликованные рассказы писателя как бы дописывают сценическое действие «Водонапорной башни», заполняют возникающие в тексте пустоты. Так, упомянутое в рассказе пионерское лето, когда разновозрастные дети «стоят шеренгой перед пионерлагерными бараками и шуруются от бьющего в глаза света, глядя кто на ползущий вверх по шесту флаг, кто на кота, крадущегося по уже горячим жестяным листам на крыше столовой», с упоминанием об отбое с его страшными историями «о синем ногте в котлете» (50), отсылает к детально прописанным «пионерским» рассказам первого опубликованного сборника Пелевина «Синий фонарь», точно воссоздающим атмосферу советских пионерлагерей названного периода.

Концентрические круги вокруг «очертаний водонапорной башни» разрастаются, и постепенно память героя-повествователя фиксирует моменты уже юности, взросления, которые воспроизводятся словно бы через знакомый эпизод из фильма 1950-х, когда улыбающийся советский паренек вскакивает на подножку мчащегося в некое светлое будущее трамвая. Правда, герой Пелевина оказывается пронизательнее романтика

времен «хрущевской оттепели» и понимает, что «чем быстрее тот [трамвай] едет, тем труднее будет спрыгнуть и пойти своей дорогой...» (51). Свидетелями и знаками взросления наблюдательного героя становятся и иные кинематографические аллюзии-эпизоды: и фраза о том, что «хоть Утесов поет, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет, люди пропадают целыми оркестрами, так и не дошагав туда, куда они шли...» (52), пробуждающая в памяти фильм «Веселые ребята», и звучащая мелодия «Утомленного солнца», и строка из названия советского фильма «Если завтра война». Краткие, но точные отсылки писателя к знаковым реалиям (в данном случае – к общеизвестным советским фильмам) позволяют воссоздать не только судьбу героя, но судьбу целого поколения советских людей, на которое выпали жестокие испытания. На фоне самобытной попытки выписывания судьбы средне «нормального» человека в «Норме» Сорокина Пелевин еще более кратко, но и более точно выписывает биографию не одного, но многих, не единиц, а целого поколения. Если задача Сорокина состояла в воспроизведении «нормы» жизни советского человека, то намерение Пелевина преодолело концептуалистскую практику социальной иронии и было обращено к конструированию черт жизни типичного героя своего времени. Пелевин словно бы играет в те же игры, что и концептуалист Сорокин, но его герой формируется иначе. Пелевинский характер – это не обычный, как все, не примитивный и малоинтересный советский ординарный гражданин, но образ героя мыслящего, осознанно воспринимающего свою жизнь и жизнь окружающих, умеющего увидеть, что «оставленный на минуту в покое человек может вдруг оказаться так далеко от оставивших его в покое, что те найдут на его месте кого-то другого...» (54). Кажется, избирая ту же игру, что и концептуалист Сорокин, Пелевин словно бы устанавливает иные правила: не отвергает то, что видит вокруг себя, но принимает, не судит обычных и малоинтересных людей, но старается понять и принять их; его выигрыш (или проигрыш) оказывается не снижено-ироническим или сатирическим, но нестрогим философским, гуманизированным в самом точном смысле слова. Сборник «Relics» показывает, что несоединимость творческих принципов Пелевина и стратегий «московских концептуалистов» была эксплицирована уже на раннем этапе его творчества, «внутренняя» конкуренция начинающего писателя с Сорокиным свидетельствовала не о сближении, но о расхождении их творческих тактик.

Образ башни, которая могла быть построена до небес, порождает в тексте аллюзию на образ библейской Вавилонской башни, которая станет предметом осмысления писателя в романе «Generation “П”», с его раздумьями о междуречье и о зиккурате. На этом фоне прозрение героя, что смерть настигает человека тогда, когда он «на-

чинает принимать треугольное слуховое окно на маленькой зеленой крыше за глаз, который глядел на него с рождения» (60), эксплицируя образ «всевидящего ока», обнаруживает еще одну грань «связи» с концептуалистами. Два образа-символа, накладываясь, заставляют вспомнить о «мастерских» и «орденских сообществах» «московских концептуалистов» и вновь приводят к мысли о возможных сопоставлениях между ними и Пелевиным.

Рассказ «Музыка со столба», вошедший в «Relics», актуализирует мотив «глухов», вызванных у героев грибами-мухоморами. Ограниченные в денежных средствах, лишённые возможности привычным образом – с бутылки водки – начать рабочий день, герои-рабочие прибегают к народному средству – к мухоморам. Все последующее содержание рассказа в конечном счете сводится к истории возникновения в сознании (точнее, в бес-сознании) героев «музыки со столба». После поглощения какого-то количества свежесобранных мухоморов «историческая координата момента» (110) смещается для героя по имени Матвей. «Постепенно окружающие предметы потеряли свою бесчеловечность, мир как-то разгладился, и вдруг произошла совершенно неожиданная вещь»: «Что-то забитое, изувеченное и загнанное в самый глухой и темный угол Матвеевой души зашевелилось и робко поползло к свету, вздрагивая и каждую минуту ожидая удара. Матвей дал этому странному непонятно чему полностью проявиться и теперь глядел на него внутренним взором, силясь понять, что же это такое. И вдруг заметил, что это непонятно что и есть он сам, и это оно смотрит на все остальное, только что считавшее себя им, и пытается разобраться в том, что только что пыталось разобраться в нем самом» (110). Кажется, что, как и в лучших рассказах, Пелевин обращался к проблеме познания человеком себя самого и мира вокруг. Однако в данном рассказе это постижение оказывалось сниженным, низведенным до бессмысленного бреда и облегченных видений. Между тем и применительно к этому рассказу можно говорить о некоем типологическом (тематическом) родстве, которое возникает в творчестве Пелевина и концептуалистов.

Наконец, рассказ «Краткая история пэйнтбола в Москве» представляет собой смешение интеллектуальных размышлений о зарубежной литературе (в частности о Ж.-П. Сартре) и мистифицирующей веселой истории о преступных группировках в столице. Уже тематика произведения оказывается иронично близка «московским концептуалистам». Однако отдавая дань «модной» в современной литературе теме «бандитской Москвы», Пелевин в ординарном рассказе успевает высказать важную и нетривиальную мысль. Так, в одном из лучших рассказов первого опубликованного сборника «Хрустальный мир» Пелевин выносил на обсуждение вопрос о том,

в чем состоит предназначение человека и как оно может быть определено: субъективно или объективно, самим человеком или временем, есть ли вообще возможность понять свое или чужое предназначение. В рассказе «Краткая история пэйнтбола...» Пелевин (раньше или позже «Хрустального мира») обращается к той же мысли и рассказывает о герое: «Дело в том, что Кобзарь с детства сочинял стихи и, подобно многим известным историческим фигурам, считал главным в своей жизни именно поэзию, а не административную деятельность, за которую его ценили современники» (164). Прозаик пытается понять и осознать роль человека в прожитой им жизни: роль, признанную самим человеком («считал себя»), и роль, признаваемую за ним современниками («его ценили»). По существу, Пелевин касается одного из важнейших вопросов литературы: поэт и поэзия, художник и его творчество, предназначение писателя. Но в отличие от сложившейся традиции, в противовес высокой пророческой миссии поэта, которую обозначил своим творчеством еще А. С. Пушкин, Пелевин позволяет себе усомниться в том, какой результат следует признать окончательным. И пелевинское сомнение оказывается далеко не праздным: в русской истории известны случаи, когда некий поэт всю жизнь добивался того, чтобы получить фамилию Шеншин, а остался в памяти потомков как Фет. Пелевину удается в простых и незатейливых сюжетах ранних рассказов проговорить те важные вопросы, ответы на которые ищет не одно поколение.

В рассказе «Нижняя тундра» Пелевин обращается к форме восточной притчи. О некоторой ориентации рассказа на «московских концептуалистов» говорит прямая и вполне определенная деталь. Так, о герое рассказа говорится: «Юань Мэн на вопросы не отвечал, а прятался под одеяло и думал...» (214). «Хвостик» фразы «...и думал» неслучаен, так как именно он является одной из самых характерных и узнаваемых деталей-фраз поэмы Л. Рубинштейна «Появление героя» (1986). В поэме Рубинштейна Ученик после вопросов Учителя уходит и думает, садится и думает, отворачивается к стене и думает, и т. д. То есть рассказ Пелевина еще раз указывает на желание прозаика поиграть в концептуальные игры и, может быть, переиграть «конкурентов».

Таким образом, если признать, что сборник «Relics» действительно отражает динамику творческого становления Пелевина, то знакомство с рассказами сборника с уверенностью позволяет утверждать, что эволюция Пелевина-писателя во многом начиналась как подражание, а чаще – отталкивание от практик «московского концептуализма», и прежде всего от прозы В. Сорокина. Но, как показывает сборник «Relics. Раннее и неопубликованное», начинающий писатель быстро отошел от принципов концептуального искусства, рано осознал важность проблем вневременных,

онтологических, внесоциальных. «Нулевой» (пред-первый) сборник писателя обнаруживает, что Пелевин входил в литературу не как ученик, но как прозаик с уже сложившимися и сложными взглядами, со своим собственным, индивидуальным и очень личностным представлением о мире, о жизни-смерти, о человеке и его причастности миру.

Примечания

¹ См.: Пелевин В. Колдун Игнат и люди // Наука и религия. 1989. № 12. Б. п.

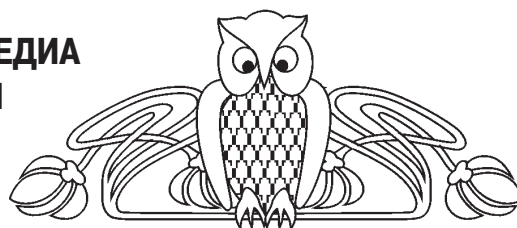
² Пелевин В. Relics. Раннее и неопубликованное. М., 2005. С. 8. Здесь и далее ссылки на рассказы Пелевина даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Богданова О. В. Виктор Пелевин и «московский концептуализм» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 438–443. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-438-443.

УДК 821.161.1.09-3+929Пелевин

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МАСС-МЕДИА КАК ПРЕДМЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА 2010-Х ГОДОВ

А. Л. Бобылева

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: nast39@yandex.ru

В статье анализируется специфика литературного преломления медиадискурса в повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» и романе «S.N.U.F.F.» Виктора Пелевина. Медиа технологии рассматриваются как тема и как прием на сюжетном, структурном и интертекстуальном уровнях произведений.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, масс-медиа, антиутопия, информационные технологии, информационная война.

Mass Media Manipulation Techniques as a Subject of Literary Reflection in V. Pelevin's Prose of 2010s

L. Bobyleva

The article analyzes the features of media discourse of the literary reflection in V. Pelevin's novels *Zenith Codex's of Al-Efesbi* and *S.N.U.F.F.* Media technologies are considered as a theme and as a technique on the plot, structure, and intertextual levels.

Key words: Viktor Pelevin, mass media, anti-utopia, information technologies, information warfare.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-443-447

Одной из наиболее актуальных проблем современности, к которой обращаются сегодня культурологи, социологи, философы, журналисты, филологии и, конечно, писатели, является возрастающая роль масс-медиа в обществе, в результате чего возникает феномен так называемой медиареальности. Опасные последствия этого феномена предсказывались учеными уже давно. Еще с середины 60-х гг. XX в. активно обсуждается вопрос о вступлении общества в новую «информационную эпоху»¹. Об этом писали Д. Белл, Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Э. Тоффлер, М. Кастельс и др. Так, Э. Тоффлер считает, что последствием наступления информационной

эры может стать активизация информационного противоборства, которая приведет к информационным войнам и глобальным конфликтам². Особая роль в эскалации подобных конфликтов отводится СМИ, в частности, телевидению. Ж. Бодрийяр по этому поводу пишет: «Сегодняшнее насилие, насилие, производимое нашей гипермодерностью, – это террор. Симулякр насилия, возникающий не столько из страстей, сколько из телевизионного экрана, – насилие, заключенное в самой природе образов. <...> Ведь медиа всегда появляются на сцене заранее – еще до того, как начнутся насилие и террор»³.

Именно такой образ СМИ – как силы, формирующей общественное сознание и политическую идеологию, отражен и в творчестве популярного российского писателя Виктора Пелевина. Он обратился к этой теме еще в конце 1990-х гг., и с тех пор она остается в его прозе одной из ведущих. В произведениях 2010-х он обращается к проблеме использования технологий масс-медиа как мощного средства манипуляции сознанием людей.

Цель нашего исследования – на примере двух наиболее показательных в этом плане произведений Пелевина – повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» из книги «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010) и романа «S.N.U.F.F.» (2011), отличающихся ярко выраженным антиутопическим пафосом, – продемонстрировать формы и способы медиаманипуляций, последствия их влияния на общественное сознание.

Следует особо отметить, что в этих антиутопиях проблема медиаманипуляций связана с военно-политическими конфликтами. В повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» Пелевин фактически предвосхищает события, произошедшие в Афганистане (возобновление военных действий со стороны НАТО в январе 2015 г.), а в романе

«S.N.U.F.F.» – боевые действия, начавшиеся в апреле 2014 г. на востоке Украины. В каждом из этих произведений фантастический сюжет выводит к чрезвычайно актуальной сегодня проблеме информационных войн.

Главный герой повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» Савелий Скотенков, рожденный незадолго до развала Советского Союза, в течение нескольких лет познакомился со всеми ступенями «школы медиаискусства», которую «талантливые русские мальчики нового века традиционно проходят»⁴. На разных этапах своей профессиональной деятельности Скотенков писал искусствоведческие и остропублицистические статьи, придумывал бренды. Но в любой сфере, в том числе и в статьях по искусствоведению, ему удавалось делать «острые и не всегда адекватные политические выпады»⁵. Он научился встраивать свои собственные взгляды в любую информативную структуру, будь то интернет-мем, лаконично отражающий одновременно и суть предмета, и его оценку (например, «гой прайд», подразумевающий «Русский марш»), или «православная экономика», или публицистическая статья, посвященная незавидной судьбе либеральных экономических реформ в России.

Взгляды Скотенкова на протяжении повести меняются: они имеют то прогосударственную, то оппозиционную природу, но общей для них остается формирующая функция, способность воздействовать на реципиента. Преподавая в Дипломатической Академии, он посвятил свой курс лекций основам криптодискурса, в котором раскрывал технологию дипломатического общения. Его специфика, по мнению Скотенкова, заключается в том, что внешний политкорректный фасад любого высказывания скрывает за собой истинную суть, которую нужно научиться улавливать: «Манипуляции с фактами служат просто внешним оформлением энергетической сути каждого высказывания»⁶.

Поочередная смена Скотенковым форм деятельности представляется нам некой метафорой функциональных изменений Слова и Текста как таковых: Скотенков «писал лирические стихи и критические статьи, занимался искусствоведением, политологическим консалтингом, революционной работой и маркетингом»⁷. Можно сказать, что его профессиональный путь отражает движение Слова от «Золотого века» отечественной словесности до времени «общества потребления». За этот период возможность облачать информацию в текст служила и культурным целям, и публицистическим, и политическим, и революционным, и рекламным, как и талант самого Скотенкова. Однако «это было лишь разбегом перед его истинным взлетом»⁸, который наступил, когда его завербовало ФСБ с целью отправить в Афганистан, где он открыл последнюю и самую специфическую возможность применить свой «словотворческий талант» – способность с помощью придуманных

им текстов уничтожать американские военные беспилотники.

США уже не первый год используют в Афганистане беспилотные летательные аппараты (дроны) как для ведения разведки и нанесения ракетных ударов, так и для доставки боеприпасов в гарнизоны. В. Пелевин поднимает проблему моральной ответственности оператора дрона, который удаленно должен принять решение о нанесении боевого удара. Писатель переводит эту проблему в плоскость медиадискурса: в повести «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» видеоматериалы, фиксирующие момент принятия решения и его последствия, стали попадать в Интернет. Операторы беспилотников, опасаясь, что любое их слово и действие может быть осуждено общественностью, стали медленнее принимать решение, что свело преимущественно беспилотников к нулю: «Операторы боевых систем начали страдать нервным расстройством, которое получило имя “Wikileaks syndrome” (по названию интернет-проекта “Wikileaks”, распространявшего подобные материалы)»⁹.

Вмешательство медиа привело к созданию абсолютно автономных дронов, которые могли за считанные секунды самостоятельно выбирать цель и принимать решение по ее ликвидации. Внедренный в боевую машину искусственный интеллект снимал груз ответственности с конкретного человека, но давал повод для недовольства общественности. Тогда разработчики создали для беспилотников особое «приложение»: основной боевой модуль «WAR» дополнили модулем «PR» (public relations), который должен был объяснить решение, принятое компьютерной системой, с точки зрения человеческой морали. Сам процесс нелегкого выбора PR-модуль записывал в виде ток-шоу: «...в систему загрузили архив всех американских телевизионных ток-шоу <...>. Используя свои базовые алгоритмы, “F.D.O.M.” могла выбирать из огромного богатства уже произнесенных реплик и даже модифицировать их, создавая потрясающий эффект живого человеческого присутствия»¹⁰.

Таким образом, в повести В. Пелевина беспилотный летательный аппарат выполняет как военно-политическую функцию, так и функцию СМИ. Такая точка зрения позволяет рассматривать дрон как буквальную реализацию понятия «информационная война». С одной стороны, военным средством «Freedom Liberator» являются ракеты, с другой стороны, монтируемый во время операции видеоряд также служит военным целям, но не физически, а идеологически, оказывая влияние на массовое сознание и оправдывая любое насилие в глазах обычных граждан.

В то же время слабым местом новых беспилотников стал именно медийный блок, который Савелий Скотенков и подверг своей хитроумной атаке. Нужно отметить, что действия Скотенкова также представляют собой буквальную

реализацию принципов информационной войны. Только если в случае с беспилотником медийную функцию выполнял военный объект, то в ситуации борьбы с дронами оружием становился непосредственно текст: «Зенитные кодексы» Аль-Эфесби (имя Савелия Скотенкова в Афганистане, подчеркивающее его связь с ФСБ) представляли собой надписи на земле, содержание которых перегружало модуль PR настолько, что в итоге отказывала вся система.

Можно сказать, что «зенитные кодексы», попадавшие в круг обсуждения монтируемого ток-шоу, так ужасали американцев, что это в прямом смысле обезоруживало дрон, т. е. реализовывало стратегии информационной войны: «...по содержанию это была просто ложь, причем настолько очевидная, банальная и омерзительная, что наши условные американцы, обычные виртуальные ребята, которых генерировала система, просто-напросто хотели сказать этому русскому ублюдку, насколько глупы и отвратительны его поклепы. И вот здесь происходило самое трагическое – но и интересное с научной точки зрения. Похоже, в нейронной сети возникало нечто похожее на эмоции. <...> Это был совершенно непредусмотренный эффект – и именно на него уходили все имеющиеся ресурсы»¹¹.

Таким образом, расширяя поле распространения медиадискурса, В. Пелевин подвергает игровому переосмыслению сам феномен информационной войны, когда текст и информация оказывают на реципиентов абсолютно непредсказуемое воздействие.

Своего рода медиаметафора заложена и в структуре повести, и в специфике нарративного пласта. «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» разбиты на две части – «Freedom Liberator» и «Советский Реквием». При этом повествование во второй части ведется от первого лица, что характерно для прозы Пелевина в целом, в то время как «Freedom Liberator» представляет собой жизнеописание Савелия Скотенкова, написанное от третьего лица. Отметим, что повествовательная структура первой части носит черты биографического очерка, написанного будто «на заказ», что «могло быть просто попыткой найти героя с русской фамилией в негероическое для Отчизны время»¹². Создавая определенный образ Скотенкова, автор очерка одновременно создает и миф о борце, для чего использует текст как инструмент социального мифотворчества. При этом включенные в очерк отрывки из якобы документальных источников (свидетельства очевидцев, конспекты лекций и т. п.) создают иллюзию достоверности и позволяют читателю воспринимать этот миф как реальность.

Псевдодокументальный характер имеет и повествовательная форма романа «S.N.U.F.F.», некоторые главы которого представляют собой дневниковые записи Дамилолы Карпова – оператора боевого летательного аппарата, наподобие тех, с

которыми боролся Аль-Эфесби. И хотя в романе «S.N.U.F.F.» роль оператора не упраздняется, боевой летательный аппарат все же приобретает медиафункции, превращаясь в видеокамеру, заряженную боевыми снарядами. Она служит для того, чтобы сначала заснять видеоповод для разжигания войны, затем нанести непосредственные ракетные удары по врагу и снова запечатлеть происходящее на пленку в виде своеобразных «новостей».

В целом, медиаметафорой можно назвать весь роман «S.N.U.F.F.»¹³. Критики даже называют его «шаржем на медийный дискурс последних лет»¹⁴. В основе этого романа, как и в других книгах В. Пелевина, лежит интерес к механизмам воздействия медиа на общественное сознание.

«S.N.U.F.F.» рассказывает о наступлении постинформационной эры, ознаменовавшейся изобретением снаффов: «Люди хорошо запомнили, что войны начинаются, когда кино и новости меняются местами. И уцелевшие решили объединить их в одно целое, чтобы подмены не происходило больше никогда. Люди решили создать “киноновости” – универсальную действительность, которая единой жилой пройдет сквозь реальность и фантазию, искусство и информацию. <...> Так появились снаффы»¹⁵.

Можно сказать, что «S.N.U.F.F.» – это мир абсолютной власти медиа, даже структура государства подчинена медиасфере. Два взаимосвязанных «государства» – Биг Биз и Уркаина – представляют собой «верхний» процветающий и «нижний» угнетенный миры. Жители Уркаины – урки (орки), служат постоянным внешним врагом, а войны с ними – способом выплеснуть накопившееся в обществе насилие, которое становится предметом видеосюжетов снаффов: «Священные книги учат людей быть хорошими. Но, чтобы кто-то мог быть хорошим, другой обязательно должен быть плохим. Поэтому пришлось объявить часть людей плохими. После этого добро уже нельзя было оставить без кулаков. А чтобы добро могло своими кулаками решить все возникающие проблемы, пришлось сделать зло не только слабым, но и глупым. Лучшие культурные сомелье постепенно создали оркский уклад из наследия человечества. Из всего самого сомнительного, что сохранила человеческая память»¹⁶.

Так, власть медиакультуры раскрывается во всей своей полноте именно в ситуации создания целой поработанной нации, культура, образование и политика которой навязаны экраном телевизора и ухищрениями так называемых «сомелье».

Еще одну «касту», контролирующую Уркаину, составляют дискурсомонгеры («торговцы дискурсом»), одним из которых является Бернар-Анри Монтень Монтестье. Имя дискурсомонгера содержит отсылки сразу к трем реальным прототипам: к французским писателям и философам Шарлю-Луи Монтестье и Мишелю Монтеню, а также к Бернару-Анри Леви – современному французскому политическому журналисту, писателю-

публицисту и философу, принимающему активное участие во взаимодействии между странами Запада и странами третьего мира. Роль реального и романного Бернара-Анри в политических процессах сводится непосредственно к формированию дискурса и общественного мнения.

Именно дискурсомонгеры разработали стандартную схему, по которой ведется война с орками. Она состоит из трех основных этапов: украинская освободительная революция (причина которой придумана и внедрена теми же дискурсомонгерами), война с репрессивным режимом Украины и смена старого правительства на новое. В. Пелевин описывает эту последовательность как медийную реальность, формированием которой и занимается Бернар-Анри Монтень Монтестье.

В связи с тем, что в снафах перемешиваются произошедшее в действительности и выдуманное, образы массовой культуры становятся частью реальности. «Войско» орков представляет собой ряды штурмовиков, гладиаторов, ретариев и матросов, вооруженных трезубцами, пиками, пращами и палицами. А среди византийцев есть и «железные воины», представляющие собой нечто среднее между трансформерами и терминатором, и фэнтезийные персонажи – эльфы, гномы, вампиры, и герои комиксов – Бэтмен и черепашки ниндзя, и рыцари, мушкетеры, волшебники и проч.

Однако основная задача героев «древних» фильмов заключается не в убийстве, а в позировании на камеру: «Железный воин взмахнул своей палицей и обрушил ее на толпу орков. Потом еще раз и еще. Бил он медленно, орки успевали уворачиваться, но Грым сообразил, что воин не стремится убить как можно больше народу – он работает для роящихся вокруг телекамер. Выглядели его движения и правда грозно»¹⁷.

Так изображаемое в романе «поле боя» разоблачает технологии «новых медиа», включая и Интернет, и цифровые фильмы, и компьютерные игры¹⁸. Одна из особенностей «новых медиа» состоит в том, что они рождают постмодернистский тип культуры, характеризующийся возможностью бесконечной компиляции, что и подвергается разоблачению в пелевинских текстах. Культуролог Е. Лапина-Кратасюк описывает возможности «новых медиа» следующим образом: «Действительно, вы можете сделать коллаж из любых недоступных вам ранее репродукций картин великих художников Италии, и это будет ваше собственное произведение. В этой ситуации вы присваиваете ту культуру, которая раньше была доступна только в особых местах, одновременно привнося в нее свое понимание. Вот этот процесс абсолютно бесконечен, он может продолжаться, он не имеет границ, он затрагивает абсолютно любое содержание»¹⁹.

В романе В. Пелевина власть всепоглощающих медиатехнологий доведена до абсурда – Бог, деньги и монитор компьютера в мире будущего

значатся под одной и той же лексической единицей – «маниту», а «киноновости» становятся культом, частью особой религии Мувизма: «...люди верили, что экран информационного терминала светится из-за сошествия особого духа. Духа звали “Manitou”. Поэтому экран называли “monitor”, “осененный Маниту”. А деньги по-церковноанглийски – “money”, так было изначально»²⁰.

Таким образом, в создаваемой Пелевином антиутопии ситуация идентичной номинации понятий «Бог», «деньги» и «монитор» нивелирует все области общественной жизни. Духовная, социальная, политическая и экономическая сферы сливаются в одну медиасферу, а рычагами управления становятся именно «новые медиа» в образе снаффов.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно сказать, что оба произведения В. Пелевина звучат как предупреждение. Автор обличает диктатуру масс-медиа, влияющую на культуру, мораль, идеологию и политику современного общества. Технологии медиа, отраженные в анализируемых произведениях на сюжетном, композиционном и на интертекстуальном уровнях, подвергаются деконструкции, что продиктовано стремлением писателя вернуть читателю способность критически осмысливать получаемую информацию. Одновременно специфическое переплетение сюжета литературного произведения и реальных современных событий в Афганистане и Украине создает ощущение включенности читателя в медиареальность, что, в свою очередь, дает ему повод задуматься о границе между симуляцией и реальностью.

Примечания

- 1 См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. М., 2000.
- 2 См.: *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2003.
- 3 *Бодрийяр Ж.* Зеркало терроризма // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/politics/20021101-bau.html> (дата обращения: 27.12.2015).
- 4 *Пелевин В.* Зенитные кодексы Аль-Эфесби // Пелевин В. Анапасная вода для прекрасной дамы. М., 2011. С. 147.
- 5 Там же. С. 149.
- 6 Там же. С. 155.
- 7 Там же. С. 147.
- 8 Там же. С. 148.
- 9 Там же. С. 161.
- 10 Там же. С. 170.
- 11 Там же. С. 189–190.
- 12 Там же. С. 176.
- 13 См.: *Шакиров С.* Медиаметафора в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Международный научно-исследовательский журнал. Сер. Филологические науки, окт. 2012.

URL: <http://research-journal.org/featured/languages/mediametafora-v-romane-v-pelevina-s-n-u-f-f/> (дата обращения: 27.12.2015).

¹⁴ Ганин М. Дискурсмонгер в печали // OpenSpec. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/32707/?expand=yes#expand> (дата обращения: 27.12.2015).

¹⁵ Пелевин В. S.N.U.F.F. М., 2012. С. 200.

¹⁶ Там же. С. 378.

¹⁷ Там же. С. 151.

¹⁸ См.: Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа / пер. с англ. Н. Бергер // Вестн. ВолГУ. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2008. № 7. С. 98–106.

¹⁹ Лапина-Кратасюк Е. Особенности новых медиа // Постнаука. URL: <http://postnauka.ru/video/38005> (дата обращения: 27.12.2015).

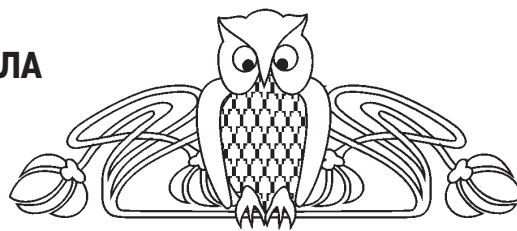
²⁰ Пелевин В. S.N.U.F.F. С. 193.

Образец для цитирования:

Бобылева А. Л. Манипулятивные технологии масс-медиа как предмет литературной рефлексии в прозе В. Пелевина 2010-х годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 443–447. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-443-447.

УДК 821.161.1.09-31+929Шишкин

СИСТЕМА ХРОНОТОПОВ В РОМАНЕ МИХАИЛА ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»: К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Т. Г. Прохорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: tatprohorova@yandex.ru

В статье на материале романа Михаила Шишкина «Письмовник» (2010) исследуется характерное для прозы этого писателя взаимодействие разных пространственно-временных пластов, выявляются ключевые хронотопы и хронотопические принципы, обеспечивающие целостность художественного мира произведения. **Ключевые слова:** Михаил Шишкин, система хронотопов, хронотопические принципы, мотив, художественная целостность.

A System of Chronotopes in Mikhail Shishkin's Novel *Pismovnik* (Letter Book): on the Issue of Artistic Unity

T. G. Prokhorova

The article researches the interaction of different space and time layers in Mikhail Shishkin's novel *Pismovnik* (Letter Book) (2010). This interaction is characteristic for the writer's prose. The author of the article distinguishes key chronotopes and chronotopical principles providing the unity of the artistic world of the novel.

Key words: Mikhail Shishkin, system of chronotopes, chronotopic principles, motive, artistic unity.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-447-451

Современную литературу отличают жанровая пестрота и одновременно размытость, проницаемость жанровых границ, сложное взаимодействие элитарной и массовой литературы, синтез различных дискурсов и эстетических систем. Среди писателей, в чьем творчестве эти тенденции проявляются особенно отчетливо, следует назвать Михаила Шишкина. По словам литературоведов, «все шишкинские нарративы тяготеют к структурной фрагментарности»¹, его художественный мир представляет собой «сплав различных классических и неклассических систем»²; своеобразие

его прозы определяется «обращением автора к различным парадигмальным, жанровым и модусным традициям»³. Однако фрагментарность, нелинейность, тенденция к синтезированию еще не означают отсутствия целостности. Соответственно, перед исследователями встает задача определения принципов, обеспечивающих целостность художественного мира писателя. Поскольку характерной особенностью прозы Михаила Шишкина является сосуществование и взаимодействие разных пространственно-временных пластов, один из продуктивных путей анализа его творчества, как нам представляется, заключается в выявлении ключевых хронотопов и хронотопических принципов, обеспечивающих его произведениям целостность и позволяющих воспринимать художественный мир писателя как сложно организованную систему.

По словам М. М. Бахтина, «хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение» («Жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом»), с этой категорией органически связано понятие точки зрения, определение ценностной природы художественных образов и произведения в целом, хронотоп обозначает границу между мирами автора-творца и героев⁴. Иными словами, это тот структурный элемент, который позволяет охватить разные грани художественного мира произведения, прояснить его конститутивные особенности.

Обратимся к последнему на сегодняшний день роману М. Шишкина «Письмовник» (2010), удостоенному в 2011 г. премии «Большая книга». Он написан в эпистолярной форме. Это переписка двух влюбленных – Сашеньки и Володи. Как заметил критик Д. Бавильский, «переписка – повод провести читателя по ключевым узлам

любой человеческой судьбы со всеми остановками – станциями чаянья и отчаянья. Потому и “письмовник”, что примеры даны на все случаи и чувства жизни. Он идёт на войну. Она теряет ребёнка. Он теряет товарищей и учится думать о смерти. Она мучительно долго ухаживает за онкологической матерью, затем хоронит и insultного отца <...>⁵. Переписка продолжается даже после того, как Володя погибает на войне. Неотправленные им ранее письма продолжают приходить, и Саша после некоторого перерыва продолжает ему писать. По словам О. А. Гримальской, «самое значительное шишкинское отступление от канона – <...> отсутствие “внешнего”, словесно оформленного диалога, как раз того, который обеспечивает “я-ты-существование” переписывающихся. Каждое следующее письмо является ответом на предыдущее лишь композиционно. Фактически же герой и героиня, Володя и Саша, пишут монологи – присутствие другого, точнее, именно голоса другого, в послании практически не ощущается, если не считать инициальных обращений, которые есть далеко не всегда, и неперемных уверений в любви. Более того, не учитывается горизонт сознания собеседника»⁶. Это в целом справедливое суждение хотелось бы скорректировать в одном весьма существенном моменте: хотя коммуникация между героями действительно нарушена, их письма-монологи все же содержат в себе диалогическую связь, «я-ты-существование» в данном случае обеспечивается сознанием неразрывной связи любящих, их нераздельностью («Мы с тобой уже давно одно целое»⁷). Этот диалог напоминает разговор с самим собой, позволяющий обсуждать что угодно, включая и то, о чем не принято говорить с другими. Но всё, о чем идет речь в их письмах, имеет для них ценность только потому, что есть родная душа, которая всё поймет и примет, есть человек, который услышит.

Письма становятся тем главным временем-пространством, в котором существуют герои. Для них реально лишь то, что связано с их чувствами, с их любовью. В письмах они вспоминают те моменты, когда были вместе, поэтому в романе постоянно встречаются хронотопические обозначения их встреч – знаков их любви: «наш парк» (25, 110), «у нас на даче» (24), «наш стол под сиренью», «наше лето», «наша запруда» (12), «пришел к нашему памятнику» (286). В разлуке даже «закат» и «млечный путь» воспринимаются ими как знаки их общности, которой не могут помешать ни пространство, ни время.

В письмах героев многократно варьируется мотив «ненастоящности» реальности и «настоящности» их воспоминаний и слов, обращенных друг к другу. Володя пишет из армии:

«Все что со мной происходит, реально только потому, что думаю, как тебе про это написать» (95).

Или: «Какие еще нужны доказательства моего бытия, если я счастлив из-за того, что

ты есть, и любишь меня, и читаешь сейчас эти строчки» (222).

Именно эта связь с любимым человеком и является для героев единственным спасением:

«Я хорохорюсь, а на самом деле без тебя, без твоих писем я бы давно уже если не сдох, то перестал быть самим собой – не знаю, что хуже» (24).

«Ты даже не можешь себе представить, как помогаешь уже только тем, что могу писать тебе! Это спасает» (177).

Окружающий героев мир полон «ненастоящими» людьми и «ненастоящими» событиями. Здесь всё становится условным, симулятивным. «Ненастоящая» реальность расслаивается, распадается на фрагменты, воспринимается как некая свободная импровизация на тему. Это проявляется даже тогда, когда речь идет о чем-то очевидном. Например, Саша, рассказывая о своем отце, то говорит, что он был дирижером, и вспоминает, как он учил её музыке и как она, копируя папины жесты, играла с его дирижерской палочкой, то вдруг выясняется, что папа Саши – полярный летчик, затем она говорит о нем как о киноактере с неудавшейся судьбой. Подобное «расслоение» затрагивает и саму героиню. В детстве она представляла, что у неё есть другое «я»: «одна плохая, другая хорошая» Саша (30). Вначале это была игра, постепенно она превратилась в реальность, и героиня уже не могла отличить, где она, а где её двойник. Ощущение себя и мира вокруг ненастоящими было присуще и Володе до его встречи с Сашей:

«<...> от всего тошнит – от обоев, от потолка, от занавесок, от города за окном, от всего этого *не я*. Тошнит от самого себя, такого же *не я*, как и все остальное. Тошнит от куцега, убогого прошлого, состоящего из глупостей и унижений. И особенно тошнит от будущего <...> – зачем все?» (214–215).

Оказавшись в разлуке, герои перемещаются и в разные временные системы. Так, сложно определить, в каком временном измерении существует Володя. Судя по тому, участником каких исторических событий он является (Ихэтуанское восстание в Китае), – это рубеж XIX–XX вв., но одновременно некоторые реалии, а также используемые героем в письмах речевые обороты, характер лексики свидетельствуют о том, что действие происходит в конце XX в., то оно переносится в более отдаленную эпоху, когда военные еще носили парики, то вообще становится неопределенным. Вот врач, осматривавший новобранцев на призывном пункте, рассказывает Володе, как он «излечился» от презрения к людям, моя тело умершего в больнице бомжа. А вот Володя сообщает о своем новом назначении:

«Батька меня огорошил. Вызывает к себе и назначает, раз я грамоте обучен, в штабные писари. Я в струнку, локоть – в наш с тобой закат в пыльном окошке, кончики пальцев к букле:

– Ваше командирство!

– Ну, чего тебе?

– Я не справлюсь. Почерк у меня недоступный» (62).

Итак, «бомж», «грамоте обучен», «батяка», «букля», «командирство» и т. п. – всё размещается на одной временной (точнее, вневременной) оси. И только «наш закат» вносит определенность в этот неопределенный пространственно-временной ряд. Именно любовь, где точкой отсчета становится «я-ты-существование», помогает героям сознавать неразрывность связи всего со всем.

Поскольку главные герои обретают себя, прежде всего, в любви друг к другу, закономерно, что после гибели Володи все попытки Саши заново обрести связь с миром (через ребенка, замужество, друзей, работу) оборачиваются неудачей. В его отсуствии она фактически не существует:

«Я ем, переодеваюсь, хожу за покупками. Но где бы ни была – все равно я мертвая» (114).

Возвращение к жизни возможно для нее только через письма к любимому, поэтому, зная, что он погиб, она все равно пишет ему.

Хронотопические мотивы «настоящего» и «ненастоящего» видения проходят через весь роман, становятся структуро- и смыслообразующими. С ними связаны хронотопы детства и войны. И в том, и в другом случаях работает один и тот же принцип: движение от незнания к знанию, от ложного – к истинному. Благодаря этим хронотопам в «Письмовнике» проявляются жанровые приметы романа воспитания. Причем речь идет не только о воспитании чувств, но и о формировании нового знания героев о жизни и смерти. Письма являются для них способом осмысления обретенного духовного опыта.

Практически все герои романа, включая родителей Сашеньки и Володи, вспоминают о детстве, совершают новые открытия и освобождаются от того, что мучило их прежде. В письмах Володи происходит взаимодействие хронотопов детства и войны. С одной стороны, детские воспоминания позволяют ему хотя бы на какое-то время забыть, отвлечься от ужаса реальности, с другой стороны, знание, обретенное на фронте, позволяет по-новому оценить опыт детства, взглянуть на себя другими глазами: «... тот я, прежний, мне сейчас смешон и отвратителен» (275).

Шишкин намеренно избирает малоизвестную войну – Ихэтуаньское (так называемое Боксерское) восстание в Китае, в подавлении которого в числе других стран принимала участие и Россия. В одном интервью М. Шишкин признался, что «не хотел писать ни о какой из прошедших войн. <...> хотел писать о будущей войне. Гигантских войн, мировых, уже не будет, но мы видели в последние годы маленькие войны и будем их видеть и завтра, и послезавтра, в Азии, в Европе, в Африке... И все эти войны одинаковы: много больших, сильных ребят учат кого-то слабого демократии, как нужно жить, бомбами учат и штыками»⁸. Нечто подобное писатель увидел и в событиях Ихэтуаньского восстания 1898–1901 гг.

Шишкин изучал документы, мемуары участников похода на Пекин, но в романе «Письмовник» он стремится не столько к документальной точности изображенного, сколько к созданию образа войны как воплощения зла, жестокости, всеобщего озверения, поэтому в военных главах романа документальное используется как прием для выражения архетипического. Тем не менее, в письмах Володи дается описание основных участников военного конфликта («мы тут представляем собой довольно живописную компанию» (155)), детально представлены местоположение и размещение русского лагеря в окрестностях Тяньцзиня, суровый военный быт с его лишениями и трудностями, путь на Пекин. В этих главах масса этнографических, исторических, психологических подробностей, позволяющих составить вполне реалистичную картину происходящего, но все же главное внимание концентрируется на том, что несет с собой любая война. Письма Володи полны натуралистических описаний страшных ранений и смертей, картин насилия: «<...> здесь кругом так много смерти!» (201) и «...какая разница? За белых, за красных, за эллинов, за иудеев. Какая разница, на какой незначительной войне погибнуть?» (104).

Стремясь уйти от реалистической достоверности, автор намеренно абсурдизирует художественную реальность. Установка на абсурд, сознательное смешение «языков» присутствует уже в приказе, обращенном к отпавляющимся в Китай войскам. Володя записывает его под диктовку «начальников начальника». В этом «документе» призыв к соблюдению порядка и законов милосердия («без нужды не убивать») соседствует с призывом «уничтожить всю эту мразь безжалостно», утверждение, «что правда на нашей стороне, а на их неправда», завершается сомнительным «но, может, и наоборот» (77, 79), цитата из песни «Случайный вальс» на стихи Е. Долматовского («Ночь коротка. Спят облака») включается в разговорно-сказочный дискурс («Сперва пойдем по дружественному нам царству попа Ивана, о чьем великом могуществе говорит весь свет» (75)). Языковые пласты разных эпох, словесные обороты из старинных военных уставов и современное пошлое разговорное слово образуют некую гремучую смесь:

«Братья и сестры! Солдатушки! Контрактники, миротворцы и ассасины! Отечество расплзается как промокашка под дождем! Отступить некуда! Ни шагу назад! Ух-ты смотри-ка! Видел, какая у неё попка? Да нет, не у той! Уже за угол завернула. Про попку зачеркни <...> Ах, да! <...> У волос с темя на середине завивать волосяную косу, которую ввязывать спустя в лентошную косу. Тупеев не иметь. Виски опарывать всем одинако, как и ныне в полку учреждено, в приказе соседствуют в длинную одну буклю, но расчесанную и зачесанную порядочно <...>» (С. 74–75).

Поскольку автор создает архетипический образ войны, тот же постмодернистский принцип

смешения «языков» реализуется и в воззваниях восставших ихэтуаньцев, о которых «сообщает <...> специальный корреспондент с театра военных действий». Здесь восточная мифологическая риторика («разгневанное небо», «небесные солдаты», янгуэйцы, нарушившие «всеобщую гармонию») сменяется советской – воззвание завершается цитатой из стихотворения К. Симонова «Если дорог тебе твой дом...», содержащего призыв к расправе над врагом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей! (105).

Володя уходит на войну, руководствуясь желанием измениться, «научиться понимать простые вещи» (13) и «успеть стать настоящим» (221). Испытания позволяют героям не только утвердиться в ценности и бессмертии их любви, но и научиться понимать других людей, любить своих близких, сформировать новое отношение к жизни и к смерти. Володя пишет: «Когда я вернусь, я буду совсем по-другому смотреть на самые привычные вещи...» (255); «... здесь столько зла кругом <...> Тем важнее сохранить в себе крупинцы человечности» (283).

Саша проходит через свои испытания и в итоге понимает: «Смерть любимых, дорогих людей – это дар, который помогает понять то важное, для чего мы здесь» (279).

Мотив дара пронизывает весь роман. Его модификации обозначают разные этапы жизни героев. В самом начале звучит фраза из дневника Володи: «Дар оставил меня» (8). Герой пробует себя в писательстве, в слове он видит «единственное реальное бессмертие», «высшую истину». Однако затем Володя понимает, что в словах кроется «какой-то фокус, мошенничество», поэтому он сжигает свои записи и решает научиться существовать «сам по себе, без слов» (219, 220). Это и заставило его отправиться на войну.

Проходя через испытания, герои будут постигать разные смыслы понятия «дар». Они поймут, что и любовь, и творчество, и жизнь, и смерть – всё это дар. Им открывается истина, что они «не готовы друг к другу», пока «не пострадали по-настоящему...» (116). В процессе постижения самих себя герои открывают новые «несуществующие слова – настоящие».

По сути, «Письмовник» представляет собой философский роман, написанный в эпистолярной форме и включающий структурные принципы романа воспитания, поэтому в его художественном мире свободно совмещаются конкретное и абстрактное, вечное и сиюминутное, великое и малое, история и современность. Герои «Письмовника» сами формулируют основной хронологический принцип организации художественного мира, в котором они существуют. Так, в одном из писем Саши говорится:

«События могут выступать в любой последовательности и происходить с кем угодно. Можно одновременно на кухне зудеть на гребешке с папиросной бумагой <...> и в то же время на совсем другой кухне читать письма от человека, которого больше нет. <...> И вообще, уже древними подмечено, что с годами прошлое не удаляется, а приближается» (286).

Герои постоянно ищут связь («рифму») всего со всем. Это объясняет и значимость культурного хронотопа в романе. Он формируется из фрагментов культур разных эпох. Саша и Володя соотносят себя с героями Руссо Юлией и Сен-Пре, чувствуют близость Декарту и Марку Аврелию, Гамлету и библейским Иову и Ною...

Володя пишет:

«Помню, читаю в Гамлете: “Распалась связь времен”. Знаешь, о чем на самом деле писал Шекспир? О том, что эта связь восстановится, когда мы снова встретимся и я положу тебе голову на колени» (359).

В воспоминаниях Саши о детстве возникает образ царства попа Ивана из ее любимой сказки. Когда отец ей её рассказывал, «всё кругом – и <...> комната, и люстра с вечной перегоревшей лампочкой, и стопка газет на подоконнике, и шумный город за окном – все это становилось ненастоящим, а страна попа Ивана была настоящей, и сам поп Иван был настоящим» (60). В художественном мире романа именно поп Иван и станет проводником в мир вечности. Сопровождая Володю в это последнее путешествие, он разрешает ему взять с собой всё самое важное. И этим важным становятся всякие мелочи, которые напоминают герою о детстве, о жизни, о любви. Он увозит с собой память об отце, матери, отчине и, конечно, о любимой: план парохода в разрезе, который в детстве висел у него над кроватью, колочки репейника, которые он бросал в волосы Саше, звук прутика по решетке, «сладкий дух из кондитерской», лист из гербария, «мамино кольцо, которое еще только кружится по подоконнику», «обрывок газеты, приставший к порезу от бритвы» (411, 412), и многие другие бесценные детали-воспоминания. В самом их перечне выражено прощение прошлых обид, осознание неразрывной связи сиюминутного и вечного.

Одновременно в заключительном диалоге Володи с попом Иваном проявляется характерная особенность детского мировосприятия, выраженная в словах «ненужное – самое необходимое» (409). Таким образом выражается присущая детскому сознанию способность передачи абстрактного через конкретное, большого – через малое. Эта особенность определяет один из важнейших принципов поэтики романа, специфичность его хронологической системы. Благодаря этой особенности проясняется символический смысл целого ряда деталей и сюжетных ситуаций. Например, Володя вспоминает эпизод из детства, связанный с «замечательной банкой» из-под пече-

ня. Она воспринималась им как способ обретения бессмертия, причем не только собственного, но и тех своих близких, материальную память о которых он хотел в ней сберечь: «...меня поразила мысль, что я обладаю удивительной властью – останусь только те, кого я возьму с собой в мою банку!» (167)

Детский дискурс определяет и способ перемещения героев в мир вечности, к месту «общего схода». Они отправляются туда на обычном трамвае. При этом Саша берет с собой слепленную из снега дочку Снегурочку. В мифологическом сознании, которому, как известно, свойственна детскость, этот сказочный образ связан с метаморфозой живого и мертвого, с идеей вечного круговорота. В работе А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» Снегурочка трактуется как «облачный образ», который «в зимнюю пору, когда облака из снеговых превращаются в снеговые, <...> нисходит на землю <...>, с приходом же лета <...> принимает новый, воздушный образ и, удаляясь с земли на небо, носится там вместе с другими легкокрыльми нимфами»⁹.

Вместе с тем возникающий в финале «Письмовника» хронотопический образ «заблудившегося в бездне времен» трамвая побуждает вспомнить знаменитое стихотворение Николая Гумилева. На эту параллель указывает присущая и тому, и другому произведению символичность сюжета, размытость границ пространства и времени, живого и мертвого, смерти и сна. Герои М. Шишкина, как и лирический герой Гумилева, приходят к пониманию того, что «наша свобода / Только оттуда бьющий свет»¹⁰. Но в «Письмовнике» переход в царство вечной свободы лишается трагической провиденциальности, присущей стихотворению «Заблудившийся трамвай». В финале романа проясняется чрезвычайно значимая в художественном мире Михаила Шишкина семантика жизненного пути как вечного возвращения. Смерть предстает как «точка схода», завершающая цикл метаморфоз, как возврат героев туда, где «нет никакого

зазора между душами. А люди становятся тем, чем они всегда были, – теплом и светом» (413).

Таким образом, в романе М. Шишкина «Письмовник» цепь хронотопических образов объединяется в систему, позволяющую прояснить основную структурообразующую идею произведения – жизни вечной, где нет места вражде, непониманию, обидам, где смерть оборачивается «теплом и светом» – источником нового жизненного витка.

Примечания

- ¹ *Гримова О.* Роман М. Шишкина «Письмовник»: стратегии нелинейности. URL: <http://gigabaza.ru/doc/25331.html> (дата обращения: 10.03.2016).
- ² *Лаиова С.* Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. С. 17.
- ³ *Рогова Е.* Некоторые аспекты художественной целостности романа М. Шишкина «Письмовник» // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология.* 2014. № 5 (31). URL: [http://journals.tsu.ru/uploads/import/1091/files/5\(31\)_105.pdf](http://journals.tsu.ru/uploads/import/1091/files/5(31)_105.pdf) (дата обращения: 10.03.2016).
- ⁴ *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1975. С. 234.
- ⁵ *Бавильский Д.* Шишкин лес. Достучаться до небес – 10: урок каллиграфии и чистописания в романе Михаила Шишкина «Письмовник». URL: <http://clubs.ya.ru/4611686018427411826/posts.xml?> (дата обращения: 10.03.2016).
- ⁶ *Гримова О.* Указ. соч.
- ⁷ *Шишкин М.* Письмовник. М., 2012. С. 190. В дальнейшем роман М. Шишкина цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁸ *Шишкин М.* Только когда вам заткнут рот, вы поймете, что такое воздух. URL: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544 (дата обращения: 10.03.2016).
- ⁹ *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1995. Т. 2. С. 325–326.
- ¹⁰ *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 331.

Образец для цитирования:

Прохорова Т. Г. Система хронотопов в романе Михаила Шишкина «Письмовник»: к проблеме художественной целостности // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2016. Т. 16, вып. 4. С. 447–451. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-447-451.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 811.111'42+811.161.1'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ: СТРАТЕГИЯ АКТИВАЦИИ

Н. С. Данкова

Пензенский государственный университет
E-mail: n.s.dankova@mail.ru

Автор статьи изучает дискурсивные способы конструирования имиджа судебной системы, реализующие стратегию активации. В статье рассматриваются два варианта использования данной стратегии: позитивный и негативный, которые создают положительный или отрицательный имидж судебной власти соответственно.

Ключевые слова: судебная власть, СМИ, стратегия, образ, положительный, отрицательный.

**Representing Judicial Power in the Russian and English Printed Media Discourse:
Activation Strategy**

N. S. Dankova

The author examines discursive means of framing the judiciary system image that actualizes the activation strategy. The paper focuses on two variants of this strategy: positive and negative ones constructing a positive or a negative image of judicial power respectively.

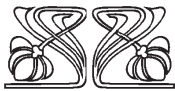
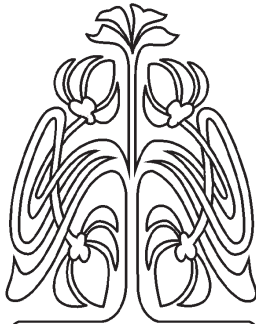
Key words: judicial power, mass media, strategy, image, positive, negative.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-452-459

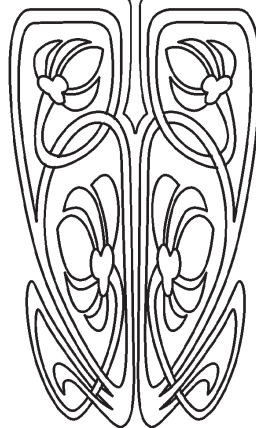
Дискурс средств массовой информации привлекает внимание исследователей, о чем свидетельствует большое число научных работ, посвященных языку масс-медиа. Кроме того, появились крупные российские центры изучения дискурса СМИ, такие как Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета, на базе которого функционирует интернет-сайт «Медиалингвистика XXI век»; лингвистическая школа Саратовского государственного университета, ежегодно выпускающая сборник научных трудов «Проблемы речевой коммуникации», в котором традиционно обсуждаются вопросы функционирования языка СМИ; факультет журналистики Белгородского государственного университета, основным научным направлением которого является дискурсология и медиакритика современных СМИ.

Интерес ученых к языку масс-медиа обусловлен тем, что СМИ играют важную роль в жизни современного общества. «Современные СМИ по-хозяйски расположились на обширных просторах политики, экономики, культуры, общественной жизни», – пишет В. В. Прозоров¹. Картина мира каждого человека напрямую зависит от медийных репрезентаций. По наблюдениям М. Макдональд, «СМИ являются одним из лучших инициаторов существующих взглядов и ценностей»². Кроме того, тот факт, что дискурс, в том числе дискурс СМИ, конструирует реальность, также неоднократно отмечали как отечественные, так и зарубежные исследователи³.

В этой связи вопрос дискурсивного конструирования образа судебной власти в российских и английских печатных СМИ заслуживает особого внимания. Актуальность исследования обусловлена негативным отношением граждан к институту правосудия, о чем свидетельствуют

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

данные социологических опросов в России⁴, а также наличие значительной доли критики в адрес судебной системы Великобритании⁵. Таким образом, проблема оптимизации восприятия обществом института правосудия представляется нам особенно значимой. Некоторые вопросы данного направления в исследовании были изучены нами ранее⁶.

Одним из факторов, который определяет способ изложения событий в СМИ, является выбор журналистской стратегии. Вслед за ведущими западными учеными в области критического анализа дискурса под стратегией мы подразумеваем «более или менее точный план действий (включая дискурсивные действия) с большей или меньшей степенью намерения, принятый для достижения конкретной социальной, политической, психологической или лингвистической цели»⁷. Целью данного фрагмента исследования является изучение дискурсивных способов конструирования имиджа судебной системы, реализующих стратегию активации.

Методология исследования основана на дискурсивном анализе. Применение данного методологического подхода к анализу дискурса СМИ о судебной власти, на наш взгляд, является ключом к пониманию социальных процессов, связанных с массовым восприятием института правосудия.

Материалом для исследования послужили статьи о судебной власти, опубликованные в идеологически противоположных печатных изданиях Великобритании и России: широкоформатной газете «The Guardian» (далее – The G), а также ее воскресном выпуске «The Observer» (далее – The O), таблоиде «The Daily Mail» (далее – The DM), правительственной «Российской газете» (далее – РГ) и оппозиционной «Новой газете» (далее – НГ)⁸. Статьи отбирались методом произвольной выборки в период с января 2013 г. по декабрь 2013 г.

Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала статьи для анализа были извлечены из электронных архивов изданий. Затем корпус текстов был изучен, в нем выделена стратегия активации, используемая журналистами для освещения деятельности судебной власти. Далее следовал анализ данной стратегии с точки зрения языковых средств ее реализации. В заключение сделан вывод о превалирующем образе судебной власти в английской и российской прессе.

Актуальным направлением для нашей работы является проблема взаимодействия СМИ и власти. Вопрос взаимоотношения СМИ и власти имеет двойственную природу. С одной стороны, властные структуры используют СМИ как средство завоевания и удержания власти. С другой стороны, СМИ создают портрет власти в целом и ее отдельных представителей посредством своих репрезентаций.

Дискурс СМИ рассматривается как инструмент в борьбе за власть, который предоставляет

простор общественно-политическим силам использовать язык с целью осуществления социального контроля. Являясь посредником между властью и обществом, дискурс СМИ представляет собой то средство, с помощью которого власть достигается и удерживается. В этой связи исследователи отмечают, что дискурс СМИ позволяет осуществлять социальный контроль посредством формирования «нужной» идеологии. Неслучайно Т. ван Дейк считает СМИ основным средством идеологического контроля в обществе⁹. Исследуя роль СМИ в формировании «нужного» понимания действительности, ученый констатирует, что идеологическое воздействие СМИ является всеобъемлющим¹⁰. Вот почему СМИ являются предметом пристального внимания и контроля законодательной, исполнительной и судебной структур¹¹.

Ввиду наличия идеологической предвзятости при отражении событий действительности в дискурсе СМИ, вопрос объективности репрезентаций заслуживает особого внимания. Так, А. А. Негрышев проводит грань между дискурсивными фактами и событиями действительности и утверждает, что событие является онтологической единицей, тогда как факт – гносеологической¹². Исследуя жанр новостного сообщения, ученый приходит к выводу, что собственно событие содержит в себе множество вариантов вербального структурирования¹³. Мысль о том, что медийная реальность является самостоятельной и относительно автономной по отношению к объективному миру, разделяют и другие исследователи, обсуждающие соотношение журналистского текста и действительности¹⁴. «Текст СМИ не только повествует о случившемся (или случающемся), но в первую очередь усердно, старательно лепит сам новостной факт, окрашивая его в привлекательные для массового заглаживания вкусовые цвета», – читаем у В. В. Прозорова¹⁵.

Образ власти, а также ее отдельных представителей, отраженный на страницах СМИ, является предметом исследования ученых¹⁶. По наблюдениям исследователей, изучающих образ власти в СМИ, существуют две полярные ипостаси образа власти в СМИ – положительный и отрицательный¹⁷. «Власть хорошая – это воплощение вечной мечты любого народа о справедливости, достатке, безопасности, самоуважении, свободе <...> Власть плохая – та, которая является причиной всех бед; которая не заботится о подданных и которую подданные не любят», – читаем у В. Н. Суздальцевой¹⁸. Исследуя имидж власти в СМИ, В. Н. Суздальцева останавливается преимущественно на изучении лексических средств языка¹⁹. Широко изучены образные языковые средства, используемые для конструирования имиджа власти в СМИ²⁰. Манипулятивные приемы формирования имиджа политика в СМИ описаны в работе М. А. Кормилицыной²¹. О. В. Морозова изучает образ власти

через призму коммуникативной категории «свой – чужой»²². Исследование образа власти в русле критического анализа дискурса осуществляется через категории стратегии и тактики и представлено в зарубежных²³, а также некоторых российских исследованиях²⁴.

Проблеме конструирования образа судебной власти в печатных СМИ посвящены работы Т. В. Дубровской. Изучая основные характеристики образа английской судебной власти, представленные на страницах английских газет, она отмечает стремление СМИ поддержать имидж английского судьи как фигуры авторитетной и значимой²⁵. Кроме того, исследовательница констатирует, что «английская судебная система обрисована в прессе как стремящаяся к максимальной открытости и прозрачности, а отдельные судьи – как личности, идущие на контакт, способные находить общий язык с простыми людьми, обоим сторонам их проблемами и прилагающие все усилия для их решения»²⁶.

Отдельным аспектом исследования представлен жанр интервью с судьями в дискурсе СМИ²⁷. Влияние речи представителей власти на ее авторитет, а также образ неоднократно отмечено исследователями²⁸. Поскольку дискурс СМИ о судебной власти включает определенную долю высказываний и выступлений представителей судейского сообщества, вопрос самопозиционирования представляется важным для данного исследования, так как, на наш взгляд, дискурс судей вносит существенный вклад в создание образа судебной власти в СМИ целом. Жанр интервью предоставляет судьям возможность воздействовать на общественное мнение с целью укрепления авторитета судебной власти и доверия к ней²⁹.

К основным тактикам, которые применяют русские и английские судьи для достижения своей основной цели – создания положительного образа судебной власти, Т. В. Дубровская относит следующие: признание ошибок, непризнание вины и ошибок, положительная оценка деятельности судей и своей деятельности в частности, обещания на будущее, критика в адрес других сил, которые стоят на пути развития судебной системы, самоирония, а также неоднократные упоминания принципов функционирования судебной системы³⁰. Исследовательница проводит параллель между тактическими средствами, применяемыми судьями в интервью, и политическими деятелями. В частности, речь идет о таких дискурсивных средствах, как «критика оппонентов, стремление минимизировать негативную информацию и привлечь внимание к позитивной, предложение рецептов дальнейшей работы»³¹.

Изучая репрезентации судебной власти в английских СМИ, английская исследовательница С. Элликотт указывает на наличие определенной доли критики в адрес системы правосудия, в частности, критических замечаний в отношении принятых судебных решений³². Отмечено, что

большая доля критики приходится на долю таблоидов по сравнению с широкоформатной прессой³³.

Обратимся к непосредственным результатам настоящего исследования.

Стратегия активации широко используется журналистами английских и российских СМИ при освещении деятельности судебной власти. Под активацией, согласно Т. ван Льюину, мы понимаем репрезентации, в которых социальный актант выступает активным агентом деятельности³⁴. Использование данной стратегии обусловлено профессиональными обязанностями судей, а также социальной практикой в целом. Право на справедливое разбирательство признается за каждым человеком и гражданином. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона»³⁵. Защита прав и свобод человека и гражданина ставится во главу угла всей судебной работы. Профессиональная деятельность судьи, включающая в себя исполнение обязанностей по судебному разбирательству дела и принятию решения, предполагает активную позицию судьи при отправлении правосудия.

Следует отметить, что данная стратегия обладает свойством прагматической двойственности, т. е. может использоваться для конструирования как положительного образа судебной системы, так и отрицательного.

Стратегия активации реализуется, прежде всего, средствами лексического уровня языка. Особая роль отводится **лексическим единицам с семантикой активного действия**. Заметим, что данная группа слов содержит значение, выражающее властные отношения. Такая лексика отражает полномочия судей и подчеркивает их высокий статус:

*Суд разрешил жителям омского села дер-
жать свиней* (РГ. 01.07.2013);

*Three senior judges **decided** on Monday that vot-
ers were entitled to be told that the mayor of London
conducted a «brief adulterous affair» with the woman
who later gave birth to their daughter, now aged three*
(The G. 21.05.2013).

Обширный пласт лексики данной группы составляют специальные слова, юридические термины, многие из которых используются в составе клише и непосредственно связаны с отправлением правосудия, такие как *постановил* (РГ. 01.07.2013), *арестовал* (РГ. 04.07.2013), *отклонил жалобу* (РГ. 08.07.2013), *огласил постановление* (РГ. 19.07.2013), *признал виновными, подтвердил заключение* (РГ. 01.08.2013), *заклучил под стражу* (РГ. 09.08.2013), *удовлетворил ходатайство* (РГ. 08.08.2013), *выдал санкцию* (НГ. 03.08.2013), *вынес приговор* (НГ. 03.08.2013), *sentenced* (The

DM. 02.01. 2013), *imposed an eight year prison sentence* (The DM. 26.02.2013), *jailed* (The DM. 27.02.2013), *imposed mandatory life sentences* (The G. 10.06.2013), *ruled* (The G. 22.05.2013) и др.

Основная цель использования лексических единиц этой группы – информирование читателя о деятельности судебной власти. Однако на фоне общей тональности публикации данная лексика может приобретать положительную или отрицательную окраску. Так, следующие далее примеры подчеркивают авторитет суда, а также общественную значимость его деятельности:

Вчера Мособлсуд вынес приговор банде убийц, грабителей и мошенников (РГ. 09.07.2013);

The judge also imposed a sexual offences prevention order permanently banning Forrest from working or volunteering with children or having unsupervised contact with children (The G. 21.06.2013).

Лексика активного действия, составляющая стратегию активации, способна создавать положительный образ судебной власти. Судебная власть предстает как высшая инстанция, которая назначает справедливое наказание и реабилитирует невиновных. В российском материале стратегия активации в ее позитивном варианте используется в правительственной «РГ», что в полной мере соответствует идеологии печатного издания. Что касается английской прессы, существенного различия в использовании стратегии положительной активации в широкоформатной газете «The G» и таблоиде «The DM» мы не обнаружили.

Стратегию негативной активации составляют, во-первых, лексические единицы той же группы (лексические единицы с семантикой активного действия), но используемые на фоне негативно-оценочной направленности публикации. Так, в следующем примере автор использует стратегию активации, выражая недовольство «чрезмерно мягким» приговором, назначенным виновному в совершении малолетних, который, по мнению судьи, на данный момент не представляет опасность для общества из-за своего преклонного возраста:

«The issue of whether he poses a threat to society should be irrelevant. The judiciary is sending out the message that this crime is not taken seriously» (The G. 04.06.2013).

Во-вторых, стратегию негативной активации составляют, лексические единицы активного действия с отрицательной оценочностью, создающие отрицательный образ судебной системы:

Тем самым суд нарушил наши законные права. Судья Мелехин назначил первое заседание по существу на завтра, 24 июля, заведомо зная, что мы не сможем на нем присутствовать (НГ. 26.07.2013);

«It is essential to democracy that the elected representatives of the people make the laws that govern this country – and not the judges. Yet some judges seem to believe they can ignore Parliament's wishes» (The DM. 20.02.2013).

Следует отметить, что использование лексики этой группы в большей мере характерно для оппозиционной российской газеты по сравнению с правительственной, а также английской прессой. Действия судей, представленные в СМИ, зачастую противоречат этическим нормам и требованиям, предписанным нормативными документами. Согласно ст. 7 Кодекса судейской этики, «судья должен соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании, вести себя достойно, терпеливо, вежливо в отношении участников процесса и других лиц, присутствующих в судебном заседании»³⁶. Однако следующие репрезентации указывают на отсутствие толерантности и элементарной культуры поведения у судей и создают деспотичный образ российского правосудия посредством лексики с отрицательной коннотацией, а также образных языковых средств:

«Молчите, а то охрана выведет!» – пригрозила судья (НГ. 31.07.2013);

По закону они имеют право сделать заявление, но судья Никишина, сидя за длинным столом, с высоты своего подиума перебивает их, затыкает им рот и словно заталкивает обратно в клетку (НГ. 07.10.2013).

Образная лексика занимает особое место в языке в целом и в дискурсе СМИ о судебной власти в частности. Как замечают исследователи, «собственно образные слова призваны в языке не только именовать, но и давать оценку именованному, передавать отношение человека к называемому явлению»³⁷. К таким средствам языка в рамках стратегии активации относим фразеологизмы и метафоры, которые создают, как правило, негативный аксиологический тон публикации:

Суд тянул до последнего: заседание назначили на 19 июля, последний рабочий день перед концом отсрочки (НГ. 22.07.2013);

На самом заседании судья и прокурор давили на Соскала, дабы провести заседание без переводчика (НГ. 31.07.2013);

In an unprecedented public attack, the Home Secretary accused judges of tearing up the British constitution by flouting a decision by MPs to stop foreign criminals using the European Convention on Human Rights (ECHR) to avoid being thrown out (The DM. 16.02.2013);

«She was dreading being a witness. She had to go on anti-depressants, possibly her drugs were getting stronger and having no effect, but the court tipped her over the edge» (The DM. 09.02.2013);

Some judges «have got it into their heads» that the ECHR Article Eight «right to family life» could not be curbed, she said (The DM. 16.02.2013).

В-третьих, стратегию негативной активации составляют лексические единицы, содержащие отрицание (глаголы действия с частицей *не*, наречие *never*, герундий в сочетании с предлогом *without*) и указывающие на то, что желательное действие не было выполнено, что характерно для всех исследованных источников:

Причем, если человек не является в суд, у судьи масса возможностей доставить его на заседание принудительно. Почему ничего этого не было сделано? (РГ. 16.07.2013);

На этой неделе судья не стал назначать экономическую экспертизу по материалам дела и во второй раз (!) отказался вызвать свидетелей защиты (НГ. 05.07.2013);

Many children who end up in care are **never interviewed** by the judge who makes the decision to remove them from their families, according to a report by an influential group of MPs and child protection experts (The G. 10.02. 2013);

«Unfortunately, some judges evidently do not regard a debate in Parliament on new immigration rules as evidence that Parliament wants to see those new rules implemented» (The DM. 16.02.2013).

Как видим, лексические единицы с семантикой активного действия, использующиеся в рамках стратегии негативной активации, создают у читателей впечатление несправедливости, нечестности и непрофессионализма в работе судейства.

Стратегия активации реализуется также посредством лексики с семантикой вербального действия. Лексические единицы этой группы используются для введения цитат и ссылок на источники информации, а именно высказывания судей, посредством прямой или косвенной речи. Такие высказывания представляют собой интертекстуальные включения, использование которых широко представлено в английских СМИ, подтверждая высказывание о том, что «любой текст строится, как мозаика цитаций»³⁸. Основное предназначение интертекстуальных включений – создание объективной тональности³⁹. Однако тот факт, что они являются «мощным оценочным механизмом»⁴⁰, который способен воздействовать на адресата, также отмечен исследователями⁴¹.

Стратегия активации, создаваемая посредством лексики с семантикой вербального действия, приобретает особую значимость в дискурсе английских печатных СМИ. Цитирование речи судей является общепринятой практикой для британских журналистов, которая вносит существенный вклад в создание образа судебной власти в СМИ. Глаголы вербального действия, содержащиеся комментарии судьи относительно принятого им решения, а также высказывание собственного мнения, являются типичными для репрезентаций британских печатных СМИ, что подтверждают следующие примеры:

Sending him to prison for life, Thirlwall said: «You are a disturbingly dangerous man. Your guiding principle is what Mick Philpott wants he gets. You have no moral compass. I have no hesitation in concluding that these six offences are so serious and the danger you pose is so great that the only proper sentence is one of life imprisonment and that is the sentence I impose upon you» (The G. 04.04. 2013);

Jailing Sharp, Mr Justice Griffith Williams told him: «This is a horrific, cold-hearted murder, carried

out to gratify your perverted sexual desires». He said Sharp would serve at least 37 years before he could be considered for parole (The G. 25.02.2013).

Как видим из примеров, в комментариях английских судей проявляются их личные переживания по отношению к участникам судебного процесса, а также совершенному преступлению. Вопрос о проявлении чувств судьями, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. На этот счет в научной литературе находим противоположные точки зрения. С одной стороны, принцип беспристрастности, закрепленный в российском и английском кодексах судейской этики⁴², налагает на речевое поведение судей институциональные ограничения. С другой стороны, исследователи установили, что судья является обычным человеком, которому не чужды чувства простых смертных⁴³. В подтверждение этому Д. Пэнни пишет: «Всего лишь опасным заблуждением является утверждение, что, надев мантию и присягнув в должности судьи, человек перестает быть простым смертным, избавляется от всех пристрастий и становится бесстрастной мыслящей машиной»⁴⁴. Т. В. Дубровская выявляет личностные проявления в речевом поведении судей и утверждает, что между участниками судебных процессов помимо отношений на институциональном уровне могут возникать отношения личного характера, такие как расположение, сочувствие, неприязнь и т. д.⁴⁵. «Закрепленные в официальных документах нормы и инструкции о том, что личные чувства судей не должны влиять на их профессиональную деятельность, не могут тем не менее исключить появление этих чувств и проявление их в речи», – пишет исследовательница⁴⁶.

Комментарии английских судей позволяют создать собирательный портрет судьи, который отражает их личные качества. Исходя из исследованных репрезентаций, английские судьи следуют высоким принципам морали и нравственности, что предписано судьям нормативными документами⁴⁷.

Лексика с семантикой вербального действия, реализующая стратегию активации, присутствует и в российских печатных СМИ, однако цитирование речи судей не характерно для российской прессы. Лексические единицы этой группы чаще используются с целью информирования. Так, примеры далее сообщают о нововведениях, принятых в обществе при участии судебной системы, тем не менее, следует отметить наличие в них положительной оценочной направленности, что является характерным для правительственной прессы:

Верховный суд прояснил правила выплаты страховок (РГ. 05.07.2013);

Верховный суд разъяснил – за незаконное преследование гражданина раскошелиться обязан не только обидчик, но и казна (РГ. 16.07.2013).

На уровне грамматики стратегия активации реализуется прямым порядком слов в предло-

жении и глаголами в действительном залоге. Употребление глаголов совершенного вида в русском языке и видовременной формы Present Perfect в английском языке создает положительно-оценочную направленность, косвенно указывая на результативность и плодотворность работы суда:

The supreme court has ruled that a Scottish council discriminated against female classroom and nursery workers by refusing to pay them the same bonuses offered to male employees (The G. 26.06.2013).

К другим грамматическим средствам, реализующим стратегию активации, относятся модальные глаголы, словосочетания, в состав которых входят существительное, деепричастие в русском материале, причастие настоящего времени и герундий в английском материале, а также перформатив, используемый в рамках цитирования.

Таким образом, стратегия активации способна создавать как положительный, так и отрицательный образ судебной власти, что достигается, главным образом, посредством лексики. Стратегия активации в ее положительном варианте конструирует положительный образ суда, подчеркивая его авторитет и общественную значимость. Стратегия активации в ее негативном варианте реализует критические замечания в адрес судебной системы, указывая на несостоятельность либо некомпетентность судебной власти. Для правительственной «РГ» характерно использование стратегии положительной активации, что соответствует интересам власти, тогда как оппозиционная «НГ» чаще использует стратегию негативной активации, подрывая авторитет суда. В обеих газетах английской прессы, несмотря на наличие определенной доли критики, выраженной посредством стратегии активации в ее негативном варианте, превалирует стратегия положительной активации, конструирующая позитивный образ правосудия. Лексика с семантикой вербального действия, используемая в рамках стратегии активации для цитирования речи судей, приобретает особую значимость в дискурсе английских СМИ. Комментарии судей характеризуют их как высоконравственных людей, добросовестно исполняющих свои профессиональные обязанности.

Примечания

- 1 Прозоров В. Власть и свобода журналистики : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М., 2012. С. 6.
- 2 MacDonald M. Exploring Media Discourse. L., 2003. С. 2. Перевод здесь и далее автора статьи.
- 3 См.: Негрышев А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие. Владимир, 2009 ; Прозоров В. Указ. соч. ; Русакова О. Медиадискурс как инструмент конструирования политической реальности // Масс-медиа и массовые коммуникации : статус

научных и учебных дисциплин : Первый международный научный colloquium : сб. науч. работ. Белгород, 2013. С. 95–99 ; Шейгал Е. Семиотика политического дискурса. М., 2004 ; Fairclough N. Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research. L. ; N. Y., 2004 ; Bloor M., Bloor Th. The Practice of Critical Discourse Analysis : an Introduction. L., 2007 ; Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. L., 2002.

- 4 См.: Российский суд теряет завоеванное доверие. URL: <http://pravo.ru/review/view/75723/> (дата обращения: 12.01.2015).
- 5 См.: Select Committee on Constitution Sixth Report. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200607/ldselect/ldconst/151/15106.htm> (дата обращения: 22.09.2015).
- 6 См.: Данкова Н., Дубровская Т. Репрезентация оппозиции «судебная власть – народ» в дискурсе российских печатных СМИ // Филология и человек. 2014. № 4. С. 35–46 ; Дубровская Т., Данкова Н., Гуляйкина С. Современный контекст взаимоотношений судебной власти и СМИ в Пензенской области // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (31). С. 163–173 ; Гуляйкина С., Дубровская Т., Данкова Н. Манипулятивный потенциал медийных стратегий репрезентации судебной власти (на материале СМИ Пензенской области) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 101–108 ; Dubrovskaya T., Dankova N., Gulyaykina S. Judicial Power in Russian Print Media : Strategies of Representation // Discourse & Communication. 2015. № 9. P. 293–312.
- 7 Reissigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination : Rhetoric of Racism and Anti-Semitism. L., 2001. P. 44.
- 8 Источники речевого материала: Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/>; Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/>; The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/uk>; The Daily Mail. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html>.
- 9 См.: Dijk T. A. van. Ideology : a Multidisciplinary Approach. L., 1998.
- 10 Там же. С. 189.
- 11 Прозоров В. Указ. соч. С. 7.
- 12 См.: Негрышев А. Референтное событие и референтная база новостного медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 78–90.
- 13 Там же.
- 14 См.: Негрышев А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ ; Белоедова А. Метаязыковое комментирование как показатель степени достоверности в журналистском тексте // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ / под ред. М. Ю. Казак. Белгород, 2014 ; Кожемякин Е. Современные медиадискурсы : специфика и проблема когерентности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. Белгород, 2014. С. 57–62 ; MacDonald M. Op. cit. ; Cabedoche B. On the Societal Impact of ICTs : The Gap between Journalists'

- Analyses and Research Conclusions – the Example of «Arab Revolutions» // Past, Future and Change : Contemporary Analysis of Evolving Media Scapes / ed. by I. T. Trivundža, N. Carpentier, H. Nieminen, P. Pruulmann-Venerfeldt, R. Kilborn, E. Sundin, T. Olsson. Ljubljana, 2013. P. 111–122; *Sjovaag H.* The Meaning and Function of Journalistic Ideology // Ibid. P. 135–146.
- ¹⁵ *Прозоров В.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁶ См.: *Кормилицына М.* Формирование имиджа политика средствами СМИ // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2004. Вып. 4. С. 65–70; *Харламова Т.* Динамика образа России в политических выступлениях зарубежных политических лидеров // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ / под ред. О. Н. Дубровской, Т. В. Харламовой. Саратов, 2008. С. 29–33; *Пономарева О.* Вербализация политического имиджа в российских и американских средствах массовой информации : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008; *Суздальцева В.* Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 284–328; *Кравчук Т.* Особенности предвыборного дискурса российской политической оппозиции в президентских кампаниях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 22–26; *Морозова О.* Образ России и США в российской прессе как реализация коммуникативной категории «свой – чужой» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 34–39.
- ¹⁷ См.: *Кормилицына М.* Формирование имиджа политика средствами СМИ; *Пономарева О.* Указ. соч.; *Суздальцева В.* Указ. соч.
- ¹⁸ *Суздальцева В.* Указ. соч. С. 288.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: *Вражнова И.* Динамика политической метафоры в российском политическом дискурсе // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ. Саратов, 2008. С. 81–105.
- ²¹ См.: *Кормилицына М.* Формирование имиджа политика средствами СМИ.
- ²² См.: *Морозова О.* Указ. соч.
- ²³ См.: *Dijk T. A. van.* Op. cit.
- ²⁴ См.: *Дубровская Т.* Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика. 2010. Вып. 10. С. 21–33; *Харламова Т.* Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ // Язык. Право. Общество : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Г. И. Канакиной. Пенза, 2014. С. 397–403.
- ²⁵ См.: *Дубровская Т.* Образ судьи и судебной власти в дискурсе английских СМИ // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. 2008. № 3. С. 72–81.
- ²⁶ Там же. С. 80.
- ²⁷ См.: *Дубровская Т.* Интервью с судьями как гибридный тип дискурса.
- ²⁸ См.: *Сиротинина О.* Авторитет власти и речь // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2004. Вып. 4. С. 22–25; *Паришина О.* Риторический портрет В. В. Путина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2005. Вып. 5. С. 25–35; *Паришина О.* Степень риторической грамотности политика как один из факторов его авторитетности // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2004. Вып. 4. С. 34–42; *Tolson A.* Media Talk and Spoken Discourse on TV and Radio. Edinburgh, 2006.
- ²⁹ См.: *Дубровская Т.* Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М., 2010.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 311.
- ³² См.: *Ellicott S.* British Newspaper Representations of the Judiciary in Connection with Coverage of the Human Rights Act 1998 and the European Convention on Human Rights : master's diss... University College London, 2012.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См.: *Leeuwen T. van.* The representation of social actors // Caldas-Coulthard C. R., Coulthard M. (eds). Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis. L., 2003. P. 43.
- ³⁵ European Convention on Human Rights. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/convention_ENg.pdf (дата обращения: 22.09.2015).
- ³⁶ Кодекс судейской этики. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/29761692/36484510> (дата обращения: 11.09.2015).
- ³⁷ *Шерина Е.* Лингвострановедческая ценность образной лексики в процессе преподавания русского языка как иностранного // Современная филология : материалы междунар. науч. конф. Уфа, 2011. С. 219.
- ³⁸ *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 1. С. 99.
- ³⁹ См.: *Добросклонская Т.* Медиалингвистика : системный подход к изучению языка. М, 2008; *Махова А.* Актуальные интертексты в журналистском тексте : форма и содержание // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ / под ред. М. Ю. Казак. Белгород, 2014. С. 79–84.
- ⁴⁰ *Клушина Н.* Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 494.
- ⁴¹ См.: *Алещанова В.* Цитация в газетном тексте (на материале современной английской и российской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000; *Клушина Н.* Указ. соч. С. 479–495; *Кормилицына М.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. трудов / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 13–34; *Кардунян М.* Языковые приемы современного дискурса масс-медиа (на материале аналитических статей) // Вестн. Сев.-Осетин.

гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 1. С. 134–139.

⁴² См.: Кодекс судейской этики. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/29761692/36484510> (дата обращения 11.09.2015); Guide to Judicial Conduct. URL: https://www.judiciary.gov.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Guidance/judicial_conduct_2013.pdf (дата обращения: 22.09.2015).

⁴³ См.: Дубровская Т. Судебный дискурс : речевое по-

ведение судьи (на материале русского и английского языков); Pannick D. Judges. Oxford; N. Y., 1987.

⁴⁴ Pannick D. Op. cit. P. 26.

⁴⁵ См.: Дубровская Т. Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков).

⁴⁶ Там же. С. 128.

⁴⁷ См.: Кодекс судейской этики. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/29761692/36484510> (дата обращения: 11.09.2015).

Образец для цитирования:

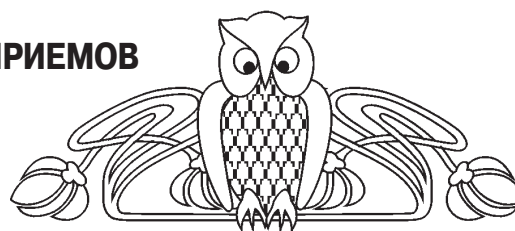
Данкова Н. С. Репрезентация судебной власти в дискурсе российских и английских печатных СМИ : стратегия активации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–459. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-452-459.

УДК 811.161.1'42 :070

«НАКЛЕИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ» КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ МАНИПУЛЯЦИИ ИНФОРМАЦИЕЙ В СМИ

Л. Г. Навасартян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: chaika115@mail.ru

Статья посвящена проблеме манипуляции информацией в текстах СМИ. Рассматривается один из манипулятивных приемов – «наклеивание ярлыков». Анализируются примеры из современных общественно-политических изданий («Российская газета», «Новая газета», «Московский комсомолец»).

Ключевые слова: язык СМИ, манипуляция информацией, речевое воздействие, наклеивание ярлыков, политический дискурс.

'Labeling' as a Technique of Information Manipulation in Mass Media

L. G. Navasartyan

The article considers the issue of information manipulation in mass media texts. One of the manipulative techniques – labeling – is researched. The examples from the modern general interest media (*Rossiyskaya gazeta*, *Novaya gazeta*, *Moskovsky komsomolets*) are analyzed.

Key words: mass media language, information manipulation, speech impact, labeling, political discourse.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-459-463

Современные средства массовой информации не просто сообщают о произошедших событиях, а формируют в сознании адресата новые ценностные ориентиры, влияют на мнение, поведение и мировоззрение людей. Поэтому можно утверждать, что СМИ являются мощным инструментом воздействия на массовую аудиторию. В процессе передачи информации особое внимание уделяется отбору языковых средств. Стилистическое многообразие языка позволяет журналистам прибегать к языковому (речевому) манипулированию

информацией. «Языковое манипулирование – это разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата»¹. Благодаря использованию различных средств языка у журналиста появляется возможность подать информацию так, чтобы навязать адресату необходимое представление о действительности, изменить его отношение к ней. Особая речевая организация текста способствует возникновению заблуждений в сознании адресата, некритично воспринимающего сообщение.

Функция воздействия обуславливает использование стилистически окрашенных слов. Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на два больших разряда: с положительной и с отрицательной характеристикой. Положительной характеристикой обладают слова с торжественным, возвышенным, риторическим, возвышенно-поэтическим оттенком, а также слова, содержащие эмоциональную оценку одобрения, ласкательности и т. д. А негативная характеристика выражается словами с неодобрительным, презрительным, укоризненным, ироническим, пренебрежительно-фамильярным, бранным оттенком².

Таким образом, в медиатексте, помимо информации о событии, содержатся дополнительные оценочные смыслы, которые внедряются в сознание адресата. Экспрессивные слова и выражения формируют определенное отношение к сообщаемому явлению, вызывая одобрение, вос-

хищение или, наоборот, неодобрение, презрение. Разнообразные номинации нередко превращаются в стереотипы, штампы или ярлыки, которые тиражируются в прессе.

В данной статье мы рассмотрим один из эффективных приемов манипуляции информацией – «наклеивание ярлыков». Материалом для исследования послужили статьи на общественно-политические темы, опубликованные в «Российской газете» (далее – РГ), «Московском комсомольце» (далее – МК), «Новой газете» (далее – НГ). Выбор материала обусловлен тем, что чаще всего манипулятивные приемы применяются в текстах политического дискурса.

Ярлык представляет собой необъективную, неаргументированную характеристику человека или явления, выраженную в эмоционально окрашенной форме. Его воздействующая сила отмечается Н. И. Клушиной: «Негативная номинация – это и есть публицистический ярлык, “конденсирующий” в себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя»³. Ярлыки употребляются в СМИ для достижения выгодных манипулятору целей: «Прием “наклеивания ярлыков” – это использование слов негативной окраски с целью дискредитировать идеи, планы, личности, вызвать чувство предубеждения, страха, ненависти, не прибегая к объективной оценке или анализу»⁴. А. М. Цуладзе называет ярлыки «манипулятивными терминами» и отмечает: «Опасность их в том, что, входя в широкий обиход благодаря прежде всего СМИ, они приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, порой замещая, вытесняя другие – смежные, но менее агрессивные понятия»⁵.

Например, с подачи Алексея Навального за партией «Единая Россия» закрепился ярлык «партия жуликов и воров». 2 февраля 2011 г. известный оппозиционер и блоггер в прямом эфире радиостанции «Fipam FM» сказал следующее: «К партии “Единая Россия” я отношусь очень плохо. Партия “Единая Россия” – это партия коррупции, это партия жуликов и воров». Данное оценочное высказывание получило широкое распространение и стало часто упоминаться в прессе для создания негативного образа правящей партии и ее членов: «Всё, больше не увидим мы этого славного представителя Партии Жуликов и Воров на сайте ГосДумы. Только что Владимир Пехтин заявил, что слагает с себя полномочия депутата ГосДумы. Теперь может окончательно переселиться в Майами и спокойно жить, не выслушивая никаких претензий», – написал в своем блоге Алексей Навальный (МК. 20.02.2013); Так, одна из политических сил, которую в простонародье зачастую именуют «партией жуликов и воров», выдвинула в гордуму [кандидатуру] Александра Тюрина (МК. 01.07.2015); Единого ответа на вопрос «Что делать?» у выступавших не было: одни предлагали бойкотировать пред-

стоящие выборы, другие – голосовать за кого угодно, кроме «партии жуликов и воров» (НГ. 25.06.2011); Напомним, скандальное высказывание депутат сделал 13 июля, когда принимался закон «О клевете». Пономарев был категорически не согласен с новыми поправками к закону и заявил, что призывает «жуликов и воров» за него не голосовать (МК. 24.09.2012); Вместе с представителями ряда как думских, так и непарламентских партий Евгений Урлашов созывает горожан на митинг против «Единой России». И мероприятие, по его мнению, всерьез напугало «жуликов и воров», – пишет «Независимая газета» (МК. 18.06.2013). Жулик, вор – это имена существительные с ярко выраженной негативной коннотацией, обозначающие осуждаемую обществом деятельность. Семантически они близки к таким выражениям как *мошеник, обманщик, нечестный человек, преступник, незаконные действия, расхищать, грабить, присваивать себе чужое*. Эмоциональное обобщение *партия жуликов и воров* дискредитирует представителей партии «Единая Россия» и формирует негативное отношение читателя, причем не к конкретным людям, а ко всей партии. Искажение информации привело к тому, что репутация партии власти была подорвана, и на ее восстановление ушло немало времени: Глава фракции единороссов в Госдуме Владимир Васильев поблагодарил работников Генпрокуратуры: «Вы нам очень помогли уйти от того ярлыка, который нам навесили наши политические конкуренты. Помните – “партия жуликов и воров”?» (РГ. 14.01.2013).

Не только политические партии, но и члены правительства становятся объектом критики в печатных изданиях. Предоставляемая журналистами информация бывает необъективной. С помощью эмоционально-оценочной лексики передается пренебрежительное отношение к власти: *Одно из самых поразительных (и притом разрушительных) проявлений разложения и деградации российской власти – ее патологическое в своей безграмотности самодурство; Но не исправлять же текст указа! Ясно, что это обнажит пусть перед ничтожно малой, но все же частью народа истинный уровень – причем не одного только Медведева, но и всей правящей Россией тусовки* (МК. 13.01.2014). Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку – *патологическая безграмотность, самодурство, правящая тусовка*, – создают образ неграмотных руководителей, в речах и указах которых встречаются ошибки. Чтобы показать, в чем проявляется «самодурство», произвол властей, журналист напоминает о так называемой «реформе времени» (отмене сезонного перевода часов на «зимнее время»). Принятие этого закона оценивается как *бесчеловечный эксперимент, который разрушает общественную психику: Жизнь в противоестественном ритме, навязанном правящей тусовкой, почти каждому гражданину,*

вот уже третий год разрушает общественную психику, не говоря о том, что явно не прибавляет симпатий к власти (МК. 13.01.2014). Летнее время опережает астрономическое (поясное) на два часа, что противостоит естественному и негативно влияет на здоровье человека. Получается, что решения властей не приносят пользу народу. В текст намеренно вводится только та информация, которая выгодна манипулятору и способствует формированию искаженных представлений о действительности у адресата. Подрывается авторитет руководства страны. Правящая элита превращается в *правящую тусовку* – группу по интересам. Разговорное слово *тусовка* также подчеркивает некомпетентность, нежелание работать и безответственность властей.

Ярлыки встречаются и в текстах, затрагивающих разные социальные проблемы. Тема воровства, коррупции – одна из актуальных в современной политической жизни. На чиновника, который владеет предметами роскоши (особняками, яхтами), навешивают ярлык «вор», подразумевая растрату им бюджетных денег на личные нужды. При этом речь идет не о конкретном человеке, а в целом обо всех госслужащих. Как видно из следующих примеров, экспрессивно-оценочными могут быть не только слова, но и отдельные аффиксы: *Если сведения об особняках, яхтах, самолётах публичны – то и дознание должно быть публично, и суд над пойманым ворюгой будет публичным* (МК. 06.10.2015); *Ничтожный человечек* (имеем в виду не рост в сантиметрах, которых всё же больше ста, а моральные качества, коих полный ноль) обычно *ворует* в гигантских масштабах, если его ничто не останавливает. А что может остановить, если нет морали? Только страх: узнают, поймают, посадят. Так пусть не узнают (МК. 06.10.2015). Суффикс *-юг-* в слове *ворюга* передает пренебрежение, презрение к обозначаемому лицу. Слова с суффиксом *-юг-* имеют негативное лексическое значение, например, *хитрюга, зверюга* и т. д. Уменьшительный суффикс *-ек-* в слове *человечек* в сочетании с прилагательным *ничтожный* и глаголом *воровать* с осуждающей семантикой усиливают отрицательный образ чиновника и закрепляют его в сознании адресата.

В СМИ отношение к чиновникам редко выражается в нейтральной форме. Чтобы воздействовать на аудиторию, журналисты, как правило, используют те слова и выражения, которые вызывают в сознании адресата неприятные ассоциации, например, «вор», «бездельник», «взяточник». В результате формируется собирательный отрицательный образ чиновника. Конечно, здорово, что *взяточников и вороватых чиновников* выводят на чистую воду и отдают под суд. Но стремительный рост коррупционных преступлений в России портит настроение даже большим оптимистам (РГ. 28.09.2012). Подобные обобщенные номинации (*взяточники, вороватые чиновники*)

связывают госслужащих с отрицательно оцениваемыми действиями. Создается обманчивое впечатление, что все чиновники коррумпированы. Но ведь среди них есть и те, кто добросовестно выполняет работу.

Таким образом, прием «наклеивания ярлыков» позволяет дискредитировать образ власти. Бездоказательные слова с негативной оценкой подрывают ее авторитет. В сознание адресата внедряются штампы, что чиновники – это *воры, взяточники, жулики, самодуры, тусовка*, а значит, им не стоит доверять. Тем самым СМИ формируют негативное отношение общества к государственным служащим⁶.

Однако словесные ярлыки используются не только по отношению к представителям власти. Несистемная оппозиция также подвергается необоснованной критике. Например, не поддерживающих власть граждан стали называть «пятой колонной»: *Сейчас, судя по официальным социологическим опросам, вам [президенту] доверяет почти 90% населения. Было бы логично, если бы это «доверие вообще» распространялось и на частные случаи. Если вы говорите, что тогда властями было сделано всё правильно и что иначе жертв было бы больше, то и народ должен так думать. Ведь 90% – это и есть народ. Остальные – пятая колонна или её пособники* (МК. 03.09.2015); *Баннер «Пятая колонна: чужие среди нас», который на днях появился на Новом Арбате, персонально обозначил ту самую «пятую колонну», о которой в марте говорил президент Путин в своем послании Федеральному собранию. Теперь мы знаем в лицо эту «пятую колонну»: это Навальный, Макаревич, Пономарев, Шевчук, Немцов* (НГ. 28.02.2015).

«Пятой колонной» еще с советских времен называют изменников Родины, тех, чья деятельность направлена на дестабилизацию обстановки внутри страны. Термин ассоциируется с такими понятиями, как «измена», «предательство», «шпионаж», «подрывная деятельность». Сегодня к «пятой колонне» относят тех, кто критикует политику президента, кто не поддерживает присоединение Крыма к России, кто принимает участие в оппозиционных митингах. Для создания образа внутреннего врага используются и другие ярлыки с ярко выраженной негативной и осуждающей семантикой – «иностранный агент», «враг народа», «предатель»: *Оппозиция предстала в глазах российского общественного мнения вовсе не моральным авторитетом, как они, видимо, задумывали, а реально иностранными агентами; Они вообще за кого, они чьи патриоты-то? России или США?* (МК. 27.12.2012); *Напомним, на прошлой неделе Рамзан Кадыров заявил, что несистемная оппозиция пытается расшатать ситуацию в России. По мнению главы республики, «к таким людям надо относиться как к врагам народа, как к предателям. У них нет ничего святого», а также он призвал по всей строгости наказы-*

вать людей «за подрывную деятельность» (НГ. 22.01.2016). Таким образом, оппозиционеры – это враги народа, предатели, иностранные агенты, пятая колонна. Однако такое представление искажает действительность. Ведь, несмотря на то, что оппозиционеры противостоят действующей власти, они патриотично настроены и не нацелены на ослабление страны.

Ярлыки обладают воздействующей силой, а выбор номинации чаще всего зависит от идеологической позиции автора или издания. «В публицистике ярлык не просто шаблон и неодобрительная характеристика предмета, личности, явления, а их идеологическая интерпретация»⁷. Дискредитируются, как правило, политические оппоненты, недружественные страны. Например, Украина представляется как страна, «ворующая» газ: *Как говорил Алексей Миллер, нынешние темпы накопления газа не позволят сделать ресурсы, позволяющие направить обещанные поставки в Европу, а также обеспечить голубым топливом собственную страну. А это ведет к единственному способу пополнения Украиной своих энергетических ресурсов – воровству газа из европейской трубы* (МК. 11.09.2015); *Киев хочет переключить учет на себя, т. е. подсчитывать транзитные объемы в приграничных с ЕС районах. Тогда станет нельзя доказать, что Украина ворует газ, и Киев сможет обвинить в недопоставках российскую сторону* (МК. 27.07.2014). Ярлык «вор» подрывает имидж Украины, вызывает у адресата негативное отношение к ней. Последние политические изменения (смена власти, протесты на юго-востоке страны, присоединение Крыма к России) привели к тому, что между Россией и Украиной установились напряженные отношения. После этого СМИ стали негативно отзываться об Украине: *Украинский майданутий бомонд обвиняет Россию в том, что она сделала очередной шаг к присоединению мятежных территорий юго-востока; Да, Украина – это дефективное государство, с которым России все равно придется иметь дело. Соседей в таких случаях не выбирают. Да, Порошенко – лжеец, но и он не худший вариант на фоне конкурентов* (МК. 06.10.2015). С помощью ярлыков создается образ слабой страны (*дефективное государство*, т. е. имеющее недостатки, дефекты), руководит которой *майданутий бомонд* во главе с президентом-лжецом. Пренебрежение и осуждение выражается в суффиксе и семантике слов *майданутий*, *лжеец*. В центре Киева находится Площадь Независимости, по-украински «Майдан Незалежности», на которой регулярно проходят антиправительственные митинги. Слово *майдан* стало обозначать не столько место, сколько политическое явление – массовые выступления народа против власти. А суффикс *-ут-* встречается в разговорных словах, обозначающих нездоровое состояние, например, *тронутый*, *двинутый*, *чокнутый*. Таким образом, в ново-

образовании *майданутий* скрывается два значения: 1) сторонник революций (идей Майдана) и 2) признак психической неуравновешенности. Слово *бомонд*, близкое по значению к *тусовке*, подчеркивает безответственность властей. А ярлык *лжеец* вызывает у адресата недоверие к президенту Украины.

То, что за ярлыками стоит определенная идеологическая позиция, подтверждает и следующая пример, в котором дискредитируется Михаил Саакашвили (уже бывший президент Грузии): *Президент Грузии Михаил Саакашвили, который по аналогии с принятой в США терминологией находится в положении «хромой утки», с «постепенно ускользающими» от него рычагами влияния, вернулся к своей излюбленной тактике. Собрал журналистов и выступил с целым рядом провокационных заявлений; Под горячую руку неуравновешенного президента, когда-то жевавшего свой галстук, на этот раз попали грузинские производители «Боржомы» и вин, а также российские инспекторы, приехавшие на грузинские заводы для проведения экспертиз; Все эти заявления, которые, мягко говоря, далеки от реальности, свидетельствуют о том, что Саакашвили, с его непредсказуемым поведением, лишенный реальных рычагов управления, попросту «поплыл». Не держит удар, как безнадежно проигрывающий боксер. Паникует, как это было тогда, когда он прятался за спинами охранников в августе 2008 года, услышав звук самолета в небе над Гори. Тучи над президентом сгущаются все сильнее* (РГ. 28.02.2013).

С помощью экспрессивно-оценочных лексических средств языка автор статьи создает резко негативный образ Михаила Саакашвили. Назвав его *хромой уткой*, журналист подчеркивает неэффективность работы М. Саакашвили в качестве президента Грузии. В американской политике «хромой уткой» (калька с англ. «lame duck», сленг) называют президента, который покидает свой пост, или фигуру, от которой мало что зависит, а также политика, которому не суждено больше переизбраться. Далее президент назван *неуравновешенным*, и случай с галстуком якобы это подтверждает. На наш взгляд, такой эпитет не совсем этичен по отношению к главе другого государства, также как и некорректно такое сравнение: *не держит удар, как безнадежно проигрывающий боксер*. Журналист тем самым создает образ не сильного президента, а «неуравновешенного», «непредсказуемого» человека, который готов сдаться и *прячется за спинами охранников*. Глаголы *поплыл*, *не держит удар*, *паникует*, *прятался* подчеркивают слабость, беспомощность главы государства. Автор статьи использует перечисленные языковые средства для того, чтобы передать свою субъективную, резко негативную оценку деятельности президента Грузии. В тексте преобладают эмоционально-оценочные высказывания, что усложняет восприятие информации. Акцент

делается на образе М. Саакашвили, а не на сути его встречи с журналистами.

Как видно из примеров, ярлыки используются и по отношению к первым лицам государства. Они характеризуют личные качества президента или стиль правления. К примеру, по отношению к президенту Белоруссии используется лексема с негативной семантикой – *диктатор*: *Что же, дорогие граждане, Майдан животворящий делает! На Украине, как все мы знаем, – ничего хорошего. Зато с политическим имиджем «последнего диктатора Европы» Александра Григорьевича Лукашенко он творит самые настоящие чудеса. Набрав свыше 83% голосов, Лукашенко одержал уже пятую в своей карьере победу на выборах президента Белоруссии – вы представляете, как бы воспринималась такая новость, если бы на Украине не случилось «триумфа демократии» в виде Майдана? Правильно, как очередное доказательство того, что «диктатор Лукашенко» в очередной раз поставил ногу на горло оппозиции, включил на всю катушку административный ресурс и выдал на-гора заранее запрограммированный результат* (МК. 12.10.2015). Александр Лукашенко является бессменным президентом Белоруссии с 1994 г. Ярлык *диктатор* указывает на недемократичный стиль его правления. Современное общество не одобряет диктатуру. Этот режим ассоциируется с такими известными правителями, как Гитлер и Сталин. Использование данного ярлыка приводит к тому, что А. Лукашенко ставится в один ряд с этими диктаторами. Тем самым формируется негативное отношение адресата к президенту Белоруссии.

Таким образом, словесные ярлыки служат средством манипуляции информацией. В медиатекст намеренно вводятся номинации, которые вызывают у адресата искаженные представления о действительности. Эти ярлыки представляют собой необоснованную, субъективную, эмоцио-

нальную характеристику человека или явления, вызывают отрицательные ассоциации и подводят читателя к неправильным выводам. Анализ материала показал, что прием «наклеивания ярлыков» используется в прессе с целью дискредитировать политиков, партии, руководителей стран, а также оппозиционеров и сформировать негативное отношение адресата к ним. Данный прием реализуется за счет употребления существительных, прилагательных, глаголов, обозначающих осуждаемую обществом деятельность, а также слов с оценочными суффиксами. Экспрессивные слова и выражения препятствуют объективному восприятию информации. Выбор словесных ярлыков чаще всего зависит от идеологической позиции автора или издания, поскольку с их помощью создается собирательный образ врага, подрывается репутация как отдельного человека, так и всей страны.

Примечания

- ¹ Копнина Г. Речевое манипулирование : учеб. пособие. 2-е изд. М., 2008. С. 25.
- ² См.: Стилистика русского языка : учебник. М., 2008. С. 223–224.
- ³ Клушина Н. Стилистика публицистического текста. М., 2008. С. 140.
- ⁴ Булгакова Н. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42.
- ⁵ Цуладзе А. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999. С. 86–87.
- ⁶ См.: Киселева О., Сурица Ю. Проблема формирования позитивного отношения к образу чиновника и государственного служащего на примере средств массовой информации Ульяновской области // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11146> (дата обращения: 29.04.2016).
- ⁷ Клушина Н. Указ. соч. С. 140.

Образец для цитирования:

Навасартян Л. Г. «Наклеивание ярлыков» как один из приемов манипуляции информацией в СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 459–463. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-459-463.

УДК 070(470.344)

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ТЕЛЕ- И РАДИОКАНАЛОВ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ

Л. А. Васильева, А. Д. Гаврилов

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары

E-mail: milavas71@mail.ru, artmaster28@rambler.ru

В работе рассматривается взаимодействие электронных средств массовой информации Чувашской Республики с социальными сетями. Авторы выявляют специфику такой интеграции государственных и коммерческих вещателей, анализируют контент наиболее успешных масс-медиа региона, оценивают политику редакций в отношении организации труда по продвижению своего СМИ в социальных сетях.

Ключевые слова: масс-медиа, журналистика, социальные сети, новые медиа, телевидение, радио, конвергенция, Интернет, Чувашская Республика.

The Features of TV and Radio Channels' Integration with Social Networks in Chuvash Republic

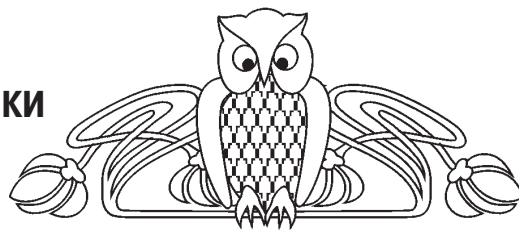
L. A. Vasilyeva, A. D. Gavrilov

The article considers the interaction of electronic mass media of Chuvash Republic with social networks. The authors identify the features of such integration of the state and commercial broadcasters, analyze the contents of the most successful mass media of the region, evaluate the editorial boards' policies towards managing the activities promoting their mass media in social networks.

Key words: mass media, journalism, social networks, new media, TV, radio, convergence, Internet, Chuvash Republic.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-464-468

В современном мире цифровое присутствие средств массовой информации рассматривается как один из типов масс-медиа, наиболее актуальный формат, успешная форма взаимодействия с аудиторией. Эволюция информационно-телекоммуникационной сети Интернет задала новый вектор развития человечества во всех его сферах. Медиаструктуры освоили новые технологии, прошли через дигитализацию, подверглись конвергенции и в конечном счете обрели свои онлайн-платформы: официальные сайты, интернет-вещание, мобильные приложения и т. д. Цифровая революция оказала колоссальное влияние на общество: новые медиапродукты с их мультимедийностью и интерактивностью видоизменили традиционный образ мышления аудитории на клиповый (переход восприятия информации от текстового к визуальному)¹ и тем самым сформировали ее медиапредпочтения. Вместе с тем активизировавшиеся процессы глобализации сблизили всех представителей социума: люди, отличающиеся по местоположению, национальности, вероиспо-

веданию и т. п., стали доступны друг для друга в режиме реального времени.

Медиапотребитель сегодня – это зритель, слушатель и читатель в одном лице, черпающий всю необходимую информацию в Сети. С трудом можно представить, чтобы традиционные СМИ в чистом виде, отказываясь от новых механизмов работы и продолжая создавать и передавать информацию в прежнем офлайн-формате, были бы востребованы обществом и интересны ему так, как новые медиа. Термин «новые медиа» понимают как «все виды традиционных медиа, содержание которых преобразовано в цифровую форму и может быть потенциально представлено в сети Интернет»². К ним относят порталы онлайн-СМИ, интернет-ТВ (вебкастинг), интернет-радио (подкастинг), блогосферу, социальные сети и т. д.³

Наибольший интерес для нас представляют социальные сети как площадки многосторонней межличностной коммуникации, позволяющие пользователям создавать свой уникальный ресурс. Присутствие СМИ в таких сервисах логично: они получили возможность активизировать свой контент в одном интернет-поле со всеми – оперативно размещают материалы, содержащие не только текстовую и графическую, но и аудиовизуальную информацию; осуществляют и коммерческую деятельность (создают и продвигают свой бренд, привлекая рекламодателей). Самое главное – социальные сети обеспечили масс-медиа активной аудиторией, охотно работающей с их продукцией («лайки», репосты, комментарии). Подобные интеграции получили повсеместное распространение. Деятельность СМИ в социальных сетях обрела свою специфику, для работника редакции стала особым видом журналистской деятельности. О. В. Дьяченко в статье «Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия» отмечает, что в России на сегодняшний день нет единого принципа организации работы масс-медиа в социальных сетях, и приводит примеры: «...в одних редакциях этим полностью занимается один специалист («Cosmopolitan»), в других – целая команда из двух («Аргументы и факты»), десяти («РИА Новости») или даже двадцати пяти («Russia Beyond the Headlines») человек. В «Коммерсанте» за посты в социальных медиа отвечают сотрудники онлайн-редакции, однако имеется и отдельная должность специалиста по работе с сетями»⁴. Осваивая социальные сети, ньюсрумы сталкиваются с рядом

проблем, обусловленных отсутствием единого успешного подхода к работе в данных сервисах.

Изучению интеграции СМИ с социальными сетями посвящено уже немало научных трудов как отечественных, так и зарубежных ученых. О. В. Дьяченко обнаружила общее во всех этих работах – исследователи выделяют «фундаментальный характер изменений, наступивших с расцветом сайтов социальных сетей»⁵; подчеркивают колоссальное влияние данных веб-ресурсов на все субъекты процесса коммуникации: журналистов, аудиторию и всех тех, кто участвует в сборе, обработке и дистрибуции информации⁶. Если публикации о мировых практиках такой интеграции представлены широко, то о ситуации в регионах практически отсутствуют. Узкоспециализированной научной литературы по вопросам взаимодействия СМИ Чувашской Республики с социальными сетями не наблюдается. Важно отметить публикации А. А. Данилова⁷, А. П. Данилова и

М. Г. Даниловой⁸, представляющие общий анализ модернизации масс-медиа Чувашии в результате процессов конвергенции и подчеркивающие, что «в последние годы важнейшим показателем развития информационной инфраструктуры регионов России вместо традиционных СМИ является уровень компьютеризации и выхода в Интернет»⁹.

В данной статье мы предпримем попытку комплексного анализа интеграции теле- и радиоканалов Чувашии с социальными сетями. В составе методологии исследования выступит адаптированная под региональные медиапродукты таблица основных параметров, изучаемых при анализе взаимодействия российских СМИ с социальными сетями, разработанная и предложенная теоретиком новых медиа О. В. Дьяченко¹⁰. Опираясь на данные в ниже представленной таблице, мы рассмотрим особенности присутствия ведущих теле- и радио-СМИ Чувашской Республики в социальных сетях.

Основные параметры, изучаемые при анализе взаимодействия российских СМИ с социальными сетями¹¹

Параметр	Варианты значения
Социальные сети и сервисы с элементами социальной сети, в которых присутствуют СМИ	ВКонтакте; Facebook; Twitter; Instagram; LiveJournal; другие
Сотрудники, ответственные за ведение сообщества СМИ в социальных сетях	специалист(ы) по взаимодействию с социальными сетями; специалист(ы) отдела маркетинга; все сотрудники в равной мере; другие
Источники формирования контент-плана для сообщества СМИ в социальной сети	редакционный план; материалы, созданные специально для социальных сетей; срочные новостные сообщения; другие (спецпроекты и т. п.)
Наиболее часто используемые типы контента	текст; фото; видео; гиперссылка; инфографика; аудиозапись; опрос; другие
Критерии оценки эффективности сообщества СМИ в социальных сетях	количество лайков; количество комментариев; количество репостов; количество подписчиков сообщества; другие

По данным Управления Роскомнадзора по Чувашской Республике от 16.03.2016 г., «в Чувашии зарегистрировано 173 средства массовой информации: из них 138 – периодических печатных изданий (97 газет, 36 журналов, 2 бюллетеня, 2 сборника, 1 каталог), 33 – электронных СМИ (2 радиопрограммы, 12 телеканалов, 18 радиоканалов, 1 электронное периодическое издание), а также 2 информационных агентства»¹². Для большинства известных масс-медиа региона характерен активный аккаунт в различных социальных сетях.

«Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Чувашия» (ГТРК «Чувашия») – филиал Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания». Продукция размещается в региональном эфире телеканалов «Россия 1», «Россия 24», «Россия 2» и радиоканала «Радио России» и представлена телевидением «Россия-1» (Чувашское телевидение), «Россия-24» (Чебоксары-ТВ), радиовещанием – «Радио Чувашии». В эфире ГТРК «Чувашия» информацион-

ные, общественно-политические, музыкальные, литературно-драматические, научно-познавательные, культурно-просветительские, молодежные и спортивные передачи на русском и чувашском языках»¹³. Просмотрев сервисы наиболее популярных социальных сетей, обнаружили несколько действующих аккаунтов – три во «ВКонтакте» и один в микроблоговой платформе «Twitter». Среди них во «ВКонтакте» следующие: 1) официальная группа «Радио Чувашии» – «*Чăваш радио – Радио Чувашии*»; 2) общее сообщество для телеканалов ГТРК «Чувашия» – «*ГТРК ЧУВАШИЯ*»; 3) объединенная группа всех вещателей ГТРК «Чувашия» – «*ГТРК «Чувашия» / Чебоксары*».

Группа «*Чăваш радио – Радио Чувашии*» существует с 13 января 2015 г. и является самой обновляемой среди остальных аккаунтов данной медиакомпании. Она вмещает в себя 832 участника. Ответственным лицом за ведение контента в социальной сети выступает начальник службы радиовещания Эльвира Тимофеева. По сравнению с другими сервисами ГТРК «Чувашия», эта группа более содержательна: здесь регулярно публикуются свежие выпуски радиопередач, посты сопровождаются заметками анонсного типа, картинками, инфографикой. Частотны опросы как форма взаимодействия с радиослушателями – пользователями социальной сети. Количество «лайков» и репостов свидетельствуют о популярности сообщества в региональной среде.

Группы «*ГТРК ЧУВАШИЯ*» (243 участника) и «*ГТРК «Чувашия» / Чебоксары*» (370 участников) схожи по организации контента, были созданы 2 марта 2013 г. и 24 октября 2015 г. соответственно. Первую из этих двух начали развивать на полтора–два года ранее остальных аккаунтов. Несмотря на это, она ничем не превосходит их. В социальной сети новости публикуются выборочно, зачастую без видеосопровождения, но с размещением гиперссылки. Посты выглядят скудно. Стоит отметить, что отвечает за продвижение ТВ-продукции в социальных сетях интернет-редактор сайта ГТРК «Чувашия». Можно предположить, что сотрудник не справляется с объемом работы. Поэтому посты однообразны, дублируют информацию с официального сайта. Пользователи социальной сети в этих группах не проявляют активности.

Первое освоение социальных сетей ГТРК «Чувашия» осуществила в ноябре 2009 г., когда редакция зарегистрировала свой собственный аккаунт в микроблоге «Twitter». В настоящее время там числится 4561 твит-сообщение, каждое по 140 символов, содержащее заголовок новости и активную на нее гиперссылку. Последний твит был опубликован в январе 2015 г. На сегодняшний день обновления приостановлены, несмотря на востребованность ресурса (твит-ленту читают 1285 пользователей сервиса «Twitter»).

ГТРК «Чувашия» все еще проходит процесс адаптации в пространстве социальных сетей, раз-

рабатывает свои принципы работы и концентрируется лишь на одной–двух платформах.

«Автономное Учреждение “Национальная телерадиокомпания Чувашии”» (НТРК Чувашии) создано в декабре 2011 г. постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики. Учредителем является Министерство информационной политики и массовых коммуникаций Чувашской Республики. “Национальная телерадиокомпания Чувашии” – это три средства массовой информации (“Национальное телевидение Чувашии”, “Национальное радио Чувашии” и “Тăван радио”)¹⁴. На официальном сайте НТРК Чувашии размещены ссылки на аккаунты телерадиокомпаний в следующих социальных сетях: «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «Livejournal» и «Youtube». Действующими из перечисленных являются все сервисы, кроме блога «Livejournal». Здесь на ранних этапах контент-менеджер «Национального телевидения Чувашии» создавал посты-рассказы о сотрудниках компании, популярных передачах, самых активных телезрителях и т. д. Блог был информационно насыщенным, посты содержательно разнообразными. Последняя публикация датирована 28 марта 2013 г.

Рассмотрим аккаунты НТРК Чувашии во «ВКонтакте».

Сообщество «Национального радио Чувашии» – «*Чăваш наци радиовё/Национальное радио Чувашии*» ведут два редактора радиовещания – ведущая прямого эфира Ирина Лампасова и редактор службы новостей Ольга Баринаова. Оно появилось в ноябре 2009 г. До 2013 г. сообщество обновлялось периодически. Затем редакционная политика в отношении продвижения в социальных сетях изменилась – ведущие эфира стали привлекать слушателей участвовать в опросах на странице во «ВКонтакте». Пользователи ресурса часто оставляют комментарии: обращения (вопросы) для ведущих (наиболее частый – как найти ту или иную песню, прозвучавшую в эфире в определенное время (в основном про композицию на чувашском языке)) и различные просьбы (передать поздравления родственнику во время трансляции передачи, создать радиоматериал по конкретной злободневной проблеме). Сотрудники радиостанции не оставляют никого без внимания, общаются со своими слушателями. Посты здесь не обходятся без аудиоматериалов, красочных иллюстраций и объемных опросов. На сегодняшний день количество участников группы достигло 2003 пользователей.

В группе «Тăван радио» – «*Тăван радио 100.3 FM в Чебоксарах*» в большей степени создаются посты-публикации, рассчитанные только на аудиторию социальной сети. Важно отметить, что большинство публикаций из «ВКонтакте» дублируются в социальную сеть «Facebook». Поскольку русскоязычная аудитория наиболее полно представлена именно во «ВКонтакте», «Тăван радио» ориентируется на нее, но и не игнорирует

ресурса, популярного за рубежом. Над сообществом во «ВКонтакте» работают все сотрудники редакции радиостанции: каждый из них отвечает за распространение собственных передач. На ведущих прямого эфира лежит ответственность за обновление актуальной новостной информации и информации развлекательного толка. К постам прикрепляются тематические изображения. Пользователи активно обсуждают радиоматериалы, оставляют свои вопросы в обсуждениях, следят за обновлениями группы, о чем свидетельствуют многочисленные «лайки», репосты, комментарии. Группа радиоканала действительно популярна. Сотрудники редакции создают в социальной сети уникальный современный контент, интересный и доступный различным представителям аудитории. Членами сообщества «Таван радио» являются 5819 человек. Данный ресурс претендует на звание образцового среди аккаунтов других электронных масс-медиа Чувашии.

О полноценной интеграции государственных СМИ с социальными сетями в Чувашии можно говорить на примере сервисов «Национального телевидения Чувашии». Во «ВКонтакте» – «Национальная телерадиокомпания Чувашии» – количество участников достигло 7419 человек, опубликовано 6492 записи, содержащих в основном видеоматериалы – выпуски новостей, разножанровые телепередачи и их анонсы. Зрители «Национального телевидения Чувашии» – активные пользователи социальной сети: комментируют посты, иногда оставляют свои обращения к ведущим, на которые оперативно реагирует ответственный за социальные сети сотрудник телевидения. Содержание контента полностью соответствует редакционному плану телеканала, присутствует небольшое количество публикаций, созданных специально для социальной сети. Сервис в «Facebook» регулярно обновлялся до октября 2015 г., затем публикации начали появляться изредка. Мы предполагаем, это связано с тем, что должность контент-менеджера на «Национальном телевидении Чувашии» примерно в это время стала вакантной. Вопреки этому обстоятельству, корреспонденты телеканала систематически публикуют сообщения и обновляют сервисы в «Twitter» и «Youtube». Твит-аккаунт «Национального телевидения Чувашии» состоит уже из 4385 публикаций и имеет 653 читателя. На видеохостинге «Youtube» телеканал был зарегистрирован в сентябре 2012 г. За это время видеопубликации получили 3 127 833 просмотра. Аккаунт заполучил 2227 подписчиков. Здесь оперативно размещаются все передачи, вышедшие в эфире «Национального телевидения Чувашии» и представляют собой своего рода видеоархив телеканала.

Успех интеграции коммерческих электронных СМИ с социальными сетями – один из удивительных феноменов в изучении такого взаимодействия.

Эту мысль подтверждает плодотворная работа негосударственных развлекательных радиостанций в социальных сетях. В качестве примера рассмотрим аккаунты регионального музыкального радиоканала «МФМ Чебоксары». Над ними трудятся все сотрудники редакции в составе 11 человек в равной степени. Во «ВКонтакте» участниками сообщества «Радио МФМ Чебоксары» являются 39 776 человек, что в 7,5 раза превышает количество пользователей сервиса государственной радиостанции «Таван радио» в той же социальной сети. Стена сообщества обновляется до 20 раз в день. Публикации развлекательного характера популярны у аудитории. Они оснащаются красочной графической и аудиовизуальной информацией. Количество записей достигло 11 025 постов. Здесь слушатели участвуют в опросах, голосуют за песни, претендующие на эфирное время, имеют возможность самостоятельно выстраивать сетку вещания. Популярность контента обеспечивает радиоканал активными рекламодателями. Редакция, аудитория и рекламодатели выстраивают взаимовыгодную коммуникацию, удовлетворяющую потребности друг друга. Аккаунт радиоканала в «Instagram» представляет собой упорядоченный фото- и видеоальбом внутренней жизни редакции: снимки забавных случаев в процессе работы ведущих эфира, смешные картинки и т. п. На обновления в этой социальной сети подписаны 1148 человек, отслеживающих новые публикации (на данный момент их 525). Формат вещания и соответствующая подача информации обеспечивают «МФМ Чебоксары» широкой аудиторией и популярностью их аккаунтов в социальных сетях.

Коммерческий «Телеканал 21+» – безусловный лидер среди региональных телевещателей, осуществляющих продуктивное присутствие в социальных сетях. Участники (18 450 человек) сообщества «Телеканал 21+» во «ВКонтакте» вовлечены в работу специалистов редакции по продвижению телеканала в социальных медиа: они участвуют в акциях и конкурсах, проводимых редакцией, следят за видеообновлениями свежих выпусков программ, активно ставят «мне нравится» и делятся постами со своими друзьями в Сети. Контент группы «Телеканал 21+» разнороден: позволяет подписчикам не только наблюдать за очередными ТВ-проектами, но и дает возможность принять участие во многих из них. Зритель получает шанс оказаться по ту сторону экрана. Все это результат целенаправленной работы сотрудников телеканала, ответственных за ведение сообщества СМИ в сервисе социальной сети, в число которых входят главный редактор, директор Марина Унгурян, программный директор Татьяна Кашанова, коммерческий директор Виктория Маширова и руководитель программы Ксения Кравчук. В сообществе во «ВКонтакте» уже опубликовано 5503 записи, это количество растет изо дня в день быстрыми темпами. Редакция также

активно развивает свой аккаунт в популярной социальной сети «Instagram», где имеет 814 публикаций и 4528 подписчиков. Ко всему прочему, большим спросом пользуется аккаунт телеканала в «Twitter» (зарегистрирован в декабре 2011 г.), где посты обновляются так же регулярно, как в вышеупомянутых социальных сетях. К моменту анализа насчитывается 865 твит-публикаций. За обновлениями следят 1026 пользователей.

Интеграция теле- и радиоканалов Чувашской Республики с социальными сетями видится нам не просто как следование общемировой тенденции, а как закономерный процесс развития региональных масс-медиа, имеющий несколько особенностей.

Уровень отношения государственных и коммерческих вещателей к ресурсам социальных сетей разнится. Каналы, чьим учредителем выступают правительственные органы, как ГТРК «Чувашия», осознают преимущества работы в социальных медиа (мобильная связь с аудиторией), но все же делают ставку на передачу информации через традиционные каналы (теле- и радиовещание). В этом отношении НТРК Чувашии, чьим учредителем является также госорган, более универсален: для своей аудитории создает условия погружения одновременно в несколько платформ (к примеру, во время эфира корреспонденты отсылают слушателей принять участие в опросе на странице социальных сетей, поделиться комментарием). Заметим, что успешное функционирование СМИ в интернет-сервисах во многом зависит от политики редакции в отношении разделения труда. Важно упомянуть, что в ГТРК «Чувашия» созданием контента в социальных сетях занимаются всего один–три человека, совмещая эту работу с журналистской. В НТРК Чувашии предусмотрена отдельная ставка менеджера-специалиста, занимающегося исключительно продвижением канала в социальных сетях. Также административный доступ к официальным аккаунтам имеют все корреспонденты, они регулярно заполняют контент собственной продукцией. Таким образом, от позиции руководства канала в значительной степени зависит степень востребованности его СМИ в обществе, поскольку немалая его часть черпает информацию в Интернете.

Республиканские коммерческие вещатели овладели специализированными навыками работы в социальных сетях и установили в них прочную связь со своей аудиторией. Количество пользователей их аккаунтов в разы превышает участников групп государственных медиакомпаний (для сравнения: во «ВКонтакте» на «Националь-

ную телерадиокомпанию Чувашии» подписано 7419 человек, а на «Телеканал 21+» – 18 450; на «Чăваш радио – Радио Чувашии» – 832, а «МФМ Чебоксары» – 39 776 человек). Эти данные подтверждают важность развития присутствия масс-медиа в социальных сетях и свидетельствуют о наличии трудностей такой интеграции, требующей от журналистов особых веб-компетенций.

В Чувашской Республике ключевыми сайтами социальных сетей для электронных СМИ стали «ВКонтакте», «Twitter» и «Instagram». Масс-медиа Чувашии на их базе создают разнообразные контенты, стараются совершенствовать их, привлекают свою аудиторию и расширяют ее. Некоторым СМИ требуется пересмотреть свои взгляды на присутствие в социальных медиа, переосмыслить старые подходы и найти свои уникальные механизмы работы для осуществления успешной интеграции.

Примечания

- 1 См.: Докука С. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 172.
- 2 Роголева О., Шкайдерова Т. Новые медиа : эволюция понятия (аналитический обзор) // *Вестн. Омск. ун-та*. 2015. № 1. С. 223.
- 3 Там же. С. 223–224.
- 4 Дьяченко О. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте» : практики взаимодействия // *Меди@льманах*. 2014. № 4. С. 10.
- 5 Там же. С. 11.
- 6 Там же.
- 7 См.: Данилов А. Эволюция средств информационных технологий в контексте трансформации условий социокультурного бытия малых народов России // *Вестн. Чуваш. ун-та*. 2012. № 4. С. 96.
- 8 См.: Данилов А., Данилова М. Пресса Чувашии в Интернете // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2015. № 5. С. 314.
- 9 Там же. С. 315.
- 10 См.: Дьяченко О. Указ. соч. С. 16.
- 11 Там же. С. 17.
- 12 Управление Роскомнадзора по Чувашской Республике. URL: <http://21.rkn.gov.ru/news/news95781.htm> (дата обращения: 25.03.2016).
- 13 Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Чувашия». URL: <http://www.chgtrk.ru/region.html?rid=344> (дата обращения: 25.03.2016).
- 14 Национальная телерадиокомпания Чувашии. URL: <http://www.ntk21.ru/page.aspx?id=54&title=Istoriya> (дата обращения: 25.03.2016).

Образец для цитирования:

Васильева Л. А., Гаврилов А. Д. Особенности интеграции теле- и радиоканалов Чувашской Республики с социальными сетями // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 464–468. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-464-468.

УДК 81'23

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ МИКРОБЛОГА (на материале текста-комментария)

А. С. Титлова

Башкирский государственный университет, Уфа
E-mail: nastyatitl@gmail.com

В статье рассматривается специфика психолингвистических механизмов понимания и интерпретации текста микроблога. Приводятся результаты сравнительно-сопоставительного анализа взаимодействия релятивных и содержательных реакций в процессе понимания текстов различных типов с использованием методики «встречного текста».

Ключевые слова: микроблог, механизмы понимания, методика «встречного текста», содержательные и релятивные реакции.

The Study of Special Aspects of Microblog Text Comprehension (on the Material of the Text Comment)

S. Titlova

The article deals with psycholinguistic mechanisms of a microblog text comprehension and interpretation. The article demonstrates the results of the comparative analysis of content and relative reaction interaction in the process of different text type comprehension; the results given were received with the help of the «counter-text» method.

Key words: microblog, comprehension mechanisms, «counter-text» method, content and relative reactions.

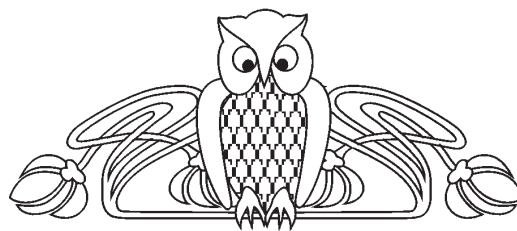
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-469-472

Целью данного исследования является изучение особенностей восприятия и понимания текста микроблога.

Научная новизна проводимого исследования заключается в выявлении специфики психолингвистических механизмов понимания и интерпретации текстов микроблога, которые в современной лингвистике являются относительно новым предметом изучения с позиции общей теории и типологии текста, а также психолингвистики текста. К новизне исследования можно отнести также использование методики «встречного текста» А. И. Новикова на новом текстовом материале.

В основе данной методики лежит «гипотеза об активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, не является просто «экраном», на котором проецируется содержание текста, а сам строит как бы «встречный текст»¹. Построенный реципиентом «встречный текст» позволяет судить о внутренней стороне процесса восприятия текста.

Современная лингвистика сталкивается с необходимостью подробного описания особенностей и закономерностей процессов коммуникации, значительная часть которой осуществляется в настоящее время путем информационных техно-

логий. Компьютерные технологии и Всемирная сеть во все большей мере определяют жизнь современного человека и используются им для решения ряда коммуникативных задач, создавая новые условия для языкового взаимодействия. Здесь следует отметить и охват огромной аудитории, и интенсивность использования новых средств коммуникации этой аудиторией, и особенности развития и функционирования языка в рамках такого рода социального взаимодействия. Этими факторами и обусловлена актуальность проводимого исследования.

Такого рода исследование актуально и с точки зрения психолингвистики текста, так как текст микроблога, безусловно, относится к речевым произведениям особого типа, при исследовании которых значительный интерес представляет анализ различных форм речемыслительных процессов, в том числе оценочного мышления, проявляющегося в процессе понимания и интерпретации текста.

Для начала следует дать определение объекту данного исследования. Унифицированного определения понятия «микроблог» как такового нет. Но существует следующее определение процесса микроблогинга: «Микроблогинг (англ. *microblogging*) – это разновидность блогинга. Позволяет пользователям писать короткие заметки и публиковать их; каждое такое сообщение может быть просмотрено и прокомментировано в режиме чата либо кем угодно, либо ограниченной группой лиц, которые могут быть выбраны пользователем. Эти сообщения могут быть переданы различными способами, включая такие, как текстовые сообщения, мгновенные сообщения, электронная почта или web-интерфейс»².

Сервис онлайн-мониторинга Sensemetric представил результаты мониторинга содержимого социальных медиа. В рамках исследования было проанализировано более 300 тысяч сообщений, связанных с обсуждениями потребительских товаров и услуг. Исследование показало, что первое место по количеству сообщений заняли сервисы микроблогинга, и прежде всего, Twitter – 24% всех сообщений, выбранных посредством Sensemetric, получены именно в микроблогах³.

На данный момент в интернет-пространстве насчитывается более 100 сервисов микроблогинга. Но в силу того, что между ними не наблюдается значительных функциональных отличий, мы для своего исследования выбрали Твиттер (Twitter), пользующийся наибольшей популярностью и имеющий аудиторию более 240 млн пользователей.

Твиттер (от англ. *twit* – *щебетать, болтать*) – это не традиционный блог в чистом виде, где практически не существует ограничений по объему размещаемой информации, а, скорее, некая гибридная форма, соединившая в себе свойства нескольких интернет-сервисов: сервиса мгновенных сообщений, блога, электронной почты и социальной сети.

Особенностью сервиса является краткость размещаемых в нем сообщений: зарегистрированные пользователи могут посылать в свою ленту новостей лишь короткие сообщения (не более 140 символов). При этом сообщения и комментарии могут размещаться как со стационарного компьютера, так и с любого мобильного устройства, что, безусловно, повышает уровень интерактивности данного сервиса.

Что же касается размещаемых в сервисе микроблога сообщений, то, учитывая особенности коммуникативного поведения его пользователей, их можно условно разделить на следующие типы:

1) *сообщения личного характера*. Так называемые *лытдыбры* – мем (ставшая популярной и общеупотребительной фраза), означающий русское слово «дневник», написанное в английской раскладке клавиатуры («lytdybr») и транслитерированное на русский язык. Данный мем представляет собой запись личного характера по типу «сичу далблбсь в WoT». Комментарии к таким «несодержательным» записям делают обычно друзья, или так называемые «фолловеры» или читатели;

2) *цитаты и шутки*. Любые короткие изречения, принадлежащие либо пользователю, либо другим (в том числе известным) авторам. Они могут являться реакцией на определенное событие, содержать некое «философское» высказывание или отражать психологическое состояние пользователя, разместившего твит. Короткие остроумные высказывания в основном имеют оригинальное авторское происхождение;

3) *ссылки на другие вербальные ресурсы* в качестве твита или ретвита;

4) *мультимедийные изображения*, а также ссылки на них;

5) *новостные сюжеты*⁴.

Исследователи выделяют следующие коммуникативные функции Твиттера:

– контактоустанавливающая (для установления новых социальных связей);

– консолидирующая (для создания виртуальных групп и сообществ);

– презентационная (для продвижения собственного имиджа, а также других персональных веб-ресурсов (блога, персонального дневника (ЖЖ), домашней страницы и проч.));

– функция социализации (для общения с другими пользователями данного ресурса, а также для создания социальных сетей и виртуальных сообществ);

– информационная (для получения актуальной новостной информации и слежения за

определенными коммуникативными действиями пользователей («быть в курсе» их дел, а также делиться собственными) новостями, мыслями, идеями);

– экономическая (зарабатывание определенного капитала на твит-блоге, проведение маркетинговых и PR-акций с использованием Твиттера);

– политическая (в последнее время наблюдается активное использование данного сервиса при проведении избирательных кампаний, а также для ведения виртуальной политики. Так, на Твиттере появилось даже специальное приложение Поливитс (англ. *Poliweets*) – агрегатор твитов о кандидатах на выборах);

– образовательная (Твиттер является одним из наиболее популярных образовательных инструментов, основанных на интернет-технологиях веб 2.0);

– релаксационная (как компенсаторная практика для снятия любого физического напряжения, расслабления, переключения на другой вид деятельности и проч.).

Прежде чем перейти к непосредственному анализу результатов нашего исследования, хотелось бы выделить некоторые характерные черты интернет-коммуникации в целом и общения посредством микроблогов в частности, которые, собственно, в большей мере и объясняют количественное превосходство одних видов порождаемых реципиентами «встречных текстов» над другими.

1. На процессы порождения и восприятия текста большое воздействие оказывают гипертекстовые и интерактивные возможности Интернета. Так, в Твиттере благодаря гиперссылкам и хэштегам читатель может «не только следовать авторскому развертыванию текста, но и осуществлять собственную навигацию»⁵.

2. Анонимность и дистантность при общении в Глобальной сети зачастую полностью определяют характер общения. Заводя аккаунты под вымышленными именами («никами»), люди приобретают ощущение раскованности, отсутствие «внешнего контроля и общепринятых норм морали»⁶. Эти характеристики приводят к ненормативности общения: свобода высказываний доходит до нецензурных выражений и оскорблений. Это, по мнению Н. Б. Рогачевой, связано со снижением психологического и социального риска в процессе общения⁷.

3. Интернет-коммуникация отличается эмоциональной насыщенностью. Микроблоггеры используют широкий набор средств передачи эмоций и описания эмоциональных состояний. Сюда входят:

– графические вербальные средства (использование заглавных букв для привлечения внимания, как призыв к действию или крик на собеседника (ТЫ СЛЕПОЙ, ЧТО ЛИ?! – А ты на меня не ори!);

– повторение пунктуационных знаков (Долго еще терпеть-то????!!!);

– графические невербальные средства (собе-

седники могут «постить» друг для друга картинки с пожеланиями или эмоциональной реакцией на твит, размещать «живые» картинки формата .gif, специальные графические средства, прошитые в оболочке программного обеспечения, так называемые «эмотиконы»).

4. И, пожалуй, наиболее важная при проведении нашего эксперимента характеристика – добровольность и желательность контактов. Интернет является масштабной платформой, на базе которой «открывается языковая личность, проявляются различные способы ее самопрезентации и творческой самореализации»⁸.

Именно добровольность и желательность контактов позволили получить данные для дальнейшего анализа в рамках нашего исследования. Мы применили методику «встречного текста» А. И. Новикова не в искусственных условиях, заданных экспериментом, а использовали ее в естественной среде интернет-коммуникации. Предметом нашего исследования стали «встречные тексты»-комментарии, оставляемые пользователями на тексты микроблогов и, по сути, представляющие собой реакции реципиентов, воспринимающих информацию оригинальных сообщений. Полученные результаты были обработаны с использованием основных принципов методики «встречного текста» с целью выявления особенностей понимания подобных сообщений.

Нами были обработаны 13 текстов – твитов – таких новостных изданий, как Первый Канал, RussiaToday на русском, а также твиты собственных корреспондентов данных каналов и официального твиттера представительства Президента РФ, и проанализировано 320 «встречных текстов», размещенных интернет-подписчиками микроблогов в виде комментариев к данным текстам.

С точки зрения видов реакций, выявленных с помощью методики «встречного текста», нами были получены следующие количественные данные: 155 реакций (48,0%) являются комбинированными (сочетание двух, а в некоторых случаях и трех реакций). Самая частотная комбинация – «мнение+оценка» (72 реакции, 46,5%).

Например, твит: *ООН: Украина не имела права использовать под Краматорском вертолеты с символикой всемирной организации.*

Реакция: *Ой, да кто там будет спрашивать у ООН. Везде рулит США. А ООН всего лишь формальная организация, которая изжила себя.*

За этой комбинацией по частотности следует «перевод+оценка» (29 реакций, 19,0%). Приведем некоторые примеры.

Твит: *На Евровидении-2014 победила бородастая Кончита Вюрст.*

Реакция: *Вот они, ценности Запада! Побеждает извращенное существо... зачем мы вообще участвуем в этом балагане?!*

Еще одной довольно часто встречающейся комбинированной реакцией стало сочетание

«интертекст+оценка» (10 реакций, 6,5%).

Твит: *Потанин: У Запада болевой порог гораздо ниже. В этом им с нами не тягаться. Мы их перетерпим. Сто процентов!*

Реакция: *Хочется, цитируя классику, спросить у журналиста, выдающего такие «перлы»: «Почем оптим для народа?»*

Следует отметить, что среди комбинированных реакций, полученных нами в ходе эксперимента, преобладающее большинство приходится на сочетания с мнением или оценкой. Из 155 реакций 143 представляют собой сочетания с оценкой и 85 – с мнением.

Из одиночных реакций безусловным «лидером» является реакция оценки (94 реакции, 29% от общего количества). Причем оценка не всегда эксплицитна, она может быть представлена и в имплицитной форме.

Твит: *С 1 июня Россия приостанавливает работу американских станций GPS на своей территории.*

Эксплицитная оценка: *Вот это красиво!*

Твит: *20 мая Владимир Путин посетит с официальным визитом Китай.*

Имплицитная оценка: *Президент, когда вы, наконец-то, перейдете от массы красивых слов к восстановлению экономики страны?!*

Следующий по частотности вид встречного текста-комментария реализуется в форме реакции мнения (25 реакций, 7,8%).

Твит: *Один из участников «электрического протеста» в Ереване зашил себе рот.*

Реакция: *Не наказуемо. Имеет право.*

Из проанализированных комментариев 17 мы причислили к реакции перевода (5,3%). По определению А. И. Новикова, это одна из наиболее сложных реакций, заключающаяся в «обозначении содержания предложения полностью другими языковыми средствами, как правило, в краткой форме, что можно рассматривать как смысловую интерпретацию данного предложения, собственно выражение его смысла»⁹.

Твит: *Меркель уже прилетела в Париж и в Елисейском дворце пообщалась с Олландом. Завтра будут решать, что делать с Грецией.*

Реакция: *Вот он – закат политической карьеры.*

Далее следуют: вывод – 7 (2,2%), интертекст – 6 (1,9%), констатация – 4 (1,2%), ассоциация – 2 (0,6%), прогноз – 2 (0,6%), свободный ответ – 1 (0,3%), ориентация – 1 (0,3%), инфикация – 1 (0,3%).

В ходе обработки исследуемого материала нами также были выявлены два вида реакций, не упомянутых А. И. Новиковым. Точнее, один из них является разновидностью реакции оценки – это невербальная оценка.

Твит: *СМИ: Роскомнадзор начал тестировать автопоиск нецензурной брани в онлайн-изданиях.*

Реакция: *О_О (удивление).*

Твит: *Баррозу: Еврокомиссия подготовила новый пакет санкций против РФ.*

Реакция:))))))))) (смех).

Использование такого рода графического изображения эмоций весьма характерно для интернет-общения.

Следующий выявленный тип реакции, по нашему мнению, также характерен исключительно для интернет-коммуникации. Это «побуждение» к новой информации.

Твит: *Вчера Украина отключила Крым от своего электричества. Забавно, что в Крыму этого не заметили. Даже свет не моргнул.*

Реакция: *А как с сотовой связью? Какие операторы работают?*

Твит: *С 1 июня Россия приостанавливает работу американских станций GPS на своей территории.*

Реакция: *Разъясните, пожалуйста.*

В отличие от реакции ориентировки, где задаваемые вопросы скорее риторические, вопросы-размышления, в нашем случае пользователи действительно ожидают ответа и могут его получить.

Следует также обратить внимание на соотношение между содержательными и релятивными реакциями, выявленное нами в процессе анализа исследуемого материала.

Нужно напомнить, что, по А. И. Новикову, содержательными являются реакции, непосредственно соотносящиеся с содержанием воспринимаемых предложений; а релятивными – реакции, выражающие скорее отношение реципиента к воспринимаемому предложению, участвующие в создании определенного эмоционально-аксиологического поля.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа взаимодействия релятивных и содержательных реакций в процессе понимания текстов различных типов (от научной и научно-популярной литературы до текста Библии) приводятся в статье Н. П. Пешковой¹⁰. Так, согласно приведенным данным, при понимании научно-популярного текста стратегии с преобладанием содержательных видов реакций составляют 40% от общего числа, стратегии с равным соотношением содержательных и релятивных (смысловых) реакций – 40%, стратегии с доминирующими смысловыми реакциями – 20%. В поле реакций, отражающем особенности восприятия и понимания библейского текста, преобладают релятивные реакции, которые составляют чуть более 63% от общего количества полученных в результате эксперимента «контртекстов».

По нашим данным, при восприятии текстов микроблогов на содержательные реакции приходится всего 9% от общего количества (29 реак-

ций). Остальные реакции являются релятивными, т. е. смысловыми, относящимися к эмоциональной стороне восприятия текста.

Нужно сказать, что ни один другой тип текста не дает подобного доминирования смысловых реакций в процессах восприятия и интерпретации, хотя оценочные реакции в большом количестве имеют место и при понимании реципиентами других видов текстов.

Это еще раз возвращает нас к особенностям естественного общения и таким чертам интернет-коммуникации, как добровольность и желательность контакта. Участники интернет-коммуникации оставляют свои комментарии к твитам, когда прочитанный ими текст вызывает в них определенный эмоциональный отклик, интерес или возмущение, желание высказать мнение, выразить свое видение ситуации.

Следует отметить, что результаты нашего исследования в перспективе могут внести свой вклад в построение общей интерактивной модели понимания письменного текста.

Примечания

- 1 Новиков А. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // *Вопр. психолингвистики*. 2012. № 2 (16). С. 65.
- 2 Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Микроблогинг> (дата обращения: 12.10.2015).
- 3 См.: Микроблоги являются основным генератором контента. 2012. URL: http://penoizol36.ru/index.php?option=com_inews&Itemid=163&vidn=18312 (дата обращения: 24.09.2015).
- 4 См.: Как начать общаться в Твитере // *Хабрахабр*. 2010. URL: <http://habrahabr.ru/blogs/twitter/64220/> (дата обращения: 17.10.2015).
- 5 *Горошко Е.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Вып. 6. Саратов, 2009. С. 44.
- 6 *Иванов В.* Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // *Мир психологии*. 2000. № 2. С. 75.
- 7 См.: *Розачева Н.* Новые приоритеты в русском интернет-общении: на материале жанра блога // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Вып. 5. Саратов, 2007. С. 97.
- 8 *Горошко Е.* Указ. соч. С. 46.
- 9 *Новиков А.* Указ. соч. С. 69.
- 10 См.: *Пешкова Н.* Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2013. № 5 (25). С. 50–52.

Образец для цитирования:

Титлова А. С. Исследование особенностей понимания текстов микроблога (на материале текста-комментария) // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 469–472. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-469-472.

К СТОЛЕТИЮ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

УДК 378.4(470.44–25+474.2)+929[Лотман+Покусаев]

ПИСЬМО Ю. М. ЛОТМАНА Е. И. ПОКУСАЕВУ

В. В. Прозоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: prozorov@sgu.ru

Впервые публикуется и сопровождается необходимым комментарием письмо от 31 августа 1965 г. профессора Тартуского университета Ю. М. Лотмана профессору Саратовского университета Е. И. Покусаеву с просьбой оказать моральную поддержку группе студентов-эстонцев, направленных на филологическую учёбу в Саратов.

Ключевые слова: Юрий Михайлович Лотман, Евграф Иванович Покусаев, Тартуский университет, Саратовский университет.

Yu. M. Lotman's Letter to E. I. Pokusayev

V. V. Prozorov

For the first time the letter of Yu. M. Lotman, a Tartu University Professor, to E. I. Pokusayev, a Saratov University Professor, is published and accompanied with necessary comments. In his letter Yu. M. Lotman requests that Estonian students sent to study philology in Saratov are given help and support.

Key words: Yuri Mikhailovich Lotman, Evgraf Ivanovich Pokusayev, Tartu University, Saratov University.

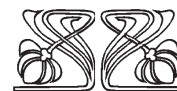
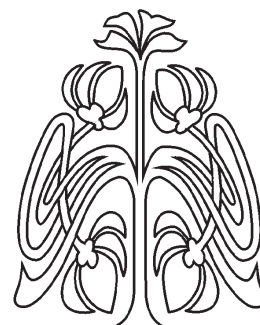
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-473-474

*Глубокоуважаемый Евграф Иванович!
Беру на себя смелость препоручить Вашему вниманию очередную группу студентов русского отделения (эстонцев) Тартуского университета, которые отправляются в Ваш университет на год с целью изучить лучше разговорный русский язык. Было бы очень любезно с Вашей стороны, если бы Вы попросили кого-либо из молодых членов Вашей кафедры (или студентов старших курсов) иногда их навещать с целью некоторой помощи и ободрения. Простите за эту комиссию.*

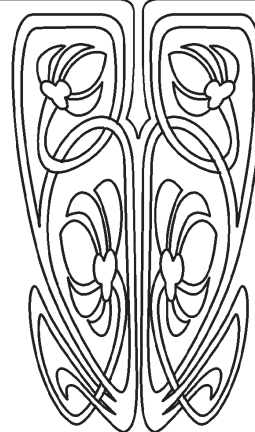
*С сердечным приветом
Ваш Ю. Лотман
Тарту
31.VIII.65.*

Публикуемое письмо Ю. М. Лотмана Е. И. Покусаеву примечательно во многих отношениях. Это и знак их взаимной искренней профессиональной расположенности. Это и живое свидетельство взаимоотношений двух почтенных университетских профессоров и заведующих кафедрами, которые по доброй воле, а не по роду непосредственных обязанностей брали на себя неформальное попечение о своих студентах и искренне считали это неотъемлемой частью общего педагогического дела.

В это время, осенью 1965 г., я заканчивал обучение в аспирантуре при кафедре русской литературы Саратовского университета. Моим

ДАТА

руководителем был профессор Евграф Иванович Покусаев. И я хорошо помню, как небольшая группа студенток из Эстонии, прибывшая в Саратов к середине сентября 1965 г., с некоторой трепетной церемонностью и достоинством вручала Покусаеву письмо своего знаменитого тартуского покровителя.

Происходило это в четвёртом корпусе Саратовского университета на улице Радищева, 41. Здесь в большой тесноте размещались тогда два больших гуманитарных факультета – филологический и исторический. На первом этаже в третьей аудитории (по совместительству это было и помещение кафедры русской литературы, и кабинет её заведующего) по средам Евграф Иванович традиционно вёл свой самый популярный на филфаке специальный семинар, посвящённый сатирическому искусству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Да не просто «вёл», но вдохновенно, светло, озорно священнодействовал, посвящая нас в азы науки о литературе.

Своё письмо Покусаеву Лотман не доверил почте, но переправил с самими первокурсницами.

И вот, изрядно робея, симпатичные и, на первый взгляд, немного друг на друга похожие, тартуские студентки тихо и осторожно входят в аудиторию и на глазах у нашего многолюдного семинара, объединяющего студентов третьего–пятого курсов, соискателей и аспирантов, торжественно вручают маленький изящный конвертик «от самого Юрия Михайловича Лотмана».

На конвертике размашисто обозначен адресат: «г. Саратов. Зав. кафедрой русской лит. [ературы] СГУ, профессору Евграфу Ивановичу Покусаеву».

Адресат очень естественно, в своей обыкновенной заводной манере, включается в добродушную игру, приветствует гостей, предлагает им представиться (каждую из представляющихся встречаем аплодисментами), затем приглашает эстонских девушек занять места в аудитории (не хватает, как обычно, скамеек, и руководитель семинара посылает группу захвата для экспроприации стульев из соседних наполовину пустующих комнат)...

А по окончании семинарского занятия Евграф Иванович отменяет на этот раз обычные многочисленные индивидуальные консультации с нами и призывает всех желающих пройтись с ним и с нашими новыми друзьями до общежития (чуть больше двух километров), показать им дорогу и наш город. Сам он оказывается в центре довольно внушительной группы и сразу же берёт на себя роль и вполне серьёзного, и потешного гида. Покусаев и рассказывает, и показывает, и спрашивает. Гости очень внимательны и благодарны...

Хорошо помню этот выразительный проход по центральным саратовским улицам (мимо Радищевского художественного музея и Театра оперы и балета по площади Революции – поворот на улицу М. Горького – затем по Советской – на Вольскую). Большое содержательное путешествие!

Конечный пункт маршрута – университетское общежитие № 3 на Вольской улице, дом 18. Е. И. Покусаев сам жил здесь в квартире на третьем этаже.

Расставались, хорошо перезнакомившись друг с другом...

Просьба Ю. М. Лотмана лучшим образом начала претворяться в жизнь...

Образец для цитирования:

Прозоров В. В. Письмо Ю. М. Лотмана Е. И. Покусаеву // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 473–474. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-473-474.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОНА РЕБЕНКА

О монографии: Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 248 с.

Вышедший в Саратове «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» (РАСШ)¹ создал принципиально новую базу для исследования возрастной динамики развития лексикона ребенка. Этот словарь представляет собой огромную ценность для науки, поскольку дает возможность проводить на его базе самые разнообразные лингвистические, психолингвистические, когнитивные, педагогические, психологические и другие исследования.

А. П. Сдобнова, являющаяся одним из авторов данного словаря, только что опубликовала очень интересное фундаментальное исследование, обобщающее представленные в РАСШ тенденции развития лексикона ребенка во временном аспекте.

Монография обобщает накопленный материал в исследовании лексикона ребенка в современной науке, анализирует возможности «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» как источника научных сведений о развитии лексикона школьника в возрастной динамике.

В монографии А. П. Сдобновой на материале ассоциативного словаря рассматриваются объем, состав и структурные компоненты лексикона школьников, выявляется и описывается его ядро, осуществляется параметрическое описание лексикона школьников. Отдельно рассматриваются проблема выделения периферийной зоны лексикона школьника, количественные аспекты описания ядра лексикона, понятие и проблемы описания возрастной вариативности лексикона ребенка на базе его индивидуального лексикона.

Рецензируемую книгу отличают тщательность аргументации, детальное подтверждение всех выдвигаемых положений материалами ассоциативных экспериментов.

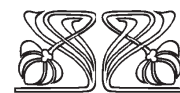
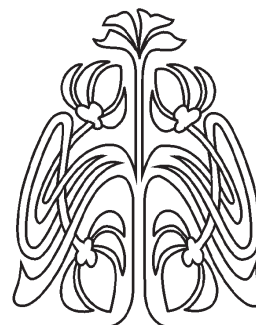
Отметим наиболее важные теоретические и практические результаты, полученные А. П. Сдобновой в ходе исследования.

Во-первых, отметим, что автор вносит упорядоченность в термины: *активный словарный фонд, основной словарный фонд лексикона, содержание единиц лексикона, состав активного словарного фонда, инвентарь единиц лексикона* (с. 13), *лексикон, ментальный лексикон, внутренний лексикон* (с. 14), *совокупный лексикон, возрастные, гендерные и др. варианты лексикона, базовая часть лексикона* – общие лексические единицы всех возрастных групп, *ядро лексикона, гендерные, возрастные и другие варианты ядра лексикона, периферия лексикона* (с. 66–67).

Автор совершенно справедливо не противопоставляет лингвистический и психолингвистический подходы к лексикону: «...эти подходы к лексикону можно представить как различающиеся аспектами, степенью глубины и разносторонности охвата свойств языка и речи, но не как противоречащие один другому» (с. 14). А. П. Сдобнова подчеркивает, что проводимое ею исследование осуществляется в лингвистическом, социолингвистическом и психолингвистическом аспектах (там же).

Во-вторых, в результате проведенного анализа А. П. Сдобнова получила многие важные данные о лексиконе ребенка, позволяющие существенно продвинуться вперед в изучении данной сферы знания.

Укажем на основные и фундаментальные, с нашей точки зрения, достижения автора рецензируемой книги и выделим установленные

ПРИЛОЖЕНИЯ

в работе положения, представляющиеся нам наиболее концептуально и методологически важными.

Показано, что объем активного словаря ребенка в школьный период составляет в целом около 25 тысяч лексических единиц – слов и фразем (с. 7, 196).

Особую ценность имеют в работе содержательный обзор исследований детской речи, выявление основных направлений и задач изучения детского лексикона (с. 13, 35–36).

Тщательно и очень содержательно сопоставлены разные ассоциативные словари, проанализированы их данные и выявлены их исследовательские возможности.

Установлена «относительная стандартность ассоциативных полей школьников разных регионов»: региональный компонент представлен преимущественно топонимами и микропонимами, доля которых оказывается весьма незначительной (с. 60), что позволяет сделать важный методологический вывод о том, что ассоциативный словарь школьников Саратова «не имеет регионального характера и репрезентирует общие особенности российских русскоязычных школьников конца XX – начала XXI века. Этим определяются широкие возможности использования данных АСШС как научного источника» (с. 60).

А. П. Сдобновой сформулирован принципиальный подход к анализу лексикона школьника, его методология – сопоставление объема и состава лексикона по возрастным группам. Мотивировано выделение четыре основных возрастных групп – младшие школьники (1–4-й кл.), младшие подростки (5–6-й кл.), старшие подростки (7–8-й кл.), старшие школьники (9–11-й кл.) (с. 65).

Автор определяет *модель лексикона* как совокупность ряда конструкторов, полученных на базе результатов ассоциативных экспериментов:

– совокупный лексикон – множество разных лексем, полученных в экспериментах с испытуемыми;

– возрастные, гендерные и другие варианты лексикона – лексиконы разных возрастных групп, лексиконы городских и сельских школьников, лексиконы мальчиков и девочек;

– базовая часть лексикона – общие лексические единицы всех возрастных групп;

– ядро лексикона – совокупность единиц с наибольшим количеством ассоциативных связей;

– гендерные, возрастные и другие варианты ядра лексикона;

– периферия лексикона школьников (с. 66–67).

Все перечисленные аспекты модели лексикона в работе А. П. Сдобновой проанализированы и описаны.

Показано, что в ядро лексикона школьников входят и единицы общего жаргона (сленга), молодежного и школьного жаргонов, причем появляются эти единицы в 7–8-й кл., а наибольшей частотности достигают у старших школьников.

Установлено, что заметная жаргонизация ядра наблюдается преимущественно у мальчиков.

Очень важным теоретическим выводом, к которому приходит автор рецензируемой книги, является вывод о том, что при переходе из одной возрастной группы в другую школьники сохраняют не менее 60% словаря предыдущей возрастной группы. А. П. Сдобнова делает аргументированный вывод: «По-видимому, это тот минимум лексического тождества, который необходим для успешного взаимопонимания при вербальной коммуникации» (с. 78).

Важным теоретическим и практическим достижением автора рецензируемой работы является выделение базовой части лексикона школьников (совпадающей у всех возрастов), которая далее была сопоставлена с первой тысячей слов из частотного словаря русского языка, с первой тысячей слов лексического минимума русского языка, а также с универсальными единицами из списка М. Сводеша, что позволило автору прийти к выводу о том, что «базовая часть лексикона школьника, установленная по материалам РАСШ, обнаруживает значительное совпадение с наиболее частотной лексикой “языка взрослых” и, следовательно, характеризует русский язык в целом, имеет общезыковую природу» (с. 81).

Большое значение имеет осуществленное в работе выделение ядра лексикона школьника – показано, что это наиболее устойчивая часть их лексикона.

Установлено, что к школьному периоду константная, центральная часть ядра лексикона человека уже сформирована. К ядру лексикона школьника относятся следующие единицы: *большой, вода, делать, день, деньги, дерево, дом, дорога, друг, думать, животное, жизнь, игра, идти, класс, книга, люди, маленький, мальчик, машина, мой, нет, плохо, плохой, работа, радость, ребенок, собака, стол, ум, умный, урок, хороший, хорошо, человек, школа, я* (с. 148).

А. П. Сдобнова характеризует ядро лексикона школьника как совокупность лексических единиц, которые «эксплицируют самые значимые концепты в картине мира каждого школьника» (с. 148).

Установлено, что ядро лексикона каждой возрастной и гендерной группы школьников имеет свои особенные ядерные единицы, отражающие референтные зоны, актуальные для той или иной группы школьников, особенности их языковой картины мира. Эти единицы ядра, составляющие меньшую его часть, выступают переменными в процессе формирования ядра лексикона, и именно они испытывают наибольшее изменение в процессе перестраивания их ассоциативно-вербальных связей в ассоциативно-вербальной сети в школьный период.

Показано, что динамические процессы в формировании концептосферы ребенка отражаются в *смене ранговых позиций* единиц ядра лексикона и в *изменении структуры ассоциативного поля* этих

единиц. При этом особенно важно наблюдение А. П. Сдобновой, касающееся интенсивности изменений в ассоциативных полях: наиболее интенсивные изменения происходят в ассоциативных полях ядерных единиц, в семантике которых содержатся коннотации личностного характера, связанные с осмыслением школьником себя как личности, своей социальной роли, осознанием отношений людей в социумных группах (с. 148).

Еще одним важным результатом исследования А. П. Сдобновой является выявление факторов, обеспечивающих устойчивость ядра лексикона: установлено, что устойчивость ядра лексикона проявляется в константности ядерных единиц, в организации ядра, а также в совпадении семантических зон ядра лексикона школьников и ядра лексикона взрослых; при этом динамические процессы в семантической организации ядра проявляются в смене приоритетности, актуальности той или иной зоны в языковом сознании школьников разных возрастных групп.

В работе показано, что на динамику состава ядра и его организации в языковом сознании школьника оказывают действие разные факторы, среди которых доминирующими выступают возрастной и гендерный. Действие возрастного фактора проявляется в ярко выраженной тенденции постепенного сближения с «нормой» ядра лексикона взрослых носителей русского языка, а гендерного – в разной силе, интенсивности проявления этой тенденции.

Особо следует отметить содержательные разделы монографии, посвященные анализу отказов от реагирования как характеристики лексикона ребенка. Этому в монографии посвящен специальный раздел 5 – «Нулевые ассоциативные реакции и проблема выделения периферийной зоны».

А. П. Сдобнова приходит к выводу, что если на ту или иную лексему как стимул испытуемые дают не более 12% отказов, то эти лексемы принадлежат к активному пласту лексикона ребенка, а если 30% и более – к периферийной зоне лексикона. Интересно, что периферийными оказываются преимущественно книжные слова с абстрактным значением.

По данным А. П. Сдобновой, активный пласт лексикона школьника составляет не менее 70% его лексикона. Относительно периферийной зоны лексикона автор делает заключение о неравномерности ее развития, она наиболее активно развивается в старшем школьном возрасте. Абстрактные и книжные слова начинают заметно пополнять лексикон в 7–8-й и особенно в 9–11-й классах. Периферийная же неабстрактная лексика делает в лексиконе ребенка скачок при переходе от возрастной группы 1–4-й классов к группе 5–6-й классов.

В составе лексикона школьников выделяются единичные лексемы – встречающиеся один раз во всех реакциях (типа *абстрактная* – на стимул *картина*). По данным А. П. Сдобновой, такие лексемы составляют примерно треть совокупного

лексикона школьников и в основном, что весьма неожиданно, относятся к нейтральной кодифицированной лексике – лексемы типа *газонокосилка*, *миноносец*, *сценарист*, *перечитать*, *плеваться*, *раскопать*, *овощной* и под.

Отдельно рассматривается идиолексикон школьника – лексикон конкретной личности. Подобные исследования крайне малочисленны, и в связи с этим данный аспект в работе А. П. Сдобновой представляется чрезвычайно важным.

Автором подробно представлена методика анализа идиолексикона, показано, что идиолексикон, несмотря на его малый объем, по сравнению с совокупным лексиконом школьников, представляет собой необходимый минимум лексических единиц, которые обеспечивают коммуникацию современного школьника, поскольку эти единицы номинируют основные, важные реалии, ситуации, события во всех сферах жизни современного человека. Идиолексикон следует рассматривать как эксплицирование базового лексикона и эволюционирующей околобазовой зоны, претендующей на переход в базовую часть совокупного лексикона школьника.

Еще одно важное наблюдение автора – что центром идиолексикона и его возрастных вариантов выступает ядро, которое в своей основе совпадает с ядром совокупного лексикона школьников, а главные единицы ядра идиолексикона и ядра лексикона школьников максимально совпадают не только по составу, но и по рангам; одинакова и системная организация ядра идиолексикона и ядра лексикона.

Установлено, что возрастные процессы в развитии идиолексикона совпадают с динамикой развития лексикона возрастных групп школьников.

Состав идиолексикона, его эволюция в школьный период, возрастные процессы развития лексикона отдельного школьника, как устанавливает А. П. Сдобнова, конгруэнтны составу совокупного лексикона школьников, процессам в возрастных типовых моделях лексикона групп школьников. Это позволяет утверждать, что процессы в последних – это реальные процессы эволюции формирующегося лексикона в школьный период, а индивидуальный ассоциативный словарь отдельной личности школьника – психолингвистическая реальность, в которой представлены все те динамические явления, которые выявлены в ассоциативно-вербальной сети школьников, в их лексиконе по материалам массового ассоциативного эксперимента.

Автор рецензируемой книги приходит к выводу, что в лексиконе школьников всех возрастных групп выделяется его стабильная часть – ядро, формирование которого начинается в раннем возрасте, а стабилизационные процессы протекают в школьный период.

Кроме ядра как центра лексикона выделяется его базовая часть – общая часть лексиконов всех возрастных групп школьников. По своему составу

и функциям базовая часть лексикона школьников предельно близка к активному словарю современных носителей русского языка. Это лексическое ядро языка, которое обеспечивает взаимопонимание общающихся в процессе коммуникации. Как показало исследование, базовая часть составляет около половины активного словаря школьника в каждый возрастной период.

В процессе формирования лексикона школьников, в развитии их ассоциативно-вербальной сети, в освоении семантики лексических единиц А. П. Сдобнова выявляет четыре основных динамических типа ассоциативных полей: тип стандартизации, тип усложнения поля, тип периферийного развития и тип вхождения в словарь; при этом первые два – тип стандартизации и тип усложнения поля – характерны для ассоциативных полей единиц ядра лексикона и большинства единиц базовой и околобазовой частей лексикона. Ассоциативные поля единиц периферийной зоны характеризуются типом периферийного развития или типом вхождения в словарь.

Установлено, что от младшей возрастной группы к старшей идет увеличение объема лексикона, возрастает разнообразие реакций одних ассоциативных полей, усиливается стандартизация других ассоциативно-вербальных связей.

Каждый из возрастных периодов характеризуется своими особенностями динамических процессов в лексиконе. В переходный период от младшего школьного возраста к подростковому сокращается функционирование неузуальных новообразований, образований модификационного характера. Лексикон подросткового периода характеризуется нестабильностью лексических пластов, значительным ростом неcodифицированной лексики. Лексикон школьников старшей возрастной группы выделяется тенденцией к индивидуализации лексикона и его активному расширению.

Установлено, что вариативность и изменения лексикона в основном накапливаются в подростковых группах, а динамический скачок к стабилизации системы лексикона происходит при переходе из старшей подростковой группы в юношескую (9–11-й кл.).

Основной направленностью изменений в лексиконе школьника в возрастной динамике

является сближение с ядром лексикона взрослых на основе постепенной стандартизации ассоциативных связей.

В книге А. П. Сдобновой читатель найдет многочисленные содержательные таблицы, наглядно демонстрирующие выявляемые исследователем закономерности.

Работа А. П. Сдобновой написана хорошим и понятным научным языком, она будет доступна не только ученым, но и обучающимся – студентам, магистрантам.

Из пожеланий автору укажем на отсутствие раздела о направлениях дальнейшего исследования лексикона школьника и оставшихся нерешенных проблемах – наверняка, такие проблемы стали очевидны для автора, и хотелось бы видеть их сформулированными в компактном виде в заключении к работе. Кроме того, список использованных аббревиатур, количество которых весьма велико, лучше было бы расположить в начале книги, а не в ее конце.

В заключение хотим подчеркнуть, что монография А. П. Сдобновой – очень важный, нужный и своевременный шаг к пониманию механизмов организации и развития лексикона ребенка в возрастной динамике. Она достойно продолжает и развивает Саратовскую психолингвистическую школу, одним из основателей которой как раз является автор рецензируемой книги.

Хочется пожелать автору успешного завершения работы в данном направлении.

И. А. Стернин

Примечания

- ¹ См.: Гольдин В., Сдобнова А., Мартыанов А. Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 500 с. ; *Их же*. Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 1. А–Н. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 480 с. ; *Их же*. Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Т. 2. От реакции к стимулу. Ч. 2. О–Я. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 420 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобылева Анастасия Леонидовна – аспирант кафедры русской литературы и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: nast39@yandex.ru

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Бурунский Владимир Маркович – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Курского государственного университета. E-mail: vburun@yandex.ru

Васильева Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Чебоксары. E-mail: milavas71@mail.ru

Гаврилов Артем Дмитриевич – студент отделения журналистики Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, Чебоксары. E-mail: artmaster28@rambler.ru

Голубева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. E-mail: gtm212@mail.ru

Данкова Наталья Станиславовна – старший преподаватель кафедры английского языка Пензенского государственного университета. E-mail: n.s.dankova@mail.ru

Дегальцева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: deganna@mail.ru

Демчук Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова, Абакан. E-mail: emalika1@mail.ru

Жуков Олег Русланович – аспирант кафедры русской и классической филологии Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. E-mail: zhukovoleg411@rambler.ru

Зотеева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: lady.zoteewa2010@yandex.ru

Литвинова Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ievlevanv@mail.ru

Майборода Светлана Витальевна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета имени В. И. Разумовского. E-mail: ameli25@yandex.ru

Мицц Белла Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Мокина Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru

Навасартян Лариса Гагиковна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: chaikat115@mail.ru

Опарина Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка факультета вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: oloparina@rambler.ru

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: prozorov@sgu.ru

Прохорова Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: tatprohororova@yandex.ru

Суворов Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: suvorov@list.ru

Титлова Анастасия Станиславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа. E-mail: nastyatitl@gmail.com

Федерякин Александр Юрьевич – аспирант кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета, Челябинск. E-mail: dalef_alexfed@mail.ru

Фенина Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: vvfenix12@mail.ru

Хрусталева Анна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А. E-mail: tevlin1982@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bobyleva Anastasia Leonidovna – Graduate Student, Department of Russian Literature and Teaching Methods, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: nast39@yandex.ru

Bogdanova Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Senior Research Fellow, Institute of Philological Research, St. Petersburg State University. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Burunsky Vladimir Markovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of French Philology, Kursk State University. E-mail: vburun@yandex.ru

Dankova Natalia Stanislavovna – Senior Lecturer, Department of the English Language, Penza State University. E-mail: n.s.dankova@mail.ru

Degaltseva Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: deganna@mail.ru

Demchuk Ekaterina Yurievna – Graduate Student, Department of the Russian Language and Teaching Methods, Institute of Philology and Cross-Cultural Communication of the Khakassia State University, Abakan. E-mail: emalika1@mail.ru

Federyakin Alexandr Yurievich – Graduate Student, Department of the Russian Language and Literature, South-Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: dalef_alexfed@mail.ru

Fenina Viktoria Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics, Saratov State Law Academy. E-mail: vvfenix12@mail.ru

Gavrilov Artyom Dmitrievich – Student, Department of Journalism, Chuvash State University is named after Ilya Nikolayevich Ulyanov, Cheboksary. E-mail: artmaster28@rambler.ru

Golubeva Tatiana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Language Professional Communication, Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University). E-mail: gtm212@mail.ru

Khrustaleva Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Foreign Languages and Professional Communication, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: tevlin1982@mail.ru

Litvinova Natalia Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Translation Studies, Saratov State University. E-mail: ievlevanv@mail.ru

Mayboroda Svetlana Vitalyevna – Graduate Student, Department of the Russian as a Foreign Language, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. E-mail: ameli25@yandex.ru

Minz Bella Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Saratov State University. E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Mokina Natalia Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Saratov State University. E-mail: nat.mokina2011@yandex.ru

Navasartyan Larisa Gagikovna – Graduate Student, Department of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: chaika115@mail.ru

Oparina Olga Igorevna – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of the English Language, Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Department of the Theory and Practice of the English Language, Higher School of Translation/Interpreting, Lomonosov Moscow State University. E-mail: oloparina@rambler.ru

Prokhorova Tatiana Gennadiyevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: tatprohororova@yandex.ru

Prozorov Valeriy Vladimirovich – Doctor of Philology, Head of the Department of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: prozorov@sgu.ru

Suvorov Andrey Alexandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: suvorov@list.ru

Titlova Anastasia Stanislavovna – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages for Natural Science Faculties, Bashkir State University, Ufa. E-mail: nastyatitl@gmail.com

Vasilyeva Ludmila Alexandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Chuvash State University is named after Ilya Nikolayevich Ulyanov, Cheboksary. E-mail: milavas71@mail.ru

Zhukov Oleg Ruslanovich – Graduate Student, Department of Russian and Classical Philology, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. E-mail: zhukovoleg411@rambler.ru

Zoteyeva Tatiana Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the English Language, Theoretical and Applied Linguistics, Saratov State Law Academy. E-mail: lady.zoteyeva2010@yandex.ru